Конан

КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ

Северо-Запад®

Annotation

Оказавшись в Пограничном королевстве, Конан нанимается в местную дорожную стражу и сталкивается с оборотнями-волколаками, терроризирующими местное население. Он борется с вожаком оборотней, уничтожает его стаю и помогает своему другу Эрхарду занять трон Пограничья.

- Олаф Бьорн Локнит
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ПРОЛОГ
    - ГЛАВА ПЕРВАЯ,
    - ГЛАВА ВТОРАЯ,
    - ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
    - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
    - ГЛАВА ПЯТАЯ,
    - ГЛАВА ШЕСТАЯ,
    - ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
    - ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
    - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
    - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,
    - ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,
  - ЭПИЛОГ,

Олаф Бьорн Локнит
Карающая длань

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОБОРОТНИ ЗА КАЖДЫМ КУСТОМ

ПРОЛОГ

В Пограничном королевстве наступила осень. Разумеется, по природе здешней, приближенной к промозглой полуночи местности, зарядили моросящие нескончаемые дожди. С начала первого осеннего месяца потоки мутных облаков тяжело плыли к восходным краям, не позволяя слабым солнечным лучам коснуться превратившейся в жидкую грязь земли…

Олгар, милостью Митры свободный земледелец, поднял голову и плюнул в затянутое серой пеленой небо.

– Нергал бы побрал эту погодку! Эх, говорила мне матушка: «Сынок, ну зачем тебе ехать в такую дыру? Ну и что тебе светит с бесплатной раздачи земли? Вот у нас, в Гиперборее, землицы, бери – не хочу, правда, немного каменистая и промерзлая, да ты у меня парень крепкий… „Сидел бы сейчас, долбил заступом «землицу“, и за шиворот ничего бы не лилось… Тьфу! – Олгар от души сплюнул еще раз, вздохнул и продолжил выдергивать из смачно чавкающей грязи, бывшей когда-то черноземом, желтоватую, подгнившую репу.

За его спиной, возле недалекой опушке мокрого, унылого леса захлюпали по грязи чьи-то осторожные шаги. Олгар обернулся – кого там еще несет? – резко дернулся, потянувшись за болтавшимся на боку кинжалом, и его лицо окаменело от ужаса.

– Митра, защити грешного раба твоего! – истошно заорал крестьянин через мгновение, выронил нож, и бегом кинулся через раскисшее поле к маленькому домику с уютно светившимся окошком.

За ним, с жутким треском проломившись через густой подлесок, прыжками неслось Нечто. Оно шло, вернее, бежало на двух вполне человеческих ногах, имело две руки (правда, пальцы на них заканчивались здоровенными желтоватыми когтями), а на крепкой толстой шее сидела почти волчья голова. «Почти» потому, что глаза у нее были небесно-голубые и вполне человеческие. В довершение картины жуткое существо, словно вырвавшееся из мира демонов, с головы до пят покрывала короткая светло-коричневая шерсть.

Бедняге Олгару не удалось добежать до родной хибары. Оборотень настиг его где-то посредине поля и с размаху прыгнул на спину. Крестьянин оказался сильным и пробежал с тяжелой тушей на спине еще шагов пять, визжа, будто свинья на бойне.

Оборотень тоже не просто сел покататься. Кривые когти разодрали грудную клетку человека, левая лапа обхватила трепыхающийся упругий комочек и рванула… Визг внезапно оборвался, Олгар, щедро поливая скользкую грязь собственной кровью, рухнул в грязь. Существо, не удержавшись, сорвалось со своей жертвы, проскользило пару шагов в мокром месиве, крепко сжимая в лапе добычу. Остановившись, оно по-собачьи отряхнулось и с наслаждением погрузило длинные клыки в то, что совсем недавно было сердцем Олгара. Когда с крохотным кусочком мяса было покончено, оборотень поднял голову к низкому, хмурому небу и завыл. Но не протяжным, тоскливым волчьим воем, а победным, торжествующим. Затем он опустился на четвереньки и…

Тело поплыло, размякло, как нагретая глина, трещали кости, ладони скрючились, пальцы поджались, становясь настоящими волчьими лапами, голова вытянулась вперед, вырос хвост… На месте человекоподобной твари стоял огромный, поджарый светло-коричневый с серебринкой волк, ничем не отличающийся от своих лесных собратьев. Только глаза остались прежними – голубыми и холодными, как две льдинки. Зверь преспокойно

принялся поглощать лежавшее перед ним и курившееся теплым парком мясо, иногда, для удобства, придерживая его широкой лапой.

Дверь домика распахнулась и на пороге появилась дородная женщина в простом холщовом платье.

– Олгар, прекрати выть под окном, второй раз ты меня этим не испу… О, Митра! – хозяйка дома закричала и кричала долго, с надрывом, кричала до тех пор, пока огромный волк могучим прыжком не сбил ее с ног. Наступила тишина. Почти тишина, если не учитывать хруста разгрызаемых костей и неумолчного шума дождя.

Наконец волк набил брюхо, облизнулся, кинул взгляд по сторонам и ленивой трусцой сытого и никуда не торопящегося зверя пересек поле, скрывшись в лесу. Над разоренной усадьбой закружились незнамо откуда взявшиеся вороны. Немного погодя черно-серые птицы стали спускаться все ниже и ниже…

Оборотень пробежал около мили по мокрому лесу, затем выскочил на заброшенную вырубку и отмахал по ней еще с поллиги. Вырубка упиралась в широкий тракт, ведущий в Пайрогию, а на обочине паслись три оседланных коня под присмотром двух человек. Судя по их форме и оружию, они входили в личную дружину какого-то бритунийского дворянина.

Лошади подняли головы, но не забились в ужасе, когда беззвучно вынырнувший из высокой травы волк подбежал к ним. Не испугались и солдаты.

Оборотень замер посреди тракта, как-то весь подобрался и мелко задрожал, снова начав меняться. На сей раз он принял облик человека – невысокого стройного молодого мужчины со светлыми прямыми волосами, прямым же носом, жестким узким ртом и голубыми глазами. На щеке белел небольшой шрам.

Один из воинов протянул мужчине заранее приготовленную одежду – довольно богатый охотничий костюм.

– Охота была удачной, мой господин? – подобострастно спросил он.

Бледные губы оборотня скривились в усмешке.

– Вполне, – коротко бросил он, застегивая камзол.

Вскоре все трое вскочили в седла и рысью двинулись по направлению к Пайрогии.

* * *

– Вот дерьмо! – с отвращением произнес немолодой десятник пограничной стражи, накрывая дерюгой полусъеденные останки женщины и стараясь при этом не смотреть вниз. Его подчиненный, более слабый нервишками и желудком, сотрясался в рвоте, держась за угол дома. Еще двое солдат занимались телом (вернее, тем, что от него осталось) мужчины, лежавшего посреди наполовину убранного поля. Остальные патрульные обшаривали окрестности, выискивая хоть какие-нибудь следы.

– Ну, что там?! – крикнул немного погодя десятник солдатам, осматривавшим второй труп.

– Сплошной кошмар, Эрхард. Вдобавок и воронье поработало… Короче, отвратительное зрелище! – донеслось в ответ.

Эрхард с явной неохотой подошел к ним, откинул плащ с тела, побледнел и торопливо

набросил ткань обратно.

– Что скажешь, Эмерт? – мрачно спросил он у солдата.

Эмерт горестно покачал головой:

– Нам велели проверить этого поселенца, потому что его соседи, во-он там, – он ткнул рукой в сторону холмов, – слышали крики и вой, доносившиеся со стороны усадьбы, однако сами пойти побоялись. Селяне закрылись в своем доме и носа оттуда не показывали. Я очень надеялся, что это окажется обычной семейной ссорой с битьем собаки, но… Здесь все также, как и в других поселениях на границе. Полусъеденные трупы, огромные волчьи следы и отпечатки босых ног, явно не принадлежащие убитым… Поневоле вспомнишь старые сказки об оборотнях.

– Да брось ты, – сплюнул Эрхард. – Не бывает оборотней.

– Почему ты так уверен? Кто же тогда убил Олгара и его жену? Не простой же песик! – настаивал на своем Эмерт. – Здесь наверняка поработал какой-то хищный зверь!

– Может, колдуны гиперборейские балуются? – неуверенно предположил десятник, глядя на покрытое плащом тело и сам не слишком веря своим словам. – Эй, Джил! Мартокс! Копайте могилу где-нибудь за домом! Хотя нет… Будет лучше сжечь хибару вместе с трупами.

Эмерт кивнул:

– Ты прав. Все равно никто больше не захочет поселиться тут.

– Приказ отменяется, парни! – заорал Эрхард. – Тащите тела в дом и поджигайте его! Как ты думаешь, Эмерт, – повернулся он к подчиненному. – Долго такое будет продолжаться?

Остальные солдаты уже таскали в дом сухую солому из-под навеса.

– Эх, командир, – вздохнул тот. – Пока оборотня не прикончим…

– Дались тебе эти оборотни! Ладно, – махнул рукой десятник, глянув на весело разгоравшийся дом. – По коням, ребята! Здесь нам больше делать нечего!

– Командир! Командир! – к уже сидевшему на лошади Эрхарду подбежал запыхавшийся молодой солдат. – Я прошел по следам, они ведут к тракту и там обрываются. Возле дороги недавно, похоже, паслись три лошади, но потом они выбрались на дорогу и их следы затоптали. Думается мне – они направились в Бритунию.

– Молодец, – похвалил подчиненного Эрхард. – Но это говорит не о многом… Уходим!

Спустя некоторое время кавалькада на рысях скрылась за холмами, оставив домишко Олгара догорать в одиночестве.

Десятник Эрхард и не подозревал, что очень скоро примет самое деятельное участие в раскрытии загадочных убийств, да не один, а в компании с известным бродягой-киммерийцем по имени Конан.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой Конан размышляет о превратностях судьбы искателя приключений

– Кром! – проворчал Конан, когда с неосторожно задетой ветки ему за шиворот обрушился водопад холодной воды. Это вдобавок к непрекращающемуся мелкому противному дождику! Там, в небесах, что, все спятили? Сколько ж можно поливать эту треклятую землю, на которой все равно ничего толком не растет?

Небольшой караван, в который бродяга-варвар нанялся охранником, вез из Нумалии различное ценное (и не слишком) барахло королю Пограничья, а также его подданным. Однако «король» – сильно сказано. В Пограничном королевстве испокон века царили столь немыслимые неразбериха и бардак, что разобраться в хитросплетениях политики этой маленькой страны не смог бы даже Митра, появись у него столь странное желание. Насколько было известно, западную часть так называемого королевства занимали отдельные кланы, постоянно враждующие между собой и вообще не признающие никакого короля. На восходе же шла извечная грызня за трон между местными графами и потому с уверенностью сказать, кто нынче занимает развалюху, пышно именуемую «королевским дворцом», было сложно. Впрочем, не все ли равно?..

У Конана после двух предыдущих посещений Пограничья сохранились довольно-таки неприятные воспоминания об этой унылой и заброшенной стране. Киммериец, впервые проезжая через закатные края, поневоле угодил в крупную междоусобную заварушку. Вступившись за девушку, он спас ей жизнь и восстановил справедливость (во всяком случае, так ему казалось), но при этом Конана едва не растерзал царственный бык – тотемное животное местных кланов. Во второй раз было значительно хуже: варвар помог очередному (вроде бы законному…) королю победить мятежного вассала, набравшего на службу кучу мерзопакостных колдунов из Звездного Братства. В общем, если пропускать мелочи и вспоминать только о самом главном, тогда его чуть не сожрало кошмарное чудище, не убила Раина Боссонская и не повесил граф Сизамбри. Веселенькая выдалась прогулочка, нечего сказать…

Но, по крайней мере, во время прошлых визитов стояло лето и не текло с неба!

Караван неторопливо пробирался густым лесом, редко посещаемая дорога размокла и лошади с трудом переставляли ноги, утопая в чавкающем липком месиве. Несколько раз колеса телег увязали настолько, что погонщикам приходилось слезать и подталкивать их – лошади не справлялись. Конан, как самый сильный, принимал в этом тяжком деле непосредственное участие, о чем красноречиво свидетельствовали его покрытые грязью выше колен, а некогда так хорошо выглядевшие и почти новенькие кожаные штаны и сапоги.

После очередного длительного и мучительного вытаскивания застрявшей телеги из огромной лужи, варвар залез в седло и мрачно подумал, что, хотя ему напрочь надоели Черные Королевства и постоянно подкидываемые ими неудачи (Взять хотя бы недоброй памяти Живой ветерок… Зачем, спрашивается, полез сражаться за справедливость?..), это грязное болото тоже мало напоминает место роскошного отдыха. Все, довожу караван до места, получаю свое и сваливаю… Только куда? Может, податься в Аквилонию? Там, по слухам, опять началась заварушка с пиктами. Наемники всегда много зарабатывают… Ага,

по шее и по другим частям тела. Нет, ну что за поганое место такое?

По лицу не успевшего пригнуться киммерийца с размаху прошлась очередная ветка, вызвав очередной ливень холодных капель и бурю негодования в душе варвара. Наверное, у него случилось временное помрачение рассудка, раз он согласился связаться с этим треклятым караваном…

* * *

… Когда Конан сидел в харчевне «Драконья кровь» и с удовольствием напивался – все равно делать было нечего – к нему подошел невысокий подтянутый человек. Черные смоляные волосы и аккуратная подстриженная бородка и усиками такого же цвета, а также смуглый цвет лица выдавали в нем уроженца гирканских степей. Одет незнакомец был, правда, по последней немедийской моде, однако на широком кожаном поясе висела кривая туранская сабля без особых украшений на рукояти и в простых, обтянутых свиной кожей ножнах.

Когда он обратился к киммерийцу, Конану все стало ясно. Незнакомец говорил на немедийском с явно выраженным туранским акцентом.

– Я думаю, передо мной известный Конан из Киммерии?

Получив утвердительный ответ – варвар кивнул головой, так как рот у него был занят пережевыванием недожаренной говядины – неизвестный невозмутимо продолжил:

– Я Омал из Султанапура, – при этом туранец церемонно поклонился. Его опрятный вид совершенно не вязался с замызганной вонючей дырой, которую являла из себя «Драконья кровь» и варвар мельком подумал – чего ж тогда этот щеголь здесь шляется и на кой ляд ему понадобилось заводить разговор с поиздержавшимся наемником на мели, коим в данный момент является он сам? Может, хочет что-то предложить? Десяток-другой золотых сейчас вовсе не помешал бы… – Вы позволите угостить вас вином?

Конан промычал нечто нечленораздельное – он посейчас не мог управиться с излишне жестким куском мяса – однако сопровождавший невнятные звуки кивок на сей раз оказался куда более энергичным. Наконец, победа над местной стряпней была одержана и в полупустой харчевне прозвучал возмущенный рев:

– Кром! Эй, хозяин, сколько лет стукнуло этой корове – двести или триста? Ладно, – обратился варвар к Омалу. – Угости, если хочешь… Но не думай, что это меня чем-нибудь обяжет.

– Трактирщик! Кувшин лучшего вина, какое у тебя найдется, – потребовал Омал. – И быстро! – добавил он, видя, что жирный боров в грязном фартуке не особо торопится, оценивая платежеспособность посетителя. Но стоило в руке туранца мелькнуть золотой монете, как хозяин с неожиданной прытью побежал на кухню. Вскоре на замызганный стол был осторожно водружен глиняный кувшин.

Улыбаясь щербатой улыбкой, трактирщик как бы между прочим бросил:

– Два золотых.

– Что?! – туранец в бешенстве вскочил со скамьи. – Да за такие деньги можно купить всю твою харчевню!

Тем временем Конан, нехорошо ухмыляясь, преспокойно сгреб кувшин своей лапищей, без особых размышлений отбил горлышко о край стола и опрокинул содержимое в бездонную глотку. На горле заходил крупный кадык. Остолбенели и трактирщик, и Омал, у последнего просто отвалилась челюсть. Осушив сосуд до последней капли, варвар стукнул кувшином о стол и просто сказал:

– А вино-то ничего. Кислит, правда, немного.

Трактирщик улыбнулся настолько широко, насколько мог, и несколько увядшим голосом повторил:

– Два золотых.

Омал побледнел, но развязал тесемки кошеля и вытянул два желтых кругляшка.

– Держи, кровопийца! А ты… – он задохнулся, явно подыскивая подходящее слово, но потом махнул рукой, расхохотался и неожиданно закончил: – Молодец! Я уверен – ты мне подходишь.

Конан крякнул и многозначительно бросил:

– Зато я не уверен, подходишь ли ты мне.

Он перегнулся через стол и смачно рыгнул прямо в лицо Омала, распространив вокруг отвратительный запах перегара. Опустошенный кувшин был отнюдь не первым за сегодняшний вечер, однако это обстоятельство совершенно не мешало варвару соображать. Просто ему было любопытно – сбежит разряженный красавчик или останется? Если сбежит – значит, его и слушать не стоило, а вот если нет…

Туранец брезгливо отшатнулся, но с места не двинулся, процедив:

– Да ты просто животное, а я-то думал…

Киммериец криво ухмыльнулся:

– Вот она, обратная сторона медали! Ну, хорош шутить, давай о деле. И закажи еще вина, – добавил он, устраиваясь поудобнее и готовясь выслушать все, что ему скажут. Спешить-то все равно некуда – денег почти нет, работы пока тоже не нашлось, а тут вроде подворачивается что-то любопытное…

– Хозяин! Еще вина, только подешевле, – Омал уселся, отодвинул тарелку с обгрызенными костями, поставил локти на замызганный стол и взглянул в глаза Конану. – Я начальник охраны купца Торика. Через два дня он и его компаньоны отправляют большой караван в Пограничное королевство. Мне поручено набрать отряд в два-три десятка человек для его охраны. Задание простое – доставить товар целым и невредимым. Уйдет на эту прогулку недели две или побольше, оплата – десять золотых…

Грубый, но искренний хохот заглушил слова туранца.

– За такие гроши тебе даже последняя уличная шлюха не даст, а ты предлагаешь мне убить две недели! Не пойдет, – твердо сказал Конан и сделал крупный глоток из огромной кружки. Омал понимающе кивнул головой:

– Как мне и рассказывали, тебя на мякине не проведешь. Поэтому даю сразу пятьдесят.

Конан, улыбаясь, отрицательно помахал рукой.

– Иди, покрутись на окраинах и найми с десяток нищих. Они с удовольствием поразмахивают клюками возле твоих телег. В конце концов, мы с тобой не мальчики. Или называй нормальную плату или убирайся. Выход вон там, – для пущей верности он даже указал на покосившуюся дверь. – Хотя могу устроить вылет через окно. Правда, оно узкое, но нет ничего невозможного…

Туранец коротко ухмыльнулся и бросил:

– Двести.

– Ну, вот это совсем другой разговор, – довольно сказал Конан. – Когда я получу деньги?

– Пятьдесят сейчас, остальное в Пограничье, когда доберемся до места. Оружие, надеюсь, у тебя есть?

Варвар подумал, не обидеться ли на такое предположение, но потом решил, что не стоит. В конце концов, как-то нехорошо сначала напиться за чужой счет, а потом устроить собутыльнику и работодателю взбучку. Да и настроение совершенно неподходящее… Поэтому он кивнул и допил остатки вина:

– Все, что потребуется, я куплю сам. Давай, – он протянул руку.

Омал тяжко вздохнул, запустил руку в кошель и отсчитал десять полновесных пятиталеровых монет с немедийским драконом с одной стороны и профилем короля с другой:

– Приходи через два дня к Северным воротам. Надеюсь, ты не пропьешь задаток тут же… – вполголоса пробормотал начальник охраны.

Конан пропустил его слова мимо ушей, невозмутимо сгреб деньги в казавшийся бездонным карман и поднялся:

– Пойду, прогуляюсь по оружейным лавкам. Встретимся через два дня.

Едва не ударившись головой о низкую притолоку, варвар покинул трактир, по грязным и извилистым улочкам выбрался на широкий Королевский тракт и остановился в раздумье.

На Королевском тракте (поименованном так в честь того, что именно здесь происходили все парадные въезды-выезды короля в те редкие случаи, когда он посещал Нумалию) находились три лавки, украшенные скрещенными на фоне глухого рыцарского шлема мечом и топором. Все мастера, работавшие здесь, считались превосходными. Оглядев себя, Конан нашел, что его кожаные штаны и куртка хоть и изрядно потрепаны, но разваливаться в ближайший месяц вроде не собираются. То же самое касалось и подкованных железом высоких сапог. Из оружия у него имелся неизменный прямой широкий меч с простой рукояткой и карпашский кинжал с лезвием длиной около двух ладоней. Требовалось купить небольшую секиру для конного боя, кольчугу и шлем. Ну, если хватит денег, можно разориться и на небольшой щит.

Киммериец наконец пришел к какому-то решению и быстрым шагом отправился вверх по Королевскому тракту к Атли – оружейнику из Ванахейма.

Ступив в мягкий полумрак лавки, Конан невольно остановился, залюбовавшись великолепными изделиями мастера, развешанными по стенам. Чего только тут не было! Кольчуги с длинными и короткими рукавами, до колен и короче, тускло серебрившиеся в слабом свете и вороненые… Шлемы и щиты всевозможных очертаний и размеров… Топоры и секиры… В углу даже примостился огромный шипастый шар на цепи – боевой молот, ласково и несколько издевательски именуемый «утренней звездочкой».

А мечи…Конан невольно застонал от восторга и сожаления, что не может скупить всю лавку. Особенно его притягивал клинок чуть меньше роста человека, по праву занимавший центр стены – широкий, прямой на северный манер, сталь тройной проковки, на рукояти свернулся посеребренный дракон, сжимающий в пасти маленький неграненый алмаз. Завороженный, варвар снял меч со стены и для пробы взмахнул им несколько раз. Отличная балансировка… Атли явно умеет делать хорошие вещи.

Конан с грустью вспомнил меч, выкованный из «стрелы Индры» и сбалансированный еще лучше, с сожалением вздохнул и вернул клинок на место.

– Что, не по карману, киммерийский оборвыш? – раздался у него за спиной веселый бас.

– Не мешай мне считать деньги, ванахеймский медвежонок, – с достоинством парировал Конан и обернулся.

Кузнец Атли оказался могучим мужчиной. Уж на что варвар был не гном и не задохлик, но рядом с ваниром выглядел почти мальчиком. Руки кузнеца, поросшие густым рыжим волосом, напоминали корни дуба-великана, а еще более волосатая грудь могла сравниться по ширине с трактирным столом. Лицо Атли до глаз заросло бородой (опять же рыжей), плавно переходящей в густую встрепанную шевелюру. Наружу торчал лишь кончик вздернутого носа да блестели веселые зеленые глаза. Из одежды на кузнеце был длинный кожаный фартук со следами многочисленных ожогов.

– Ну, – пророкотал Атли, скрестив руки на груди. – За чем пожаловал?

Конан, глядя на его огромные ладони, с некоторым ужасом подумал, что, пожалуй, кузнец вполне способен обхватить его далеко не тощую шею одной своей лапищей. Да… Такими кулаками хорошо камни дробить, не говоря уж о столь хрупкой вещи, как человеческие головы…

– Мне нужна хорошая двойная кольчуга – лучше всего вороненая – и аквилонский легкий шлем без забрала, – после некоторого размышления проговорил варвар. Атли кивнул, шагнул к стене, поднял крышку огромного сундука и долго гремел железом, доставая и раскладывая на столе кольчуги. Сверху он водрузил несколько шлемов и сделал приглашающий жест – мол, выбирай.

Киммериец подобрал себе небольшую кольчугу примерно до середины бедра и с короткими рукавами, а также округлый вытянутый шлем с поносьем и пучком белых перьев на макушке.

– А меч ты как, брать не собираешься? – ехидно поинтересовался ванир, когда Конан почти без сожаления выложил тридцать золотых, забрал свои приобретения и собрался уходить.

– У меня на такой не хватит денег, – честно признался варвар и неуверенно предложил: – Хотя… Давай поменяемся – я тебе свой старый меч и двадцать золотых, а ты мне отдаешь этот клинок.

– Стоило бы с тобой поторговаться, – задумчиво протянул Атли. – Да ладно…. Люблю, когда лучшие вещи из моего собрания попадают в руки настоящих воинов. Идет! Ножны, так и быть, получишь бесплатно.

Обрадованный Конан мгновенно отцепил свой старый меч, перекинув его вместе с изрядно похудевшим кошельком Атли, а сам бросился за красавцем-клинком, точно тот должен был вот-вот исчезнуть.

– Да, кстати, – спросил кузнец, вешая бывшее оружие киммерийца на стену. – Ты куда собираешься, ежели это не тайна?

– В Пограничье, караван охранять, – отозвался Конан, больше увлеченный разглядыванием меча, чем разговором.

– У-у, – мрачно-сочувствующе протянул Атли. – Это ж такая дыра… А сейчас там еще и осенние дожди начнутся…

– Что значит – «еще»? – варвар наконец оторвался от своей покупки и заинтересованно взглянул на кузнеца. – А что такое случилось? Опять король сменился или кто-то изнасиловал царственного быка?

Ванир рассмеялся:

– Да нет, похуже. Все Приграничье полный месяц стоит на ушах – там что ни день, то новые трупы, да в таком неприглядном виде… Народ вопит – «Оборотни!» Совсем недавно ушел туда купец, с одной телегой и тремя охранниками, и сгинул без следа. Их, правда, отыскали через месяц, но те, кто нашел тела, имели бледный вид и напились до зеленых демонов в первом же встречном кабаке. Так что подумай, киммериец, прежде чем совать голову в пасть медведю. Хотя вы, Кромовы выкормыши, вовсе не думаете, потому как нечем…

– Меня сказочками про оборотней не напугать, – отмахнулся Конан, пропустив мимо ушей подначку хозяина. – Да и на большой отряд они вряд ли решатся напасть. А за меч и предупреждение спасибо. Бывай, Атли. Еще заеду в Нумалию – загляну в гости.

– Счастливо, киммериец, – кивнул кузнец. – Удачи. А за спину все же поглядывай – вдруг оборотни действительно бывают…

Через два дня Конан на рассвете пришел к Северным воротам. Там уже заканчивали грузить на телеги последние мешки и тюки, а будущие охранники шумно знакомились друг с другом. Выяснилось, что кроме туранца Омала и киммерийца, охранять караван будут двое уроженцев Бритуни, человек из Пограничья, а остальные – местные, немедийцы. Среди них Конан, к своему удивлению, заметил смутно знакомую физиономию.

– Эй, Регарат! – окликнул он высокого, худощавого немедийца с безобразным шрамом через все лицо.

Тот удивленно оглянулся, озадаченно уставился на варвара, и на его лице попеременно отразились сначала искреннее недоумение, затем напряженная работа мысли, и, наконец, радость узнавания.

– Конан! Ты ли это? – восторженно заорал Регарат. – Нет, ну надо же! Сколько лет прошло! А помнишь бордель в Аграпуре?

– Ты не изменился, – с притворной грустью покачал головой киммериец. – Все такой же бабник…

Они крепко пожали друг другу руки, хотя почти два десятка лет назад, во время службы в туранской армии, не были большими друзьями. Просто однажды вместе с другими солдатами учинили грандиозную попойку, завершившуюся погромом борделя «Под полной луной».

– Ну, и чем ты занимался после того, как тебя застукал муж той шлюхи и пинком под зад выставил из Турана? – жизнерадостно поинтересовался Регарат.

– Лучше не спрашивай, – отмахнулся Конан. – Всем понемногу. Бродил по свету, и наемником был, и пиратом, и телохранителем, и еще кем-то. Уже не помню… Лучше о себе расскажи.

– А что я? Ушел из армии лет пять назад – надоело до омерзения, – пожал плечами Регарат. – Вернулся на родину, а теперь, как видишь, нанимаюсь сопровождать караваны. Платят прилично, работенка не пыльная, только скучная…

Тут Конана окликнул Омал, и киммериец вежливо – насколько мог – раскланялся со старым знакомым, клятвенно пообещав по дороге рассказать о прошедших годах и своих странствиях. Туранец придирчиво осмотрел снаряжение варвара, одобрительно кивнул, ткнул в сторону стоявшего у коновязи крепкого каурого мерина со словами: «Это твой» и потащил представлять хозяину каравана – унылого вида немедийцу по имени Торик.

Наконец, после изрядной суеты, беготни и криков все было готово: погонщики залезли в телеги, охранники заняли свои места – Конану выпало ехать позади второй повозки – и

хмурые стражники распахнули перед ними Северные ворота Нумалии.

* * *

Вспомнив все это, Конан пожалел, что не послушал предостережений Атли. Погода выдалась на редкость отвратительной, вдобавок с полночной стороны подул холодный пронизывающий ветер, а караван как раз вышел из леса на открытую холмистую равнину и теперь в лицо людям летели хлесткие струи ледяного дождя.

«Да, – подумал Конан. – А ведь здесь живут люди… Как-то они справляются?»

Позади послышалось шлепанье копыт по раскисшей дороге и варвара нагнал мокрый и грязный по уши, а оттого еще более язвительный Регарат.

– Как ветерок? – с сарказмом вопросил он. – А сейчас еще как прыгнет на тебя кто-нибудь из зарослей… И чего ради я согласился переться сюда?

– Помолчи, – оборвал его киммериец. – Это всего лишь глупые слухи.

– Ты что, не слышал рассказа очевидца? – непритворно удивился Регарат и замотал головой, стряхивая с капюшона плаща скопившуюся воду.

– Нет, – огрызнулся Конан. – Какого еще очевидца?

– Который трупы видел… А-а! – понимающе протянул немедиец. – Помнишь, вчера в деревне на ночлег останавливались? Да, куда тебе вспомнить – ты ж как ввалился в дом, у хозяина жбан пойла, которое они пивом называют, забрал и нажрался как свинья. И весь вечер песни распевал, точнее, развывал, потому что голос у тебя как труба, а слуха вовсе нету!

– Можно подумать, ты сам этого пива не пил, – усмехнулся варвар, объезжая глубокие рытвины на дороге, заполненные мутно-коричневой водой. – Кто полбочонка вылакал, я один, что ли?

– Так вот, – не обращая внимания на реплику киммерийца, продолжил Регарат. – Пока ты выл, как голодный волк на луну, мне рассказали кучу прелюбопытнейших историй.

– Ага, – с подозрительной готовностью согласился Конан. – Значит, целую кучу. А кто тебе их рассказывал – хозяйская дочка или жена?

– Да нет, – сердито отмахнулся немедиец. – Хозяин мне рассказывал!

– Наедине? Такого я за тобой, признаться, не замечал, – назидательно-осуждающе сказал варвар. – Где это ты набрался таких мерзких привычек, в Туране, что ли? И не совестно тебе, а?

– Заткни пасть! Сам извращенец! – возмутился Регарат. – Слушай лучше и не перебивай. Хозяин говорил, что у них в деревне оборотни вырезали семью из шести человек, жившую в доме на окраине. Их вопли слышали все, но выйти и помочь не решился никто. Заперлись на все засовы и дрожали, а утром кое-кто рискнул зайти в дом. Этот мужик, наш хозяин, был в их числе, и до сих пор об этом жалеет. Более жуткого зрелища ему видать не приходилось. Внутри все было залито кровью, даже потолок, и повсюду растерзанные трупы, один страшнее другого. Дом сожгли, а его до сих пор кошмары мучают. А на всех телах, как он утверждал, были следы волчьих зубов… Что теперь скажешь, тоже сказочки?

– Дерьмо, вот что, – кратко и зло отозвался Конан. – Я раньше сталкивался с

оборотнями, но те были вполне приличными тварями…

– Это когда ж ты успел? – удивился Регарат.

– Я дважды проезжал через Пограничье дет десять назад, – пояснил киммериец и поерзал в седле. – Вот тогда и умудрился.

– Ну и что с того? – по-прежнему недоумевал Регарат.

– Есть такая поговорка – «Митра троицу любит»… – неохотно сказал Конан.

– А-а, – понял немедиец. – Значит, это будет твоя третья встреча с Пограничьем и с оборотнями. Поздравляю. Наверное, они тебя с нетерпением поджидают…

Некоторое время они ехали молча. Тишину нарушал лишь непрекращающийся тихий шум дождя, равномерный скрип колес и шлепанье копыт лошадей по жидкой грязи. Притихший Регарат неожиданно усмехнулся и самодовольно сообщил:

– А с дочкой хозяина я все-таки прогулялся на сеновал!

Конан только головой покачал, но затем рассмеялся:

– Бабника могила исправит! Смотри, нарвешься когда-нибудь, охотник за юбками…

Караван тем временем неспешно втягивался в небольшую узкую ложбину между двумя высокими холмами, склоны которой заросли густым ельником.

«Отличное место для засады,» – подумал Конан, поглядывая по сторонам, и моментально пожалел о несвоевременной мысли.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой варвар сначала едва не лишается головы, а затем попадает на званый обед

Словно в ответ на мысли варвара окрестный воздух наполнился пронзительными боевыми кличами и из-за мокрых елок на оторопевшую охрану каравана обрушились невесть откуда взявшиеся разбойники. Земля от непрекращающихся дождей размокла, нападавшие скользили по ней, как по льду, то и дело падая и ругаясь. Конан успел слегка удивиться боевой раскраске лиц: вымазанные чем-то черным лбы и виски, на левой щеке три белых полосы, тянущихся к углу губ. Дальше удивляться стало некогда.

К постоянно моросящему дождю добавился ливень длинных и тяжелых боевых стрел с широкими иззубренными наконечниками, предназначенными для того, чтобы калечить врагов. Один из немедийцев схватился за горло и с булькающим хрипом опрокинулся с коня, заметавшегося по долине, волоча за собой тело почившего хозяина.

«Предупреждали же дурака – одень защитный воротник!» – сердито подумал варвар, но тут возница его телеги выпустил поводья и дико закричал, хватаясь за ногу – глубоко вошедшая стрела распорола бедро, кровь так и хлестала… Вознице не пришлось долго мучиться – сразу две летящие смерти прошили ему грудь и шею, и парень мешком свалился под колеса. Телега, увлекаемая неизвестно куда неуправляемыми конями, подскочила, переехав тело, и покатилась дальше.

– К бою! – непонятно зачем завизжал Омал. Он успел вытащить свой сильно изогнутый лук и теперь непрерывно пускал стрелы, иногда даже попадая в разбойников. Кто-то из охраны сумел справиться с неожиданным потрясением и схватиться за оружие, и нападающие понесли первые потери: один получил стрелу в живот, рухнул на колени, попытался подняться, но следующая стрела вонзилась ему в глаз и грабитель повалился в грязь. Некоторое время труп продолжал скользить вниз, затем застрял между деревьев.

У Конана и Регарата луков не было, а потому они, спешившись, прикрывали укрывшихся за телегами щитами стрелков. Обмен стрелами продолжался ровно столько времени, сколько потребовалось нападавшим для лихого спуска по мокрому склону. Затем волна грабителей докатилась до остановившихся и сбившихся в кучу повозок и охране пришлось взяться за мечи. Последний залп лучников выбил из вражеских рядов около пяти нападавших, но их все равно оставалось еще порядочно.

– Покажем черномазым свиньям! – заорал Конан, отбрасывая ставший похожим на взъерошенного ежа щит и выхватывая из ножен свой новенький великолепный меч, пока ни разу не бывавший в деле. Варвару вразнобой откликнулся дружный рев двух десятков глоток и схватка началась.

Первый противник киммерийца попытался с разбегу снести варвару голову, Конан без особого труда уклонился и просто выставил перед собой клинок. Дико блестевшие на черном лице глаза расширились от ужаса, но остановить разбег нападавший уже не мог и всей тяжестью налетел на меч. Лезвие, проскрежетав по ребрам и хребту, вышло из спины, разбойник захрипел, захлебываясь кровью. Конан пнул его ногой, вытягивая меч, с разворота снес голову еще одному грабителю, прыгнувшему на него с телеги, и бросил взгляд по сторонам. К нему неслись двое чернолицых, бестолково размахивая кривыми саблями. Они

не представляли никакой опасности, и с ними удалось справиться довольно быстро.

Зато справа от варвара происходило нечто странное…

Парень из Пограничья, имени которого Конан так и не узнал – на привалах тот держался особняком, на вопросы отвечал односложно и не стремился завести друзей – в самом начале боя ударил мечом в спину одного из бритунийцев и теперь сражался со вторым. У того по лицу катились слезы и сквозь плотно сжатые зубы прорывались короткие всхлипы – кажется, бритунийцы были братьями или кровными родичами. Желание отомстить мешало парню собраться и следить за противником, он пропустил обводящий удар в бок и теперь, теряя силы и кровь, опустился на колено, все еще пытаясь отражать сыпавшиеся на него удары.

– Держись! – крикнул Конан, парируя удар напавшего на него разбойника. Меч с пронзительным визгом прошелся вдоль лезвия сабли, нападавший не удержал оружия и с изумлением уставился на свои пустые руки, даже не заметив, что кончик клинка слева направо перечеркнул его живот. Оставив неудачника подбирать собственные кишки, скользкой лавиной высыпавшиеся наружу, варвар перемахнул через качнувшуюся телегу, и, видя, что не успевает – предатель уже заносил свой меч над упавшим бритунийцем, свободной рукой выхватил из ножен кинжал, широко размахнулся и метнул его. Длинное лезвие мелькнуло в воздухе, точно и глубоко войдя сзади в шею предателя, тот качнулся, выронил меч и с приглушенным воем повалился на землю.

– Туда тебе и дорога, – мрачно проворчал Конан, но тут на него самого навалились двое – один низенький и толстый с огромным хищно изогнутым топором, второй высокий и широкоплечий, вооруженный коротким мечом. Увернувшись от меча, варвар перехватил руку толстого разбойника, железной хваткой стиснув его запястье. Захрустели ломающиеся кости, грабитель, выпустив топор, зашелся в истошном крике. Киммериец толкнул его на растерявшегося напарника, сбив того с ног, подхватил оставшийся без присмотра топор и запустил им в забравшегося на телегу и вспарывавшего мешки чернолицего разбойника, раскроив тому череп.

Высокий тем временем выкарабкался из-под рухнувшей на него туши потерявшего сознание толстяка, подхватил меч, опустив его на уровень живота и, не торопясь, мягким кошачьим шагом пошел вокруг Конана. Поворачиваясь за ним, варвар постарался придать себе обманчиво-расслабленный вид – разбирающийся в искусстве боя без труда сообразит, что его дурят, а этот безмозглый новичок наверняка купится, решив, что противник потерял бдительность.

Так и произошло – с казавшимся ему неожиданным и устрашающим воплем грабитель бросился на киммерийца, слишком высоко занеся меч. Конан невозмутимо отвел удар в сторону, его клинок мелькнул светлой полосой, развалив противника почти надвое. Больше на него никто пока не нападал, а потому варвар смог оглядеться. Оценив обстановку, он недовольно скривился.

Положение складывалось не слишком удачное – охрана каравана схватку проигрывала. Чернолицые прикончили почти половину стражей, и временную передышку получил только Конан – остальные дрались против двух-трех нападавших одновременно. Кое-кто из грабителей уже взобрался в телеги и лихорадочно копался в сложенных там тюках. Регарата прижали к повозке трое разбойников, но он пока держался, отбивая сыпавшиеся со всех сторон удары и не замечая множества мелких, сочащихся кровью ран.

– Рег, я иду! – рявкнул Конан, налетая слева на окруживших приятеля чернолицых. Раз – и с перерубленным горлом падает первый, два – второй противник, держась за распоротый

бок, валится в грязь, три… Третьего, впрочем, не случилось – нападавший с воплем ужаса бросил меч и помчался, оскальзываясь, вверх по склону.

– А пораньше не мог явиться? – поинтересовался Регарат, тяжело приваливаясь к борту телеги и сплевывая кровь. – Они б меня сейчас разделали, как свинью в базарный день! Я ору, ору, а ты точно оглох! Проклятье, да что ж за денек такой сегодня выдался…

Не отвечая, Конан побежал к бывшей голове обоза, где дрался Омал.

Двое сражавшихся рядом с капитаном охраны обоза немедийцев уже погибли, а на него самого насели четверо. Понимая, что ему грозит верная гибель, туранец вдруг отскочил назад и бросил саблю, невнятно пробормотав:

– Я сдаюсь…

Один из нападавших подобрал вонзившийся в землю клинок и властно обратился к бывшему начальнику стражи:

– Нам не нужны пленники. Ты либо с нами, либо против. Выбирай – либо ты умрешь, либо возьмешь меч и будешь сражаться на нашей стороне. Ну?

Омал побледнел и попятился. Было видно, что в душе у него идет нешуточная борьба, но желание жить пересилило голос совести. Он потянулся за своей саблей:

– Я с вами.

– Хорошее решение, – хищно ухмыльнулся разбойник, возвращая туранцу оружие. – Убей северянина, и я поверю тебе до конца. И смотри мне… – он выразительно провел пальцем по горлу.

Омал покорно кивнул, вздохнул и отправился разыскивать в царящей возле разгромленного обоза суматохе Конана. Разбойник – похоже, это был предводитель шайки – посмотрел вслед уходившему туранцу, презрительно фыркнул и подозвал стоявшего неподалеку чернолицего:

– Ступай за ним. Когда бой завершится, прикончи его – он предал своих, при случае предаст и нас.

Омалу не понадобилось долго искать – он почти в упор столкнулся с Конаном, только что прикончившим особо рьяного нападавшего и остановившимся возле телеги передохнуть.

Только врожденное чутье спасло киммерийца от летящей к его шее туранской сабли – он услышал стремительно приближающиеся сзади шаги и резко кинулся вниз и влево. Клинок пронзительно просвистел над варваром, оцарапав плечо, и вдобавок Конан с ног до головы искупался в липкой грязи. Перекатившись, он вскочил на ноги и возмущенно заорал:

– Омал! Ты, ублюдок, лотоса обкурился, что ли? Чего на своих бросаешься?

– Умри! – туранец попытался достать его коротким выпадом справа.

Конан парировал удар и перешел в наступление. Широкий и прямой клинок скрестился с изогнутым и более легким, звук скрежещущего железа терзал уши, но еще более киммерийца жгло двойное предательство за один день. Вокруг умирают люди, с которыми ты делил кусок хлеба и место у костра, а такие двуличные мерзавцы думают только о себе, как бы спасти свою никчемную шкуру. Холодная ярость душила Конана, но внешне он оставался спокойным, сосредоточив все внимание на мелькающем клинке противника.

Тем временем Омал понял, какую ужасающую глупость совершил, не прикончив варвара первым же ударом и ввязавшись с ним в безнадежный поединок. Этот дикарь должен быть вымотан до предела, а он вопреки всему двигался быстрее туранца, не подпускал его ближе, чем на шаг, все время оказывался не в том месте, где стоял мгновение назад, а после его сокрушительных ударов Омал еле удерживал саблю в руках. Жуткий, сковывающий движения

страх за свою жизнь родился где-то внизу живота и стремительно охватил все тело. Туранец шарахнулся назад, не то вскрикнул, не то взвыл, бросил свою саблю в лицо Конану и неуклюже побежал к лесу.

Киммериец не преследовал его – защитников каравана осталось всего шестеро, а нападающих – не меньше двух десятков. Почти все из охранников были ранены – кто легче, кто тяжелее – и все понимали, что уйти им отсюда живыми не удастся. Остается только прихватить с собой на Серые Равнины как можно больше врагов…

Внезапно один из разбойников коротко вскрикнул, схватился за шею, навылет пробитую тяжелой стрелой и шлепнулся в грязь. Остальные начали тревожно оглядываться по сторонам и отступать к безопасному лесу.

В ставшую полем боя долину рысью влетело с полсотни всадников. Конан отер кровь с лица – ему рассекли лоб – и всмотрелся. Похоже, королевское войско… В кои веки вовремя.

– Уходим! – пронзительно завизжал кто-то, и нападавшие сломя голову понеслись вверх по склонам, стремясь добраться до зарослей. Однако так просто сбежать им не удалось – солдаты разделились на два отряда, отрезая разбойников от спасительного леса. Началась бойня.

Конан видел, как догнав одного из беглецов, стражник приподнялся в седле, замахнулся и опустил меч, разрубив бегущему человеку голову. Дальнейшее варвару было неинтересно и он устало опустился прямо в грязь, прислонившись к колесу телеги. Остальные уцелевшие охранники сделали тоже самое, и теперь равнодушно ждали, что будет, медленно приходя в себя. Конан пересчитал их: Регарат, Эндоло, Терин, Галеран и Сорус. Все покрыты коркой запекшейся крови и грязи, изможденные лица, пустота в глазах… Мы выстояли, мы не запятнали свою честь, а что с того?.. До чего же все надоело… Поспать бы хоть немного…

Из-под повозок начали выбираться погонщики и купцы. Все еще бледные и трясущиеся от страха, они дикими глазами озирали поле битвы. По всей долине, выглядевшей так, будто здесь развернулась грандиозная битва, валялись трупы – тринадцать охранников, пятеро погонщиков и около трех десятков разбойников. Многие тюки с товарами оказались распотрошены, и, хотя унести грабители смогли немногое, большинство товаров теперь оказалось раскидано по всей ложбине или безжалостно втоптано в грязь.

К притихшим охранникам подъехал полусотник.

– Вы храбро сражались, – несколько напыщенно провозгласил он. – Благодаря вашему мужеству почти полностью уничтожена шайка чернолицых, вот уже три года грабившая путников по всему Пограничью. Примите наше почтение и благодарность. Мы доведем караван до места, а вы можете спокойно отдыхать, – с этими словами он тронул лошадь с места, направляясь к своим подчиненным, изловившим уцелевших разбойников и собиравшихся вздернуть их на ближайшем достаточно крепком дереве.

Регарат осторожно пошевелился, скривился и попытался ухмыльнуться. Появившаяся на его лице улыбка больше напоминала оскал трупа:

– Во, какие нам почести… Сподобились…

Сорус тихо застонал и съехал по колесу повозки, сложившись почти вдвое. Сидевший рядом Эндоло дотянулся до его шеи, безуспешно попытался нащупать бьющуюся жилку и всхлипнул:

– Он умер…

Наступило долгое и угрюмое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием уставших людей. Наконец, Конан с мрачным торжеством произнес:

– Он держался как мужчина и умер на поле боя. Что может быть лучше, чем погибнуть, сражаясь? Теперь его примет к себе Кром и посадит в своих чертогах за одним столом со многими славными воинами…

– Он же не был киммерийцем, – тихо напомнил Терин.

– Настоящие воины, – с неожиданно прорезавшимся в голосе пафосом произнес Конан и даже слегка привстал, – будь они киммерийцами или нет, всегда попадают к Крому!

– Нам всем одна дорога – к Нергалу, – еле слышно пробормотал Регарат и погромче добавил: – Конан, ты чего, свихнулся?

К счастью, его не услышали – рядом прозвучал чей-то громкий одобрительный голос:

– Хорошо сказано, варвар!

Конан неохотно поднял голову. Перед ним на приплясывающем коне сидел человек средних лет с седыми вислыми усами, маленькими светлыми и очень проницательными глазами, некогда прямым, а нынче сломанным в двух местах носом. От правой скулы к решительно выставленному подбородку вился тонкий белый шрам.

– Отвали, – устало сказал киммериец. – Дай хоть миг не видеть ваших рож.

– Скажи хоть имя свое, герой, – с некоторым ехидством в голосе попросил незнакомец. – Чтобы мне было о чем поведать внукам…

– Меня зовут Конан, – неохотно отозвался варвар.

– А я Эрхард, десятник пограничной стражи, – представился седой и с интересом уточнил: – Прости, а не о тебе ли складывают байки в кланах Пограничья?

– Какие еще байки? – насторожился Конан.

– Да о могучем северянине с голубыми, как лед глазами, что лет десять назад голыми руками задушил царственного быка, – безмятежно ответил Эрхард. Невольно заинтересовавшиеся охранники каравана начали прислушиваться, а Регарат, несмотря на боль, откровенно захихикал. – Так это был ты?

– Ну, я, – буркнул Конан. О своих похождениях в Приграничье он вспоминать не любил, а теперь еще и все остальные уши развесили… Погодите, а вдруг этот Эрхард знает, что сталось с остальными участниками давних событий? – Кстати, может, ты и королеву Чиенну помнишь?

– Кого-кого? – непритворно удивился Эрхард, вздернув брови. – Какую Чиенну? У нас нынче королем Дамалл.

Настал черед киммерийца удивляться:

– Да что ж здесь за королевство такое? Пятнадцать лет назад я лично помог Чиенне расправиться с мятежным графом Сизамбри и мне казалось, что на ближайшие полвека трон останется в ее руках…

Эрхард рассмеялся:

– А, так ты об этой… Через год ее свергли и продали где-то в Туране в гарем.

Конан с сожалением хмыкнул и спросил:

– Значит, Дамалл оказался удачливее Сизамбри?

– Во-первых, не просто Дамалл, а Его Величество Дамалл, – невозмутимо уточнил десятник. – Во-вторых, Сизамбри был сумасшедшим убийцей, и, в-третьих, Чиенну сместил не он, а Амаран. Но тот тоже недолго удержался на троне… Короче, Дамалл – третий после Амарана.

Конан озадаченно почесал в затылке, пытаясь расставить все услышанное по местам, и огорченно заметил:

– И стоило кровь проливать… А что случилось с Раиной и Декиусом?

– После истории с Чиенной они, по слухам, бежали в Гандерланд, – пожал плечами Эрхард. – Больше мне ничего не известно.

– Становись! – прозвучала отрывистая команда, и десятник, кивнув охранникам каравана, поехал к строящемуся отряду.

Конан и его спутники залезли в выглядевшую наиболее крепкой повозку, перевязали друг друга шелковыми тканями, тут же вытащенными из тюка и нарезанными на длинные полосы, а затем устроились поудобнее и благополучно проспали всю дорогу до «столицы» Пограничного королевства под скрип колес, ритмичное шлепанье копыт и тихий шелест дождя по кожаному верху фургона.

* * *

За прошедшие пятнадцать лет «дворец» королей Пограничья развалился еще больше и теперь казался заброшенным много веков назад. Внешняя стена зияла многочисленными проломами, ворота напрочь отсутствовали – об их давешнем существовании напоминали только проржавевшие петли да гора прогнивших деревянных обломков. Во дворе, наглухо заросшем раскидистыми сорняками высотой в рост человека, еще сохранились почерневшие остовы тех самых казарм, в которых размещалась королевская стража во времена Эллоикаса. Вместе с тем, – отметил Конан, когда повозка загромыхала колесами по выщербленным камням двора. – появилось несколько добротных каменных зданий, по-видимому, служивших заменой древним баракам, а в случае необходимости – заменить приезжим купцам лавки.

Само здание королевской резиденции окончательно разрушилось – крыша кое-где провалилась внутрь, на чудом сохранившихся стенах виднелись следы штурмов – черные пятна копоти, проломы от камней катапульт («Интересно, у кого тут могли быть катапульты?» – мимолетно удивился Конан) и даже отметины от ударов тараном.

Обжитыми казались только места неподалеку от новых построек, все остальное выглядело диким и заброшенным – что, собственно, и было недалеко от истины…

Купцы сразу сняли комнаты в единственной имевшейся в городе гостинице и разложили товары, а пятеро уцелевших в бою охранников отправились к лекарю. Он оказался бритунийцем лет тридцати – мускулистый, светловолосый, хорошо сложенный и совершенно не похожий на лекаря. Тем не менее, он осмотрел всех пострадавших, достаточно умело промыл и перевязал раны, и под конец занялся тем, кому досталось больше всех – Конаном.

– Ну, начнем, пожалуй, с головы, – перевязав царапину на лбу и неглубокие порезы на руках, лекарь добрался до самой нехорошей раны. Уже после бегства Омала киммериец с трудом отразил сильный удар сверху, и клинок противника, скользнув по его мечу, глубоко разрубил бедро.

– Да-а… – сокрушенно протянул лекарь, содрав насквозь промокшую и затвердевшую повязку. – Придется шить… Принесите вина, что ли…

Когда шьют рану, кажется, что на нее плещут расплавленный металл, нестерпимая боль буравит мозг, ты впиваешься ногтями в ладонь, перед глазами все расплывается и темнеет, и

ты уже не можешь удержать стон. Варвар, казалось, был сделан из стали – он не издал ни единого звука, лишь лицо побелело и покрылось мелкими капельками пота. Когда лекарь закончил, Конан, с трудом выговаривая слова, поблагодарил его, и заковылял на улицу. Его мутило и хотелось поскорее прилечь где-нибудь.

На следующий день всех пятерых охранников пригласил к себе король. Как раз перед приходом капитана королевской стражи с приглашением, заглянул Торик – купец, которому принадлежал караван – и отсчитал каждому из охранников по триста золотых, а также настойчиво предлагал охранять обоз и на обратном пути, а лично Конану – место начальника охраны. Все ответили, что подумают, но, похоже, никому особо не хотелось пережить подобную схватку по второму разу.

…Охранников провели по развалинам во внутренний двор. Здесь у дверей стояла стража и само здание выглядело более-менее целым, хотя сквозь щели в плитах пола уже пробивалась трава да отовсюду ужасно дуло. В тронном зале почти ничего не изменилось, разве что паркет на полу потускнел и покрылся трещинами, а шелковые занавеси выцвели и выглядели просто как грязные тряпки.

Дамалл, нынешний король Пограничья, был молодым человеком не старше двадцати пяти, с небольшой светлой бородкой клинышком, горбатым носом, узкими бледными губами и темными глазами. Глядя на его светлую кожу, лиловые мешки под глазами и помятую физиономию, Конан решил, что правитель – не воин и не полководец. Похоже, король редко выходил за пределы собственного дворца и много пил в последнее время. Короче, всего лишь пешка в руках дворянства, если таковое здесь имеется. Наверняка долго не продержится…

Дамалл поднял голову и внимательно оглядел вошедших.

– Я рад приветствовать героев у себя во дворце, – прозвучал его негромкий, чуть надтреснутый голос. Конан про себя подумал, что Его Величество совсем недавно вылез из грязи в князи и еще не успел освоить обращение «мы», характерное для всех королей.

– Вы, наверное, еще даже не знаете, какое благое дело совершили, – продолжил король и поудобнее устроился на жестком троне. – Но сейчас все можно будет понять! Чернолицые появились у нас лет пять назад, еще во времена моего предшественника Невилла, – он сделал небольшую, еле заметную паузу, но ехидно ухмылявшийся Регарат немедленно ей воспользовался:

– Ваше Величество, а что с ним случилось? – плохо прикрытую насмешку почувствовали все, в том числе и король.

– Ему отрубили голову, – невозмутимо сообщил Дамалл и пристально взглянул на Регарата. Тот отвел взгляд, но ни капли не смутился.

«Оказывается, этот новоявленный королек не так уж и прост, – подумал Конан. – С ним надо держать ухо востро.»

Следующие слова короля в который раз напомнили киммерийцу, что никогда не стоит судить о людях по их внешнему облику.

– Во времена Невилла я был начальником пограничной стражи и хорошо помню тот день, когда ко мне привели средних лет бритунийца в скромной одежде и с покрытым черной краской лицом. Он заявил, что является служителем некоего Бога с Черным Лицом и хотел бы основать его культ в Пограничье. Как и все поборники новых религий, он нес при этом различную чушь о великих милостях, даруемых его божком. Я подумал, что Пограничью не помешает еще один покровитель и пропустил его, содрав, правда, чудовищный налог за право открыть храм и проповедовать, – король криво усмехнулся.

– Это называется – пустили козла в огород, – буркнул себе под нос Конан.

– Именно так, киммериец, – спокойно подтвердил Дамалл и продолжил рассказ: – Около двух лет все было тихо и мирно. Но потом… Сначала пошли неясные слухи, что в одном из небольших храмов Чернолицых, находящемся в предгорьях Грааскаля, приносятся человеческие жертвы. Об этом говорили шепотом, оглядываясь по сторонам. Затем в один прекрасный, вернее, ужасный и дождливый, как сегодня день, появились шайки Чернолицых с тремя белыми полосами на щеке. Они убивали и грабили всех без разбора, появлялись что здесь, то там, и войскам не удавалось ни поймать их, ни хотя бы выяснить места их укрытий. В отрядах были и вчерашнее крестьяне, которые и за меч-то не знали, с какого конца браться. Решив разобраться во всем поточнее, мы навестили храм. Что творилось внутри – и не передать. Не имею самого малейшего представления, отчего вполне добропорядочный культ превратился в секту убийц, но подозреваю, что без вмешательства черной магии не обошлось. Основоположник культа был принесен в жертву первым, и с тех пор на алтаре не высыхала человеческая кровь… Мы загнали всех Чернолицых внутрь их капища и сожгли его – такой мерзости не было места в наших землях. Однако шайки продолжали нападать. Постепенно их, конечно, истребили, но народ и дворянство были недовольны тем, что такое вообще допустили, и король поплатился головой. На его месте оказался я, так что порой испытываю к Чернолицым нечто вроде благодарности… Впрочем, это не помешает мне вынести любому из этой шайки смертный приговор. А благодаря вам хоть одной трудностью в королевстве станет меньше… – голос короля несколько погрустнел – видимо, беды государства не ограничивались одними чернолицыми, но затем он слегка оживился. – После долгой истории неплохо бы перекусить. Я приглашаю вас всех разделить со мной трапезу.

Король щелкнул пальцами, и тут же слуги внесли в тронный зал заранее накрытый стол. Чего тут только не было, даже редкостные фрукты из Черных Королевств. Конан прикинул, во сколько могла обойтись доставка, и присвистнул – каждый плод, считай, из золота.

Киммериец терпеливо подождал, пока король выпьет первый кубок вина и съест кусочек мяса, и на валился на снедь, как не евший неделю волк. Долгое время в тронном зале раздавалось лишь громкое дружное чавканье и бульканье вина – охранники старались вовсю.

Наконец Конан почувствовал, что если съест еще хоть маленький кусочек, даже икринку, то просто-напросто лопнет. Откинувшись на спинку резного тяжелого кресла, он негромко рыгнул, вытащил кинжал и начал ковыряться в зубах. Последний раз он так обожрался вместе с Касперусом…

«Во был едок,» – с грустью подумал Конан, вспомнив толстяка. На него незаметно навалилась апатичная сонливость, хотелось отыскать где-нибудь тихий уголок, прилечь и заснуть…

Варвар сам не заметил, как начал клевать носом и провалился в неспокойную дрему.

– Эй, Конан, не спи – замерзнешь! – со смешком толкнул его в бок Регарат. – А если спишь – так не храпи!

Киммериец встрепенулся и неразборчиво пробурчал что-то насчет матушки Регарата и всех его предков. Немедиец в ответ только фыркнул.

– Ваше Величество, мы слышали, что у вас королевстве происходят и другие несчастья, – осторожно заметил Эндоло, прихлебывая из высокого бокала красное пуантенское вино.

Дамалл невесело усмехнулся:

– Чего-чего, а бедствий у нас хоть лопатой греби. Но самое ужасное – это оборотни на

границе, – он положил аккуратно обглоданную куриную косточку на тарелку и ополоснул пальцы в расторопно поданной серебряной чаше с водой, где плавали розовые лепестки.

– Разве оборотни существуют? – недоверчиво спросил Терин, также полоща руки.

– А чем еще можно объяснить обглоданные трупы по всей границе с Бритунией? – мрачно прозвучало в ответ.

– Может… – начал было Эндоло, но король резко перебил его:

– Не может! В последнее время они стали продвигаться все дальше вглубь наших земель, а это настораживает… – Дамалл помолчал в раздумье, а затем глухо сказал: – Я сам видел трупы…

Наступило неловкое молчание. Регарат и Конан обменялись многозначительными взглядами. Взгляд первого торжествовал и в нем ясно читалось: «Ну, что я тебе говорил?», взгляд второго был мрачен и выражал покорность судьбе: «Третий так третий…»

Обед завершился, а с ним подошла к концу и аудиенция. На прощание король предложил всем поступить к нему на службу, Конану даже десятником. Все обещали подумать и на том расстались.

Выйдя из полуразвалившегося «дворца», Конан отправился в отведенную ему комнату в казарме, рассчитывая отоспаться. Как ни странно, ему это вполне удалось – он проспал без сновидений до утра следующего дня и проснулся от зверского голода. От роскошного королевского ужина, сожранного накануне, не осталось и следа.

Решив, что даже в таком занюханном городке, как столица Пограничья, должна найтись хоть одна харчевня, Конан отправился во двор. Ему повезло – возле разрушенной стены старого дворца приютилось опрятное здание серого камня, вывеска над дверью которого гласила: «Корона и посох». Рядом с надписью красовались оба вышеуказанных предмета, нарисованных со всем знанием дела.

«Весьма символично для этой страны, – с усмешкой подумал Конан. – Здесь в любое время можно получить королевскую корону и без труда сменять ее на посох нищего с помощью других властолюбцев.»

Он толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел, оказавшись в мягком полусумраке главного зала. Слева от двери находилась стойка – толстая доска, водруженная на пару бочонков – все остальное место занимали длинные столы. За стойкой попивал пиво трактирщик, в меру толстый, и одетый в удивительно чистый белый фартук. Посетителей в столь ранний час было немного, и хозяин мог позволить себе слегка расслабиться. Такие опрятно выглядевшие трактиры Конану раньше почти не попадались, и он с некоторым удивлением оглядел зал. В дальнем правом углу, у стены, молча пили пиво и вино его знакомые – бывшие охранники каравана и купцы Торика. Варвара заметили и замахали руками, приглашая присоединиться. Он подождал, пока трактирщик нальет ему полню кружку и подсел к столу. Его тут же спросили, будет ли он возвращаться обратно с караваном в Немедию, но киммериец отрицательно покачал головой.

Вечером того же дня обоз покинул столицу. С ним ушли Терин, Галеран и Регарат, все сетовавший, что Конан не идет с маленьким караваном и тщетно пытавшийся уговорить варвара сменить решение. Эндоло оставался в Пограничье, решив поступить на службу к королю Дамаллу. Киммериец же собирался через пару дней отправиться в Аквилонию.

Проводив караван до подножия холма, Конан и Эндоло попрощались с друзьями, пообещав обязательно отыскать их в Нумалии при возможном посещении оной. Вернувшись, они засели в «Короне и посохе», где благополучно пропьянствовали почти до полуночи…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
в которой киммериец теряет друзей и делает неожиданное предложение королю

Ночь опустила свою тончайшую вуаль на Пограничное королевство. Неподвижные деревья в густой лесной чаще стали сходны с диковинными существами из сказок и легенд, но бегущему человеку они напоминали только одно – ужасных существ, напавших на него и его спутников. Он спотыкался на бегу и все время затравленно оборачивался, пытаясь рассмотреть что-то в окружающей его полутьме. За его спиной взлетел к безмолвному небу протяжный заунывный вой, подхваченный по всему лесу. Человек судорожно дернулся, зацепился ногой за торчащий корень, упал, но тут же снова вскочил и, тяжело дыша, побежал дальше. Выглянувшая из разрыва в плотной занавеси темных туч бледноликая луна залила мертвенно-призрачным светом причудливые очертания дремлющих деревьев и мечущегося между ними беглеца. Из многочисленных ран человека сочилась кровь, темные капли повисали на высокой траве, отмечая путь преследуемого.

Человек в очередной раз споткнулся, взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, с размаху влетел в колючий кустарник и приглушенно взвыл от боли. Хотелось лечь и спокойно умереть, но жажда жизни пересиливала все, и человек упрямо бежал дальше, не обращая внимания на хлещущую кровь и хрустящий звук в боку – похоже, в схватке ему переломали пару-тройку ребер.

Преследовавший его вой внезапно, точно по отданной кем-то команде, прекратился. Мелькавшие в кустах смутные серые тени, недовольно порыкивая, повернули обратно.

Человек выбежал к подножью высокого холма, на вершине которого поднимались развалины крепостной стены и выглядевшие почти целыми здания. Кое-где, пронзая ночную тьму, светились робкие огоньки, зажженные людьми.

– Слава Митре! – с трудом проговорил побелевшими губами человек, добравшись до стены и проковыляв между криво висевших на петлях прогнившими створками бывших ворот. Ему пришлось еще пересечь густо заросший сорняками двор, разыскивая здешнюю гостиницу, и, оставляя за собой темный след, вскарабкаться по узкой и крутой лестнице на второй этаж. Его никто не заметил, и человек, задыхаясь после подъема, всем телом навалился на первую дверь справа. Та оказалась незапертой, и он с грохотом ввалился в комнату.

– Кого там принесло? – раздался в темноте сонный и недовольный голос, затем застучали кремень и кресало, и внезапно разбуженный посреди ночи обитатель комнаты с мечом в одной руке и тусклой масляной лампой в другой склонился над потревожившим его человеком. Тот лежал вниз лицом, и постояльцу пришлось поставить лампу на пол, чтобы перевернуть своего полуночного визитера. Увидев его лицо, он яростно выругался:

– Во имя Крома! Терин!

Терин с трудом открыл глаза. Те силы, что поддерживали его в время безумного бега через ночной лес, уходили вместе с растекающейся по давно немытому полу густой кровью.

– Конан… Я… Я умираю… – слова звучали едва слышно, и киммерийцу пришлось присесть рядом с охранником ушедшего каравана, чтобы расслышать хоть что-нибудь. – Все погибли… И Регарат, и Галеран, и купцы…

– Что с вами случилось? – странно спокойным голосом спросил Конан.

– Оборотни, – с усилием выговорил умирающий. – Они напали на нас, как ночные призраки… Как больно! – Терин мучительно застонал. – Мне уже ничем не помочь… Обещай, что убьешь меня…

– Обещаю, – негромко произнес киммериец. – Ты еще можешь говорить? – Терин еле заметно кивнул. – Тогда попробуй сказать – как они выглядели? Вы прикончили хоть одного?

– Они… Они похожи на волков, вставших на задние лапы… Одному Рег снес голову, а потом они вырвали у него сердце… Что было дальше – не помню… – Терин захрипел, захлебываясь кровью, и сквозь раздававшееся в его горле клокотанье прошептал одними губами: – Ты обещал…

Конан молча поднялся, достал из брошенных на полу ножен карпашский кинжал и одним коротким ударом в сердце прекратил мучения умирающего. Затем все с той же кажущейся неторопливостью завернул тело в содранное с кровати покрывало, вынес из гостиницы и похоронил на склоне холма. Рыть могилу было нечем, да и земля была слишком твердой, а потому Конан просто сложил над погибшим немедийцем невысокую пирамидку из собранных тут же камней и немного постоял над ней. Он прочитал бы какую-нибудь молитву, но варвар никогда не запоминал такие мелочи и считал, что боги – если они есть – сами разберутся, чего заслуживает пришедший к ним человек. И совершенно незачем им указывать.

Единственным надгробным словом, прозвучавшим в глухой полночи над каменным холмиком, было обещание отомстить.

На следующий день весь дворец гудел, как растревоженный медведем улей. Впрочем, было от чего волноваться – в каких-то двух лигах от королевской резиденции растерзали целый караван! Почти сорок человек за одну ночь отправились на Серые Равнины!

Король Дамалл был бледен, но внешне спокоен. Он сделал все, что мог – распорядился выставить стражу на стенах и удвоить патрули на границах. Впрочем – это понимали все, и в первую очередь сам король – подобные меры вряд ли принесли бы сколь-нибудь ощутимый результат. Оборотни напали и бесследно исчезли в лесной глуши, а людям оставалось только вздрагивать по ночам да крепче запирать двери.

Следующим утром Конан вместе с полусотней воинов пограничной стражи побывал на месте гибели каравана. Дорога здесь сужалась, проходя через скалистое ущелье. Россыпи камней подступали прямо к самой дороге, а на выходе из долины начинался густой лес.

«А оборотни явно не глупы, – подумал Конан. – Место выбрано на диво хорошее, как и в той лощине. Основная часть нападавших спряталась за камнями и внезапно обрушилась на голову проезжающим, а тех, кто уцелел и вырвался из ущелья, достали засевшие в лесу… Купцам следовало бы поискать новых путей на полдень, а Дамаллу – вырубить все рощи вдоль дорог, иначе по ним скоро станет совсем невозможно проехать.»

Телеги и добро нападавшие не тронули – ни один мешок не был вспорот и все сундуки по-прежнему крепко закрыты на висячие замки. Лошади частью растерзаны, а те, которым повезло, оборвали постромки и разбежались по всей округе.

Зато из четырех десятков людей не ушел никто. Даже многоопытного Конана проняло зрелище сотворенной в долине резни. Двадцать с лишним лет назад он в числе других киммерийцев штурмовал аквилонский форт Венариум, там не осталось ни одного живого человека, но, по крайней мере, северяне убивали честно, обычным оружием! А тут… Перегрызенные и разорванные шеи, вспоротые животы, разбросанные по грязи

полусъеденные внутренности, обглоданные руки и ноги…

Конану казалось, что он уже повидал все возможные зверства, да и сам не раз и не два убивал, не испытывая особенных мук совести, однако такое изуверство ему доселе не встречалось. Варвар почувствовал, что его подташнивает и отвернулся, уперев пристальный взгляд в вершины покачивающихся темно-зеленых елей.

Солдатам пришлось еще хуже. Копать одну общую могилу на всех было нечем да и негде – вокруг либо скалы, либо твердая лесная почва – а потому десятник принял единственно верное решение: сложить все трупы в телеги и сжечь. Стражники, стараясь лишний раз не смотреть на покойников, перетаскивали разодранные в клочья останки и забрасывали в повозки…

Конан мотнул головой, приходя в себя, и отправился разыскивать Регарата. Тела немедийца не было возле загромоздивших ущелье телег, где пало большинство из охранников, и варвар прошел дальше, внимательно вглядываясь в россыпи коричневатых валунов. Он нашел своего друга возле самого выхода из долины – Регарат сидел, прислонившись к камням и низко опустив голову на грудь, точно решил остановиться и передохнуть в дальней дороге. По странной прихоти оборотни не тронули его труп. Киммериец осторожно приподнял голову Регарата и заглянул в остекленевшие выкаченные глаза. В них стояла ненависть и смертная мука, из прокушенной губы на подбородок вытекли и засохли темно-красные струйки крови. Взгляд Конана упал на грудь немедийца – слева зияла огромная развороченная дыра с торчащими наружу обломками костей. «Они вырвали ему сердце…»

Варвар закрыл погибшему глаза и некоторое время, опустошенный, сидел рядом, бессмысленно смотря куда-то вдаль. Он не заметил, как подошли собирающие тела солдаты и в нерешительности остановились. Немного потоптавшись с ноги на ногу и пошептавшись, один из них, подталкиваемый остальными, неуверенно тронул Конана за плечо:

– Господин…

– Убирайтесь, – не оборачиваясь, зло бросил киммериец. – Я сам принесу его.

Когда все останки погибших в ущелье были собраны и сложены в телеги, Конан поднял застывшее тело Регарата и, медленно ступая, понес его к огромному костровищу. Солдаты боязливо расступались перед ним. Киммериец смотрел прямо перед собой, и люди, кто случайно сталкивавшиеся с ним взглядами, поспешно отворачивались – холодные, светло-синие как лед на вершинах Киммерии глаза варвара излучали лютую ненависть.

Конан смотрел, как разгорающееся пламя весело охватывает просмоленное дерево и человеческие тела. Постоянно лившийся мелкий занудный дождь внезапно прекратился, и погребальный костер вспыхнул, стоило десятнику поднести к нему наскоро скрученный из пакли факел. Яркие оранжевые языки становились все выше и сильнее. Чувства киммерийца постепенно успокаивались. Его огорчила смерть Регарата, но не только потому, что немедиец был его хорошим знакомым. Куда больше варвара тревожило то обстоятельство, что его соратник пал от лапы гнусного порождения черной магии. А когда имеешь дело с магией, особенно черной – очень легко потерять душу. Такого Конан никогда не оставлял безнаказанным.

К несколько возвышенным мыслям о мести примешивалась неизвестно откуда выползшая, но очень настойчивая и практичная мыслишка – а не получится ли на этом деле немного подзаработать? Дамалл наверняка в ближайшее время затеет устройство всеобщей облавы на оборотней. Вдруг он станет платить за каждое убитое чудовище золотом по весу?..

Вернувшись во дворец, Конан сразу направился к королю. Испросить аудиенцию не составило труда, свое предложение варвар как следует обдумал еще на обратной дороге, а потому без особых предисловий начал:

– Мой господин, сколько ты мне заплатишь за то, что я избавлю Пограничье о оборотней?

Дамалл ошарашенно уставился на него, точно киммериец заявил, что недавно получил лично от Митры в подарок пару десятков молний и собирается испробовать их на терзающих страну оборотнях.

– Ты в одиночку берешься избавить Пограничье от этой напасти? – недоверчиво переспросил король. – Ладно, я не спрашиваю, каким образом ты это сделаешь. Но, если у тебя получится, я выскребу казну до дна, а там наберется не меньше пятидесяти тысяч золотом!

Теперь настал черед варвара удивляться:

– Пятьдесят тысяч? Я и не знал, что опасность настолько велика! («И что занюханное Пограничье так богато!» – добавил он мысленно.)

– Понимаешь, – медленно начал Дамалл. – Дело вот в чем… Здесь, в Пограничных Землях, народ, а главное – правители мелких феодов решают: будет король править или нет. И, если избранного ими государя преследуют неудачи или он не может навести хоть какой-то порядок в стране, его просто убирают и никакая охрана правителя не спасет… Впрочем, ты и сам это прекрасно знаешь, – с кривой полуулыбкой добавил король. – Шайки Чернолицых лишили трона Невилла. Оборотни, если я не смогу в ближайшее время ничего предпринять, лишат трона меня. Так что лучше обложить страну на пару месяцев налогами и заплатить тебе любую просимую сумму, чем чистить выгребные ямы при новом короле. И это в лучшем случае…

Конан усмехнулся про себя и добавил:

– Но мне потребуются помощники.

– Сколько? – с готовностью спросил король, поняв, что варвар все же не сошел с ума и не собирается в одиночку гоняться за оборотнями. – Сотня, две, три?..

– Зачем мне столько? – недоуменно пожал плечами киммериец. – Вполне хватит и одного десятка. Думаю, это будет десяток Эрхарда…

Король недоверчиво посмотрел на Конана и уточнил:

– Ты уверен, что справишься? Десять человек – маловато будет.

«Да, – подумал киммериец. – Спокойная жизнь во дворце явно не идет на пользу Дамаллу. Он уже забывает самые простые вещи!»

– Государь, ты некогда служил на границе, – осторожно начал варвар. – Какой отряд легче спрятать? Кем проще командовать в бою? Кто подвижнее – десяток или сотня? Я вообще бы пошел один, но кто-то должен на всякий случай прикрывать мою задницу…

Дамалл выглядел несколько смущенным:

– Об этом я не подумал. Когда безвылазно торчишь в этой развалюхе – мозги начинают заплывать жиром, – он с неожиданной силой и злостью ударил по подлокотнику трона. – Хорошо, бери Эрхарда и его людей. И… – он вдруг резко поднялся. – Удачи тебе, киммериец.

– Ожидай хороших вестей, король, – с пафосом произнес Конан. – И постарайся удержаться на этом стуле, пока я не разгребу все скопившееся в стране дерьмо…

Король покачал головой, с ироничным восхищением поглядел на задравшего нос варвара и словно в раздумье произнес:

– Может, голову тебе отрубить, трепло?.. Ты все ж думай, с кем разговариваешь, я тебе не дружок-собутыльник.

Конан на всякий случай склонил голову, чтобы Дамалл не видел его ухмылки. А вдруг действительно голову отрубить прикажет? Жалко ведь… Тех, кто приказ выполнять будет.

– Прости, мой господин, случайно вырвалось, – теперь никто бы не расслышал в голосе киммерийца и тени насмешки.

Король засмеялся:

– Хватит вешать мне лапшу на уши и разыгрывать смирную овечку! Убирайся с глаз долой и не возвращайся без головы верховного оборотня или кто у них там за главного… – он указал рукой на дверь. – Амуницию и припасы возьмете на казарменном складе.

Конан снова поклонился, и, веселясь от души, покинул гостеприимные покои короля Пограничья. Шагая через развалины старого дворца, он думал о том, что Дамалл вел себя как-то слишком панибратски. Киммериец понимал – за кажущейся веселостью король прятал страх. Страх потерять теплое и уютное местечко на троне. Ну что ж, поможем ему не перейти в золотари или мусорщики…

Погода на улице опять испортилась – зарядил промозглый ливень, и, как ворчали два стражника у выхода, не меньше чем на неделю.

Конан пинком распахнул тяжелую дубовую дверь дворца, обитую медными полосами и бронзовыми, уже позеленевшими от старости заклепками. Порыв ветра немедленно швырнул в лицо мелкие ледяные брызги. Киммериец, прикрывая голову рукой, зашлепал по лужам в сторону «Короны и посоха», проклиная про себя всех богов и их матерей, а также собственные дурацкие представления о чести, мести и прочих высоких материях…

Стражники сочувственно посмотрели ему вслед, поежились и плотно закрыли створки, оградив себя от непогоды. Тот, что выглядел постарше, сказал своему напарнику:

– Повезло парню – в такую погоду, говорят, даже Нергал своих демонов из преисподней не выгоняет.

Молодой согласно качнул головой, поправил меч на боку и мечтательно вздохнул:

– Эх, хорошо сейчас, наверное, в «Короне»…

* * *

Конан зашел в трактир и, отряхнувшись будто собака, оглядел зал. Народу в этот вечер набилось прилично: сменившиеся со стражи солдаты, купцы и охранники караванов, и просто обитатели «столицы», которым было нечем заняться. Все они разноголосо орали, тщетно стараясь перекричать друг друга, сплетничали, дулись в кости и нарды, время от времени прихлебывая вино или пиво – в зависимости от вкусов и достатка. Короче, непринужденное веселье было в самом разгаре.

Киммериец не увидел ни одного знакомого лица, зато приметил свободное местечко за столом возле подслеповатого маленького окна. Сначала он собирался спокойно сесть, потребовать ужин с парой кружек местного пива, но быстро сообразил, что царящем здесь гаме даже его громоподобный голос вряд ли будет услышан, а потому начал протискиваться к стойке. Мокрая одежда неприятно прилипала к телу, в сапогах хлюпало, но варвар не

обращал внимания на такие мелочи – высохнет.

У стойки столпились самые заядлые пьяницы, и, судя по всему, внимательно за чем-то наблюдали. Раздвинув их могучим плечом, Конан пробился к бочонкам, где застал примерно то, что и ожидал увидеть – между каким-то оборванцем и солдатом пограничной стражи шло состязание: кто больше выпьет. В окружающей притихшей толпе вполголоса заключались ставки. Пока верх брал оборванец – перед ним стояло уже шесть перевернутых кверху донышком вместительных глиняных кружек, а перед солдатом – пять. После шестой вояка подозрительно зашатался, поставил кружку мимо стола, блаженно хихикнул и мешком сполз на заплеванный пол, тут же раскатисто захрапев. Зрители разочарованно загудели, а бродяга обвел толпу мутным взглядом осоловелых глаз и прохрипел:

– Ну что, кто еще хочет?

– Я, – неожиданно для самого себя отозвался киммериец. В своей способности перепить кого угодно он не сомневался, вечер не сулил больше никаких развлечений – так отчего бы и не попробовать? – Какие ставки?

– Десять монет и проигравший оплачивает все выпитое, – охотно сообщили ему оживившиеся зеваки.

– Идет, – согласился варвар, швыряя на стойку золотую монету в десять талеров. Трактирщик, хмыкнув, торжественно поставил перед киммерийцем шесть наполненных доверху кружек, украшенных пышными шапками грязно-белой пены, и состязание началось.

До пятой кружки все шло хорошо – у здешнего темного пива был приятный горьковатый вкус – и Конан опрокидывал их одну за другой под сопровождение подбадривающих возгласов зрителей. Шестую варвар тянул уже через силу, а после того, как и седьмая показала дно, оборванец хлопнул по стойке рукой и бодро заявил:

– Хозяин, еще по одной!..

Счет перевалил за двенадцать, и к тому времени вокруг спорщиков собрались почти все посетители трактира, когда позеленевший оборванец с безудержно косящими глазами попытался влить в себя остатки, но не смог, выронил кружку и тяжело рухнул на колени.

– Сейчас блевать будет… – предвкушающе прошипел кто-то в наступившей тишине.

Конану было глубоко наплевать на проигравшего. Он сгреб свой выигрыш и, пошатываясь, побрел к выходу, наступая на чьи-то ноги и отталкивая не успевших посторониться. Душа просила только одного – во двор, в кусты или все равно куда, но только поскорее, прежде чем он лопнет прямо здесь!

Киммериец успел сделать несколько нетвердых шагов, затем потолок и пол завертелись, меняясь местами, стены подернулись туманом и куда-то поплыли…

Затем все резко оборвалось и Конан увидел над собой ухмыляющуюся физиономию Эрхарда.

– Где я? – запинаясь, выговорил варвар, попытался встать, но тут же со стоном рухнул обратно. Голова раскалывалась и вообще было погано.

– В своей комнате, где же еще, – хмыкнул Эрхард. – Ты что, ничего не помнишь?

Киммериец насторожился. Всякий раз, когда он слышал подобные слова, выяснялось, что он натворил кучу всяческих безобразий и теперь по городу рыщет не один десяток донельзя разозленных человек, желающих заполучить его голову… или кошелек, что было ничуть не лучше.

– Помню, как на спор пиво пил, – напряженно соображая, ответил Конан. – Помню, что собирался на двор выйти и отлить… Потом ничего не помню! – он потряс головой и

поморщился: – Дай пива, что ли, живодер…

Эрхард безмолвно протянул ему предусмотрительно принесенную с собой огромную кружку. В три глотка осушив ее, варвар почувствовал себя несколько лучше и осторожно поинтересовался:

– Так что же я наделал?

Эрхард весело рассмеялся и стрельнул глазами в сторону «Короны и посоха»:

– А может, не стоит?..

– Стоит, – твердо перебил его киммериец. Крыша трактира – это он видел – никуда не делась, а значит, самого худшего удалось избежать.

– Как хочешь… – и, продолжая хихикать, десятник начал свою повесть о предыдущем вечере. – Значит, когда я вошел, ты стоял посреди зала. И, ты уж извини, мочился купцу Стеварту в кувшин с пивом. Совершенно не обращая внимания на вопли несчастного торговца. Лицо у тебя при этом было ну совершенно как у деревенского дурачка. Посетители загибались от хохота, но это были еще цветочки… Закончив свои дела, ты берешь купца за горло и опрокидываешь содержимое кувшина ему в рот, приговаривая при этом нечто вроде – «Пей за папу, пей за маму, пей за младшую сестру!» Это что, традиционная киммерийская поговорка? – не получив ответа, Эрхард добавил: – Кое у кого в зале при этом началась настоящая истерика. Напоив купца, ты начал орать песни…

В продолжении рассказа Конан медленно начал понимать, что его нынешнее пребывание в Приграничье явно затмит предыдущее, а количество сложенных историй вырастет до небесных пределов. И что это будут за истории, страшно представить!..

– С чувством исполнив «Двенадцать и одну», ты решил поиграть в «Злой медведь вышел на охоту» и принялся с ревом гоняться за девушками-служанками, обещая их изнасиловать, – безжалостно продолжал пунцовый от еле сдерживаемого смеха Эрхард. – Кое-кто из них, наверное, был бы вовсе не против, попроси ты их об этом более подобающим способом… Наконец, тебя попытались усмирить, но, после того, как ты измолотил троих добровольцев и пообещал сделать отличную яичницу из мужских достоинств хозяина, тебя решили оставить в покое. Так что весь оставшийся вечер ты сидел в углу и с ужасно сосредоточенным видом выл, явно вообразив себя волком и мешая всем остальным…

– Хватит! – Конан закрыл лицо руками и мучительно застонал. – Все, с сегодняшнего дня завязываю!

– Давно пора, – согласился Эрхард. – А то выставляешь себя на посмешище. Спору нет, вчера было замечательное представление, но повторять его не стоит.

– И в «Корону и посох» я лучше не ногой… – бормотал между тем варвар, собирая свои вещи, раскиданные вчера по всей комнате и гадая, как же он умудрился вернуться в гостинцу.

– Правильно, не ходи, – нарочито равнодушно произнес Эрхард, вставая с табурета. – Все равно она закрыта.

– А чего так? – удивился Конан, одевая перевязь с мечом и затягивая ремни.

– Да столы там чинят… и стойку! – десятник не выдержал и расхохотался

Киммериец заскрипел зубами и поддал ногой по шаткой двери так, что она чуть не слетела с петель. Ничего себе, повеселился!

– Ты у короля был? – осведомился варвар, когда они спускались по шаткой лестнице.

– Конечно, – кивнул Эрхард. – Он меня вызвал и разъяснил задачу. Мой десяток готов к походу, хотя, честно говоря, это безумный план. Впрочем, лучше такой, чем вообще никакого. Пошли, посидим в казарме, я тебе карту покажу и познакомлю с ребятами.

– А как погодка? – задал самый главный в Пограничье вопрос Конан, открывая дверь. В лицо ему ударило яркое солнце и киммериец невольно зажмурился. – Понятно…

Они зашагали через густо заросший сорняками двор к нескольким приткнувшимся к крепостной стене ветхого вида строениям. Если так здесь живут солдаты, но немудрено, что король трясется и со дня на день ожидает переворота. За одно такое небрежение он заслуживает подобной участи.

Подняв голову, Конан впервые со дня своего приезда в Пограничное королевство увидел ясное небо. Все тучи куда-то подевались, и, насколько хватало глаз, простиралась лазоревая синь без единого облачка. Солнце отражалось в невысохших каплях вчерашнего дождя, уцелевшая листва на хлипких деревцах искрилась крохотными радугами. Даже развалины потеряли свой обычный угрюмый вид – омытые струями ливня, они напоминали старика, радующегося внукам.

Оживившийся Эрхард засвистел под нос какую-то лирическую песенку, что совершенно не вязалось с его обычной сдержанностью. Конану же было наплевать на все красоты Пограничья. Главное – наконец-то светит солнце и не капает холодный дождь.

Зайдя в казармы, киммериец в который раз удивился убогости королевства. Плохо обструганные и криво сколоченные нары с брошенными поверх соломенными матрасами, голые исцарапанные столы без одной-двух ножек, подпертые бочонками, колченогие табуреты, крохотные окна, затянутые мутными бычьим пузырями… В полусумраке неясными тенями скользили солдаты, то появляясь, то пропадая. Время о времени раздавалась забористая ругань и грохот опрокидываемой мебели.

Выгнав из-за выглядевшего наиболее прилично стола азартно резавшихся в кости солдат, Эрхард расстелил на нем большую подробную карту земель Пограничного королевства, лежавших на восходе.

– Вот смотри. Первые убийства были совершены здесь и здесь, – он ткнул в два небольших поселения, расположенных возле самой полуденной границы с Бритунией. – Затем они двинулись на полночь, и где-то через луну загрызли человека в Дервиге, лигах в пяти от рубежа, – толстый палец с грязным ногтем уперся в малозаметную точку посреди лесов.

Конан с интересом разглядывал карту.

– Нападения за Хафелем были? – спросил он, указав на речушку, текущую с полуденных предгорий Грааскаля через все Пограничье и впадающую в Милден неподалеку от границы с Немедией. Эрхард покачал головой:

– До позавчерашнего дня не было. После Дервига оборотни обшарили все земли к закату от Хафеля. Самое жуткое их злодеяние – резня в Гавене. Семью из восьми человек разорвали прямо в доме на краю большой деревни, и никто не осмелился выйти и помочь им…

– Трусы! – презрительно скривился варвар. – Если бы подобное случилось в Киммерии…

– Если бы да кабы, – казалось, десятнику стало обидно за собственную страну. – С каждым разом, – задумчиво продолжал он, водя пальцем по пергаменту, – нападения происходят все дальше и дальше от границы…

В казарму с грохотом влетел молодой солдат, и, чуть отдышавшись, крикнул:

– Где капитан? Капитана срочно к королю!

– Что такое? – капитан гвардии вышел из своей комнатушки, на ходу застегивая пряжки на кирасе.

– Погиб еще один караван! – с ужасом выдохнул солдат.

– На полночь от дворца? – быстро спросил Конан и пристально взглянул на принесшего дурную весть юнца.

– Да… А как ты догадался? – удивился парень, с уважением поглядывая на поднявшегося из-за стола огромного киммерийца

– Я с детства догадливый, – ухмыльнулся варвар. – Потому и прожил так долго.

– Пошли, – коротко бросил капитан, поправляя меч. – Ты вроде как должен меня проводить?

– Да-да, конечно, – засуетился юнец, покосился в последний раз на черногривого великана и, тихонько вздохнув – видимо, от зависти – вышел вслед за командиром.

Конан повернулся к Эрхарду:

– Где проходят главные караванные пути?

– К столице сходятся четыре хорошо проторенных тракта: из Нумалии, по которому пришел ваш караван; из Бритунийской Пайрогии – этот ведет с восхода; из Гандерланда – но из-за распрей в кланах в последнее время дорога пришла в запустение – и из Гипербореи, – четко отозвался десятник, водя для наглядности по карте. – На полдень от скалы под названием «Врата черепа» Гиперборейский и Бритунийский тракты сходятся лиги на четыре. Там еще проходит редко используемая дорога на Киммерию… А зачем тебе все это понадобилось? – он поднял голову от карты и озадаченно взглянул на варвара.

Словно не замечая его вопроса, Конан начал рассуждать вслух, уперевшись взглядом в точку, обозначавшую Врата черепа:

– Так. Первый удар нанесен на полуденном тракте. Далее, через пару дней – Гиперборейская дорога. Третий и последний, если судить по повадкам оборотней, будет нанесен либо на перекресток, либо выше него, ближе к Вратам.

– С чего это ты так решил? – подозрительно осведомился Эрхард.

Конан ошарашенно уставился на него – мол, как можно не понимать таких простых вещей?

– Кром! Да это же проще, чем срезать кошелек у в стельку пьяного! Смотри – сначала идут нападения на полуденные деревни, затем начинается продвижение на полночь, до Грааскаля. Потом в течении луны – перерыв и все повторяется, только дальше от границы. Они убедились, что вам нечего им противопоставить и теперь обрушиваются на караваны. Когда пойдет следующий обоз в Гиперборею или оттуда? Или в полуночную Бритунию?

Эрхард взглянул на карту так, будто увидел ее первый раз в жизни, охнул и схватился за голову:

– Похоже, я окончательно пропил свои мозги! Насчет караванов лучше спросить у здешнего торгового воротилы… А, отродье Нергала! – он от души выругался и треснул кулаком по столу так, что затрещали доски, а сидевшие поблизости солдаты аж подпрыгнули от удивления. – Ты ж ему вчера в кувшин отлил, скотина!

На лице киммерийца не появилось и тени улыбки.

– Значит, к нему пойдешь ты, – холодно отчеканил он. – И выспросишь все о приходящих и уходящих караванах. А я пока познакомлюсь с твоим десятком и еще карту посмотрю – вдруг в голову что полезное придет…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
в которой Конан принимает командование и узнает нечто новенькое об оборотнях и мечах

– Ладно, – согласно кивнул головой десятник, оглянулся по сторонам и, заметив светловолосого крепыша, гаркнул во всю глотку: – Эртель! Поди сюда! Да шевели, шевели мослами…

Кода парень с кислым видом подошел к столу, Эрхард хлопнул его по спине и, смеясь, представил:

– Это мой заместитель и заодно двоюродный племянник, хотя дядю, засранец, ни во что не ставит!

Племянник закивал головой и страдальчески закатил глаза, явно пытаясь показать, что сам многократно слышал уже все эти сказки, а всем прочим не стоит обращать на них внимания. После чего со словами: «Ладно, ладно, дядя, иди по своим делам, – довольно неприязненно подтолкнул десятника, заявив:

– Я сам вполне справлюсь.

Эрхард укоризненно посмотрел на младшего родича, и, после краткого размышления, отвесил ему подзатыльник:

– Как со старшими по возрасту и званию разговариваешь, сопляк?! Ладно, Конан, я пошел… – он поднялся и направился к выходу из казарм, раздавая по пути пинки не успевшим увернуться солдатам. Эртель скорчил рожу, показал удаляющейся спине неприличный жест, а затем обернулся к варвару:

– У-у, старый козел! Дядя, называется! Пошли, Конан, я тебя познакомлю с нашими! – он ткнул рукой куда-то в угол полутемной казармы.

Они пробирались между нарами, то и дело спотыкаясь о разбросанные вещи и оружие. Киммериец запнулся о поставленное между лежаками копье и только природная ловкость спасла его от неприятного близкого знакомства с отродясь немытым полом. Бурча под нос ругательства, Конан перешагнул через вдрызг пьяного вояку, как бревно валяющегося в проходе, и удивленно остановился. Перед ним прямо на полу углем были проведены две толстые линии, сходящиеся под прямым углом и образующие вместе со стенами большой квадрат. Пол за линиями и перед ними был выскоблен добела и на нем красовались слегка измененные, но очень тщательно выведенные краской немедийские буквы, складывающиеся в грозное предупреждение: «Не переступай – убьем!»

– Это место десятка Эрхарда, – с гордостью произнес Эртель, и, переступив, обернулся, – Ну, и ты заходи…

– А не убьете? – хмыкнул Конан.

Парень критично оглядел возвышавшегося над ним варвара, нахмурился и с напускной серьезностью сказал:

– Не боись, гостей мы почти не обижаем…

Эти слова сопроводил громкий хохот расположившихся на нарах солдат. В этом углу было несколько посветлее – на стенах висела пара масляных ламп, на столе же красовался медный шандал с несколькими свечами – а потому обитателей отдельного угла можно было разглядеть без особого труда. Их было человек восемь. Дав своим отсмеяться, Эртель

скомандовал:

– Подъем! Построиться в шеренгу!

Конан слегка удивился той быстроте, с которой было выполнено приказание.

«Больно хорошо вымуштрованы для здешнего борделя,» – подумал он, оглядывая покрытые шрамами физиономии, с любопытством уставившиеся на него. Эртель откашлялся, состроил серьезную мину и торжественно произнес:

– Ребята, знакомьтесь, это Конан. Как всякий варвар, а особенно киммериец, он слегка чокнутый, а потому собирается устроить охоту на оборотней. Согласно его просьбе и личному королевскому приказу мы все с этого дня переходим к Конану в подчинение. Вопросы есть? Нет? Ну и замечательно.

Эртель пошел вдоль строя слева направо, кратко характеризуя каждого.

– Эмерт, – начал он, указывая на темноволосого сероглазого боссонца с переломанным носом. – Спокоен как лед, при необходимости может промолчать весь день. Первый среди лучников королевской стражи.

– Гильом, – типичный соломенноволосый гандер, его желтоватые глаза настороженно изучали Конана. – Стеснительный, как девица, но в бою беспощаден. Любимое оружие – два коротких меча.

– Веллан, – длинные вьющиеся белокурые волосы, перетянутые кожаным ремешком, насмешливый взгляд ярко-синих глаз. – Из Бритунии. Хитрюга и болтун, но зато с ним не соскучишься… Двуручный меч.

– Хальмун, – рыжеволосый и рыжебородый ванир с черной повязкой на левом глазу и носом картошкой. – Ванир, и этим все сказано.

– Да уж, – согласился Конан, с уважением поглядев на изрядно потертую рукоять двулезвийной секиры.

– Вальсо, – худощавый высокий зингариец с тонкими черными усиками и бородкой клинышком. Это ж каким штормом его сюда занесло?.. – Даже если у него спросить, какая сегодня погода, будет размышлять над ответом целый день. Зингаранская сабля.

– Илмайнен, – высокий, крепкий, зеленоглазый. Гиперборeец, и спрашивать не надо. – Непрошибаемый, как каменная башня, но страдает непреодолимой тягой к юбкам. Длинный меч-шпага.

– Гарт, – еще один гандер, младший брат Гильома, чуть потемнее и повеселее. – Хвастун и редкостное трепло, все бьется об заклад, что переболтает Веллана. Два коротких меча.

– Никогда этого не случится, – вполголоса пробормотал бритуниец. Гарт в ответ хмыкнул.

Взглянув на последнего в шеренге, Конан едва сдержал изумленный вскрик. Строй замыкал молодой, но весьма крепко сложенный… киммериец с огромным мечом за спиной. Парень изо всех сил старался сохранять серьезность, но это у него плохо получалось – губы сами собой расползались в ухмылке.

– А это что еще за?.. – недоуменно обратился варвар к откровенно хихикающему Эртелю.

– Это Ранн, – представил Эртель. – Он три луны назад спустился с гор и еще не слишком освоился. Но сражается прекрасно. А его меч уже не раз пытались купить.

– И даже украсть, – юношеским баском встрял молодой горец. – Ну, а я ручонки цепкие малость поукоротил. После – ни-ни… Кстати, по дороге сюда я проходил через земли Канахов. Твои родичи живехоньки, и…

– Ладно, всем разойтись, – распорядился Эртель, поняв, что взаимное представление закончилось и сейчас начнутся долгие родственные разговоры. Десяток вернулся к прежнему времяпровождению, а двое киммерийцев почти сразу же уселись за столом в углу и оттуда донеслось:

– А как Морен? Ну, да, та самая… Что случилось с Нерелом – он же собирался собрать отряд и пойти на Ванахейм?..Что, пошел? И его разбили? Ну, этого и стоило ожидать… А как поживает…

Воспоминания продолжались до тех пор, пока в казармы не вернулся Эрхард. Он вошел слегка повеселевший, с крошками хлеба в седеющей бороде и тронул Конана за плечо:

– Кончайте трепаться, говорить теперь буду я.

Понятливый Ранн торопливо вскочил, уступая место, но далеко не ушел, явно рассчитывая услышать что-нибудь интересное. Десятник уселся, покряхтел, потом дотянулся до неприметного ящика у стены и вытащил две пыльные глиняные бутыли, запечатанные зеленым воском, и пару вместительных кружек.

– Серьезную беседу лучше всего вести вместе со «Старым королем», – глубокомысленно пояснил он. Конан согласно кивнул и подцепил кончиком ножа залитую воском пробку с клеймом пуантенского винодельческого цеха.

– Это напиток двадцатилетней выдержки, – продолжал тем временем Эрхард, вытаскивая крепко сидящую затычку и с наслаждением принюхиваясь. Темно-красная, почти бордовая густая жидкость, забулькав, полилась в его кружку. После некоторых затруднений Конан справился со своей бутылкой и отхлебнул для начала маленький глоточек. Вино оказалось терпким и приятно горчило. Подержав его во рту, как истинный знаток, киммериец осторожно сглотнул и после размышления кивнул, подтверждая слова Эрхарда:

– Великолепно…

Сделав хороший глоток, Эрхард утер усы и неторопливо начал:

– Значит, пришел я к Стеварту. Домина, я скажу, у него! Ну да ладно, это к делу не относится. И спрашиваю вежливо, мол, король интересуется, когда пойдет следующий караван из Гипербореи или полуночной Бритунии. А он меня зазвал обедать и долго жаловался, что, когда надо, стражников никогда нет – это о вчерашнем веселье в «Короне». Мол, теперь все его компаньоны смеются, а он теряет деньги и так далее. Дав ему время поплакаться в кольчугу, я деликатно напомнил о поручении короля. Он начал бурчать что-то нелестное о королевских войсках, но я стукнул по столу, – Эрхард продемонстрировал, как именно это было сделано, – и велел ему заткнуться, а то сам будет караваны охранять. После этого он стал посговорчивее и признался, что из Гипербореи после гибели Тилейнена (всем видом показывая, кто в этом виноват) ничего не предвидится, а вот из Бритунии через седмицу придут работорговцы. После этого он выпроводил меня на улицу и слова не дал сказать… Короче, теперь я склонен считать, что ты не зря справил ему в кувшин малую нужду! – Эрхард опрокинул кружку в глотку и расхохотался.

Конан тоже усмехнулся и поинтересовался:

– У тебя что, этого вина так много, что ты хлещешь его кружками?

– Да нет… – рассеяно отозвался десятник. – Просто я так привык… Ты что, будешь меня учить, как пить? – неожиданно разозлился он.

Похоже, «Старый король» оказался слишком крепким для десятника, поэтому Конан примиряюще махнул рукой:

– Да нет, я просто так спросил, – киммерийцу вовсе не хотелось ссориться со старым

воином.

– Ну, раз просто так, то давай еще по бутылочке, – предложил успокоившийся Эрхард.

Через некоторое время последовала еще «бутылочка», за ней еще и еще… Казалось, ящик был бездонным, и Конан в ужасе почувствовал, что снова напивается до бессознательного состояния. Уже третий раз за какие-то семь дней.

Это была его последняя здравая мысль, а дальше все потонуло в винных парах…

* * *

– А правда, что ты ходил на Венариум? – спросил Ранн, присаживаясь под соседнюю сосну и уставившись горящими от любопытства глазами на дремлющего вполглаза Конана. Тот, не открывая глаз, утвердительно кивнул головой.

– А как это было? – похоже, любознательность была основной чертой характера Ранна. Интересовало его все на свете, а больше всего – бурная жизнь старшего соплеменника, отголоски о похождениях которого долетали даже в далекие полуночные страны.

– Мерзко, – лениво отозвался Конан. – Мерзко, грязно и кроваво, как на любой бойне. Нас было гораздо больше, и каждый хотел только одного – убивать. К утру не осталось в живых никого из защитников, а сама крепость горела еще дня три или четыре.

Ранн разочарованно примолк. Похоже, он ожидал услышать о вошедшем в историю Киммерии нападении нечто большее, чем несколько небрежно брошенных фраз.

…Шел уже второй день, как маленький отряд в одиннадцать человек расположился на холме, возвышавшемся примерно в четверти лиги от перекрестка торговых дорог, ведущих на полночь, и начал ждать явления бритунийских работорговцев. Высокий холм, поросший густым сосняком, представлял собой самое удобное место для наблюдения за дорогами. На вершине холма обнаружилась большая поляна, покрытая густым слоем опавшей хвои и мягкими клочьями белого мха, где и разбили лагерь.

В месте слияния трех трактов хвойный лес постепенно кончался, уступая место буйному разнотравью, сейчас поблекшему и полегшему под частыми ливнями. За Перекрестком по обеим сторонам дороги вырастали два поросших соснами холма, правый побольше, левый поменьше. За ними начинался сосновый бор, простирающийся на три-четыре десятка лиг к полудню.

Занудные осенние дожди вроде прекратились, раненое бедро Конана почти зажило, и жизнь казалась на диво замечательной штукой. Если забыть о виденном по пути сюда.

Добираясь к Перекрестку, отряд обнаружил остатки разоренного каравана. То же самое – товары не тронуты, но раскиданы по всей округе, все люди убиты со звериной жестокостью. Хотя чему тут удивляться? Оборотни и есть звери. После прохода бритунийцев надо будет прогуляться по тем местам, где видели оборотней и попытаться вытянуть из трусливых крестьян хоть какие-нибудь сведения. Должны же были селяне что-то видеть или слышать!.. Пока же у Конана складывалось стойкое и неизвестно на чем основанное впечатление, что некто пытается столь жестоким и жутковатым способом настроить дворянство и народ против законного правителя. Хотя странно говорить в такой дыре о «законе», но будем для простоты считать, что человек, нынче сидящий на троне в

полуразвалившемся дворце – и есть законный. В конце концов, вся имеющаяся власть зажата в его трясущихся слабеньких лапках… Конечно, до времени, а там появится другой и будет не менее «законным». Тьфу! Не страна, а сплошное недоразумение. Хоть бы появился кто-нибудь, способный прижать местных дворянчиков и бешеные кланы к ногтю да навести мало-мальский порядок!..

От таких мыслей Конан окончательно проснулся и оглядел стоянку. В карауле на склоне холма находились братья-гандеры, остальные частью дремали, частью занимались своими делами. Эртель и Веллан, взаимно обвиняя друг друга в бестолковости и неумелости, пытались приготовить из вяленого мяса и поджаренного хлеба какое-то подобие обеда на всех, Ранн сначала приставал с расспросами к Конану, потом отправился к костру и начал с удовольствием давать самозванным поварам полезные советы, Эрхард и Эмерт о чем-то шептались с Вальсо, а Хальмун и Ильмайнен дулись в кости. Судя по доносившимся голосам, ванир проигрывал уже пятую партию подряд.

Мирные посиделки на поляне были нарушены внезапно вылетевшим на поляну Гартом. Он так спешил, что запнулся о корень и едва не приземлился головой в костер. Веллан поймал его за шиворот и поставил на ноги.

– Бритунийцы идут, – возбужденно выдохнул гонец. – Их уже видно!

– Подъем, – скомандовал Эрхард. – Оружие в руки и рассыпаться по краю холма. Смотреть в оба! Эртель, Ранн, потушите костер, только без дыма.

– И постарайтесь, чтобы вас все-таки не заметили, – проворчал Конан, проверяя, легко ли выходит его меч из ножен.

Через мгновение поляна опустела. За два дня ожидания десятник успел не только присмотреть и распределить неприметные с дороги места для наблюдения на склонах, но и провести парочку учений. Задержались только Ранн и Эртель, забрасывавшие костер заранее приготовленными кусками дерна, но вот и они, подхватив прислоненное к деревьям оружие, исчезли в зарослях.

Конан и Эрхард не спеша расположились на полуденной стороне холма, откуда хорошо просматривались и дорога, и лес. Спрятавшись в выемку у корней высоченной мачтовой сосны, варвар огляделся.

К Перекрестку медленно, оставляя за собой шлейф пыли, подползала длинная вереница скованных рабов. Между небольшими группками невольников двигались крытые фургоны, вдоль колонны разъезжали одетые в доспехи охранники, время от времени награждая ударами плетей замешкавшихся рабов.

Когда караван подошел поближе, стали отчетливо слышны стоны несчастных. Видимо, их гнали безостановочно целый день – хозяин то ли не мог дождаться прибыли, то ли боялся чего-то… Большинство невольников составляли женщины (бритунийки на рынках ценились примерно раза в два дороже бритунийцев), но и они не получали снисхождения – кнуты правящих фургонами возниц были длинны, разрывая при ударах одежду, а вместе с ней и кожу, и оставляли глубокие багровые рубцы, тут же начинавшие кровоточить.

Конан видел (процессия как раз поравнялась с его укрытием), как, получив плетью по лицу, упала и больше не поднялась светловолосая женщина. Некоторое время остальные волочили ее тело, но потом скорость замедлилась, а сзади напирали… Тогда, отчаянно ругаясь, ближайший стражник соскочил с невысокого каурого конька местной породы, подошел к упавшей и пару раз пнул ее. Потом, порывшись в поясом кошеле, вытащил ключ, наклонился и разомкнул ошейник. В ярком полуденном свете сверкнул чуть изогнутый

британийский меч, затем тело оттащили в сторону и спихнули в канаву…

Караван медленно тащился мимо затаившихся на холме наблюдателей, Конан видел печать беспокойства на лицах охранников, постоянно озиравших холмы вокруг. Они явно слышали о нападениях оборотней и теперь каждое мгновение ожидали, что тихие холмы оживут и вниз покатится лавина жутких созданий.

Неожиданно у варвара появился собственный повод для беспокойства – он ощутил легкое, но непреходящее жжение в области груди. Не отрывая взгляда от дороги, киммериец почесался сквозь куртку, но зуд не прекратился, а наоборот, усилился, распространившись вниз по животу… Осторожно, чтобы с дороги не заметили подозрительного движения в кустах, варвар засунул руку под одежду и сразу, щекоча кожу, по ладони побежало множество маленьких лапок. Выдернув кисть, Конан с ужасом увидел на ней не меньше полусотни крупных красных муравьев.

«Поздравляю, ты улегся прямиком на выход из их жилища, – мрачно подумал варвар. – Интересно, когда тебя едят живьем – это как?»

Жжение усиливалось, шевельнуться, как назло, было нельзя – внизу несколько охранников, то ли что-то заподозрив, то ли по случайному совпадению, таращились на злополучную сосну. Придется ждать, пока они не проедут. Сзади разлегся Эрхард, с сосредоточенным видом созерцавший две сотни британийских рабов. Они шли так близко, что на холме был отчетливо слышен хруст ломающейся подсохшей грязи, а ветер доносил резкий запах давно немытых тел и тяжелые стоны невольников, издаваемые, казалось, самой уставшей плотью.

Когда замыкающий вереницу фургон отъехал на несколько полетов стрелы, Конан, ругаясь яростным шепотом, откатился в сторону и начал лихорадочно стаскивать одежду. Эрхард вначале недоуменно уставился на него, а затем беззвучно расхохотался, поняв причину столь странных действий варвара. Конан пришлось изрядно попотеть, стряхивая с себя воинственных насекомых, а затем тщательно выбивая их из складок одежды. Разделавшись с обидчиками, он тяжело вздохнул и вытер лицо ладонью:

– Маленькие демоны, Сет их раздери! И угораздило же меня!

– Да уж, – подтвердил Эрхард, ухмыляясь в усы. – Надо было смотреть, куда плюхаешься…

– Кто ж знал, – буркнул Конан, – что они тут под землей… Холмика-то не было!

– Не было, не было, – передразнил десятник и показал на удаляющийся в лес караван. – Хорош веселиться, следи лучше за ними…

Жуткий протяжный вой донесся из чащи, заставив вздрогнуть от неожиданности всех притаившихся на холме и даже далеко не слабонервного Конана. Звук пробирал до костей, душа леденела и пряталась в самые дальние закоулки тела. Это был зов начинающейся охоты, клич земного воплощения смерти, и ему вторил отчаянный, полный невыразимого ужаса вопль почти трехсот глоток…

– Что? Что там такое? – дергал варвара за рукав не такой зоркий Эрхард.

– Они сделали это! – в голосе Конана звучала радость охотника, долго преследовавшего и наконец настигшего добычу. – Оборотни напали на караван!

– Тогда вперед, – предложил Эрхард. – С помощью британийцев мы покончим с ними раз и навсегда!

Киммериец отрицательно покачал головой:

– Мы не полезем в бойню, нас там будут бить и те, и другие. Подождем, чем

закончится…

Собственно, ждать было почти нечего. Почти всех конных воинов прикончили в первую очередь. Еще сопротивлялись уцелевшие возничие, да вопили и плакали рабыни, но такие мелочи были не в состоянии остановить монстров. Скоро со всеми свободными бритунийцами было покончено и настала очередь невольников, лишенных даже малейшей возможности дать отпор. Около трех десятков рабов отогнали в сторону, сбив в кучу возле одного из фургонов, остальных резали как скот на бойне.

Конан и Эрхард находились довольно далеко и не могли разглядеть подробностей кровавой трапезы, но воображение киммерийца с услужливой готовностью подсказывало ему обширный набор отвратительных сцен. Тряхнув головой, чтобы избавиться от видений, Конан обернулся к Эрхарду:

– Зови всех. Выступаем.

Оборотни тем временем оставили в покое истерзанные трупы, часть чудовищ скрылась в лесу, остальные окружили оставленных в живых и трясущихся от ужаса пленников и погнали их вслед убежавшим собратьям. Несколько оборотней, принявших вид волков, лениво обегали кругами место побоища, принюхиваясь и выискивая, не сумел ли кто из людей спрятаться. Двое из них направились к холму, где скрывался отряд из Пограничья.

– Бегите, бегите, – зло подумал Конан, вытаскивая меч из ножен и поудобнее устраивая его. Оборотни неспешно приближались, заглядывая во все мало-мальски подходящие укрытия… и тут киммериец почувствовал, что оружие в его руке слегка шевельнулось. Ошалело уставившись на него, Конан едва не протер глаза – не видение ли померещилось? Но меч действительно еле заметно подрагивал, а по клинку пробегали волны синеватого мягкого свечения, усиливавшегося по мере того, как оборотни подходили все ближе и ближе. Времени на раздумья по поводу странного поведения оружия не оставалось – оборотни уже бежали по склону холма и, явно учуяв человеческий запах, жались к земле и глухо ворчали.

Киммериец принял единственно верное решение – с криком «Кром!» он, как лавина, обрушился на остолбеневших от неожиданности волчар. Один из оборотней, более сообразительный, чем его приятель, вскинулся на задние лапы, одновременно принимая облик жутковатого подобия человека – существа, покрытого короткой серебристой шерстью с коричневыми подпалинами, и с зелеными человеческими глазами, в глубине которых горело темное пламя. Второй остался волком – если только где-нибудь встречаются голубоглазые волки…

Не дав им времени, чтобы придти в себя и что-то предпринять, варвар изо всех сил пнул того, что был волком, угодив каблуком сапога точно в мокрый черный нос. Пронзительно завизжав, тварь отлетела шагов на десять, уже в полете превращаясь, как и его собрат, в получеловека-полузверя, заросшего серой клочковатой шкурой с рыжими пятнами.

Ненадолго обезвредив одного из противников, Конан атаковал второго, нанося рубящий удар справа. Меч лишь со свистом прорезал воздух, тварь с немыслимым проворством отскочила назад, и, ухмыляясь зубастой пастью, погрозила кривым пальцем.

Ухмылка пропала, когда чудовище повнимательнее пригляделось к мечу. Конан мог поклясться чем угодно, включая и собственную душу, что в человеческих глазах жуткого существа мелькнуло удивление и страх.

Позади раздался хруст веток и ворчание. Варвар оглянулся через плечо – второй оборотень, мотая головой, поднимался с земли… а ребята Эрхарда что-то не спешили.

В этот момент серебристый зверь бросился на киммерийца, одним могучим прыжком

покрыв разделявшие из пять или шесть шагов. Здоровенная туша опрокинула Конана на траву, он больно ударился спиной о булыжник (проклятье, ну откуда он здесь взялся?), а оборотень, клацая зубами, пытался дотянуться до шеи человека. Киммериец, всеми силами отпихивая от себя невероятно сильную тварь, пытался одной рукой дотянуться до выроненного при падении меча. Клинок яростно пылал почти белым светом и дрожал, словно его возмущало само присутствие оборотней рядом с ним. Но вот, к сожалению, приблизиться к своему хозяину он не мог..

.

Тем временем серебристый слегка приподнялся, уперевшись лапой в защищенный кольчугой живот варвара, и ударил растопыренными пальцами, заканчивавшимся внушительной длины когтями, другой не то лапы, не то руки в лицо Конану. Тот, оставив безнадежные попытки дотянуться до меча, перехватил запястье почти у самых глаз, и, вцепившись чудовищу в плечо свободной рукой, рывком опрокинул его прямо на лежавший в траве клинок.

Результат превзошел все ожидания варвара. Серебристый, ухнув, повалился на лезвие и тут же взвыл от невообразимой боли. Запахло паленым, оборотень, извиваясь, откатился в сторону, но поздно – тело твари начало стремительно оплывать, как тающее на раскаленной сковороде масло. Исчезли шерсть и когти, морда и хвост втянулись внутрь… Конана от этого зрелища едва не вывернуло наизнанку, он подхватил с земли меч и с невнятным возгласом отвращения обезглавил не успевшего закончить превращение оборотня.

Сразу наступила тишина, а корчащееся на земле мерзко-белое бесформенное тело бесшумно рассыпалось. Удивленно моргая, киммериец уставился на белую пыль, быстро рассеиваемую ветром.

Напарник погибшего, все это время неподвижно стоявший возле сосны, почти человеческим голосом прохрипел «Нет…» и бросился вниз по склону. Конан рванулся было следом, но где-то неподалеку раздался звонкий щелчок спускаемой тетивы. Боссонский лук, – не оборачиваясь определил варвар.

Десяток Эрхарда в полном составе маячил между сосен, а рядом с бывшим укрывищем киммерийца и десятника стоял Эмерт и спокойно, равномерно бил из длинного, почти с него ростом, лука.

Оборотень не пробежал и десяти шагов, как пять стрел одна за другой ударили в его спину, прошив насквозь и выставив окровавленные наконечники на целую ладонь. Монстр захлебнулся собственной кровью, пробежал еще несколько шагов, неуклюже повалился набок и покатился вниз по склону, с хрустом ломая длинные древки. За спиной Конана раздосадовано вздохнул Эмерт:

– Эх, жаль стрел…

Тело наконец остановилось, ударившись в оказавшийся на пути толстый сосновый ствол, и десяток наперегонки помчался вниз, к тяжело дышащей туше, серо-рыжая шерсть которой уже начала слипаться от хлещущей из ран крови. Оборотень уткнулся мордой в пожухлую траву и выглядел неважно, но, что самое странное, умирать отнюдь не собирался.

Конан, оказавшийся у тела первым, с усилием перевернул существо на спину и наткнулся на прямой взгляд небесно-голубых, слегка затуманенных болью и страхом человеческих глаз.

– Добей меня, ублюдок, – отчетливо выплюнула слова окровавленная клыкастая пасть.

– Э-э, нет, – покачал головой подбежавший Эрхард. – Для начала мы немного

побеседуем…

– Мне не о чем разговаривать с человеком, – оборотень демонстративно отвернул голову.

– Ага, – невозмутимо кивнул десятник. – Значит, не о чем… Конан, дай-ка сюда меч, посмотрим, кто он на самом деле…

– Нет!.. – по-настоящему испугавшись, оборотень попытался отползти, загораживаясь руками от ужасного клинка, который варвар с каменным лицом поднес к нему.

– Хватит, – остановил киммерийца Эрхард. – Конан, убери пока свою реликвию. Так будем разговаривать или как? – десятник присел рядом с чудовищем, и, к удивлению варвара, оно даже не попыталось огрызнуться. Конан оглядел внимательные и сосредоточенные лица воинов, кружком расположившихся вокруг лежащей твари. Казалось, они что-то знают о пойманном существе. Что-то такое, чего не знал он.

Тем временем оборотень, нехотя выдавливая из себя слова, начал отвечать на вопросы Эрхарда:

– Сколько вас?

– Двадцать три… Теперь двадцать один.

– Откуда вы взялись? – встрял Конан. Оборотень криво усмехнулся:

– Мы были всегда, даже раньше вас…

– Конан, не мешай! – сердито рыкнул Эрхард. – Сейчас не это главное. Когда выясним все, что нам нужно, можешь поболтать с ним хоть о погоде, хоть о девочках, – и, повернувшись к зло косящемуся на них полузверю, продолжил допрос:

– Где ваше убежище?

Оборотень молчал, с равнодушным видом созерцая чистое синее небо и раскачивающиеся макушки сосен.

– Ну?! – грозно прикрикнул десятник, хватая существо за ухо и разворачивая мордой к себе. – Меча захотел?

Оборотень тяжело вздохнул и пробурчал:

– На полуденный закат отсюда лиг пять по кабаньей тропе лесом. Упрешься в бурелом, за ним холм с пещерой. Отыщете…

– Кто вами командует? Ваша шайка единственная?

– Будто не знаешь… Не единственная, не единственная… – тварь опять замолчала, уставившись в небо.

– Кто вожак? – настойчиво повторил Эрхард.

– Не знаю, – с вызовом бросил оборотень и еле слышно хмыкнул.

Во время разговора Конан внимательно следил за воинами и от него не укрылись несколько быстрых взглядов, которыми обменялись Вальсо и Хальмун. Варвару все это сильно не нравилось, в том числе и брошенная оборотнем фраза «Будто не знаешь…» Ладно, разберемся позже.

– Так уж и не знаешь? – с ехидством в голосе переспросил Эрхард и обратился к своим: – Ну как, кто хочет что спросить?

Желающих не нашлось – все отрицательно помотали головами. Кроме Конана, решительно поинтересовавшегося:

– Что у меня за меч? Почему он так действует на вас?

Оборотень повернул к нему морду и, похоже, хотел ответить, но тут у него горлом хлынула кровь, он захрипел, забулькал, и Эрхард быстрым ударом кинжала прекратил его мучения.

– Как всегда! – разочарованно буркнул Конан, и, махнув рукой, начал подниматься вверх по склону. – Вечно мне не везет…

Веллан откровенно ухмыльнулся и, судя по выражению лица, собрался крикнуть вслед варвару какую-то гадость, но Эрхард взглядом заставил его стереть улыбку и закрыть рот, а сам окликнул:

– Конан, подожди!

Киммериец остановился и, обернувшись, спросил:

– Чего ждать-то, вчерашнего дождя? Собираем вещички и вперед, за оборотнями… – он быстро зашагал по слегка шелестящей траве по направлению к лагерю. Эрхард догнал его и пошел рядом.

– Не думаю, что он знал что-то о твоем мече, – негромко сказал десятник. – Возможно, тому, первому, и было известно нечто полезное, но ты прикончил его раньше, чем мы успели допросить…

– Да-да, – едко отозвался варвар, насмешливо взглянув на десятника холодными льдисто-голубыми глазами. – Во всех неприятностях виноват, конечно, я. Это я убил оборотня, пытавшегося меня сожрать, не поговорив с ним для начала о погоде, это я не дал тебе расспросить раненого, это я…

– Ладно, ладно, – Эрхард примирительно поднял руки. – Во всем виноват я. Но кое-что о твоем мече мне известно…

– Ну так что ж ты сразу не сказал? – раздраженно буркнул Конан, злобно пиная на ходу сухие сосновые шишки, в изобилии валявшиеся около лагеря, благо сосен вокруг тоже было в достатке.

– Ты мне не давал своим постоянным брюзжанием! – сердито ответил Эрхард. – Ну-ка дай сюда клинок! Смотри, вот эти руны, – десятник провел пальцем сначала по рукояти, потом по лезвию, – похожи на гиперборейские и нордхеймские, но по сравнению с ними кажутся куда гармоничнее… и правильнее, что ли. А теперь попробуй, дотронься до лезвия.

Конан так и поступил. Его пальцы ощутили едва заметные шероховатости, холодная твердая сталь казалась живой, и киммерийцу почудилось, что клинок еле заметно шевельнулся от прикосновения человека.

– Чувствуешь? – шепотом спросил Эрхард и, получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: – Это нанесенные слабым травлением заклятья, и, скорее всего, именно против магии оборотней. Сейчас такого не сделает ни один кузнец. Как, впрочем, и такой прекрасной стали, – десятник взял меч за рукоять и кончик лезвия и, поднатужившись, согнул почти в правильный обруч, а затем отпустил. Клинок возмущенно загудел и вернулся в первоначальное положение. – Остальные руны – не более, чем обереги – для верной службы, от злых духов, – Эрхард зыркнул по сторонам и сделал ограждающий жест рукой. – Эти – для остроты, ну и так далее…

Они вошли в лагерь и начали собирать добро, продолжая начатый по дороге разговор.

– Как ты думаешь, когда его ковали? – спросил Конан, снимая кольчугу и убирая ее в дорожный мешок, поверх кое-каких припасов, чистой рубашки, кремней и старой глиняной бутыли в веревочной оплетке, в которой плескались остатки пальмового вина, захваченной из Нумалии.

– Очень давно, – подумав, отозвался Эрхард. – Может, во времена Валузии… Но кто мог его сделать – не знаю… – десятник покачал головой и посмотрел на свой отряд, только сейчас показавшийся из-за деревьев и явно не торопящийся. – Шевелитесь, отродья Нергала!

А то вернемся – всех заставлю чистить выгребные ямы!

Угроза не возымела особого действия, хотя десяток и чуть прибавил шагу.

Спустя некоторое время с холма цепочкой спустились одиннадцать всадников и скрылись в густом, мрачном и неприветливом лесу.

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой число оборотней значительно уменьшается, а количество загадок растет…

Как и говорил пленный оборотень, лиг через пять узенькая, еле различимая среди густой травы кабанья тропка уперлась в высокий и почти непроходимый древесный завал. Протащить лошадей через многочисленные поваленные деревья, оплетенные на редкость колючим кустарником, было просто невозможно. Прямо за буреломом над лесом возвышался мрачно выглядевший холм, заросший старыми покосившимися елями. Над ним, еле различимая глазом, уходила в голубое небо тоненькая струйка дыма – похоже, кто-то неумело разжигал на холме костер.

Десяток охотников на оборотней спешился и стреножил лошадей. Кони сначала недовольно пофыркивали, чувствуя незнакомые пугающие запахи, а затем принялись пощипывать высокую, до колен, траву. Люди же начали готовиться к вылазке в самое логово своего загадочного и страшного врага.

Конан вынул из дорожного мешка кольчугу и натянул поверх куртки. Пусть врагов еще не видно, но вдруг какому-нибудь не в меру любопытному оборотню захочется узнать, что за медведь в человеческом образе трещит сучьями да громко и грубо ругается на весь лес. Воровато оглянувшись, варвар достал из мешка полупустую бутылку, выдернул затычку и сделал хороший глоток пальмового вина.

Тем временем стражники ожесточенно спорили, кому оставаться сторожем при лошадях. Крайним, к его глубочайшему сожалению, оказался Ранн. Он долго и изобретательно ругался до тех пор, пока Эрхард не отвесил ему хорошую затрещину, добавив при этом, что если одна нахально ухмыляющаяся варварская рожа желает повоевать с оборотнями, то может сразу, вопя во всю глотку, бежать через заросли, но только пусть подождет, пока все остальные отойдут на безопасное расстояние. Ранн что-то проворчал насчет вечной обделенности жителей полуночных стран, попытался обратиться за поддержкой к Конану, не преуспел, и демонстративно, ни на кого ни глядя, отошел к коням и уселся под огромной елью, пропав под ее разлапистыми ветками.

Остальные еще как следует проверили оружие, кое-кто, слегка поколебавшись, вслед за Конаном натянул кольчугу. Веллан, непривычно серьезный, достал броню, взвесил на руке, поглядел в раздумье и снова затолкал обратно в мешок. Потом, избегая удивленных взглядов товарищей, занял свое место в цепочке между Илмайненом и замыкающим варваром.

– Ну, ребята, с нами Митра… – негромко проговорил Эрхард. – Постарайтесь не трещать сучьями, не толкаться и не ругаться. Понимаю, что последнее выполнить очень трудно, но вы однако попробуйте… Идем друг за другом очень медленно и осторожно, – после этого напутствия десятник перешагнул через поваленную, уже слегка подгнившую сосну, и, раздвигая руками кустарник, начал углубляться в завал.

– Эрхард, постой, – тихонько окликнул его Конан.

– Чего тебе? – раздраженно зашипел тот, гневно поглядывая то на не вовремя сунувшегося под руку варвара, то вперед.

– Мне частенько приходилось прокрадываться мимо всяких не совсем обычных сторожей, а потому позволь мне и… – киммериец задумчиво осмотрел замерший отряд, – да,

пожалуй, Эмерту пойти первыми.

Сероглазый боссонец покинул свое место в цепочке и подошел к командиру.

– Тебе приходилось бывать в вылазках против пиктов? – осведомился Конан. Эмерт кивнул и кратко отозвался:

– Да, мне известно умение не быть услышанным.

– Или увиденным, – вполголоса добавил варвар и повернулся к десятнику:

– Следуйте за нами шагах в двухстах. Вперед.

После этих слов двое неслышными тенями скользнули в бурелом.

– Ишь ты! – восхитился Хальмун. – А таким медведем прикидывался!

– Я бы попросил тебя заткнуться, – вежливо тронул ванира за плечо Вальсо. – И смотреть прямо, желательно себе под ноги.

– Хорошо, хорошо, – раздраженно откликнулся одноглазый и уставился на носки своих сапог.

Конан и Эмерт осторожно ступали по старым высохшим сучьям. Несмотря на все старания, под ногами то и дело раздавался хруст. Похоже, бурелом имел не совсем естественное происхождение. Конечно, тут было множество стволов, поваленных сильными зимними ветрами, но поверх них во множестве валялись сухие ветки, явно набросанные руками человека. Или лапами оборотня…

Мрачный еловый лес вокруг молчал, не пели птицы, не трещали насекомые, лишь где-то далеко позади еле слышно провыл волк. Быстро темнело, справа, сквозь торчащие сучья деревьев Конан порой видел багровую полосу неба и закатную корону солнца. Невольно отвлекшись на это зрелище, киммериец на миг потерял внимание и, споткнувшись о заросший мхом ствол, полетел вперед, прямиком на острые, торчащие в разные стороны обломки сухих веток, уже слыша жуткий треск, который раздастся после его приземления.

Однако ничего не произошло. Эмерт успел крепко вцепиться в пояс шедшего впереди варвара и, хрипя напряжения, не дал тому рухнуть. Выпрямившись, Конан кивком поблагодарил боссонца, на что тот пренебрежительно повел плечами – мол, на моем месте ты поступил так же.

Бурелом внезапно кончился. Казалось, что идти еще шагов двести, но, обогнув очередной завал – вполне проходимый, только очень хрустящий – лазутчики оказались среди обычных деревьев, за которыми скрывалась поляна, упиравшаяся в большой черный провал – вход в пещеру. Долгожданный и недосягаемый холм был перед ними.

Обойдя поляну, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху, двое людей не встретили ни единой живой души. Похоже, оборотни твердо верили в неприступность своего жилища и даже не выставили никакой охраны. Не говоря о том, чтобы побеспокоиться о судьбе двух сородичей, не вернувшихся после налета на караван…

Конан вскоре отыскал прекрасное место для наблюдения, откуда просматривался вход в пещеру – слева поляна плавно переходила в заросший кустами склон холма, и как раз на нем и расположился киммериец, послав Эмерта за остальными.

Разведчики не встретили никого в окрестностях, однако сама поляна не пустовала – прямо перед черным зевом подземелья двое оборотней разводили костер. Получалось это у них плохо, и они то и дело скалились и рычали друг на друга. Еще несколько оборотней выбрались из пещеры и разлеглись на траве, греясь на солнце, как обычные лесные звери.

Спустя некоторое время подошел и весь десяток, осторожно размещаясь в укрытиях по отрогу и готовя оружие к бою. Оборотни внизу наконец справились со своей задачей,

удовлетворенно покружили вокруг разгорающегося пламени и побежали докладывать старшему – иссиня-черному крупному существу, сидевшему отдельно от всех. Тот выслушал их, совершенно по-человечески кивнул уродливой мордой, а затем, повернувшись к пещере, коротко провыл какое-то приказание.

Оборотни, бездельничавшие на поляне, начали подниматься и рассаживаться на бревнах вокруг костра. Из пещеры в холме начали выводить пленников-людей. У несчастных уже не было сил бояться, и они просто тяжело дышали и оглядывали скалящихся оборотней, подталкивавших их в спины.

Конану казалось, что сейчас будет производиться какая-то церемония, скорее всего, жертвоприношение. Вроде бы все было готово – жертвы есть, зрители тоже собрались, однако старший полузверь все так же неподвижно сидел на своем месте, а остальные терпеливо ожидали.

«А, – понял варвар. – Ждут тех двоих. Не дождутся!»

Видимо, старший тоже так решил, потому как недовольно заворчал и махнул лапой. После его приказа оборотни оживились, повскакав со своих мест и бросившись к пленникам. Люди завизжали от ужаса, попытались бежать, но, по-прежнему скованные единой цепью, запутались в ней и попадали на землю.

Каждый из оборотней выбрал себе по одному рабу или рабыне, освободив их от цепей. Двое людей остались свободными.

Иссиня-черный вожак подошел к ним, волоча следом потерявшую сознание рабыню за воротник свободной рубашки, поглядел с легким сочувствием и брезгливостью на съежившихся людей и взмахнул лапой. Всходящая над лесом луна мрачно блеснула на длинных кривых когтях. Человек схватился за разорванное горло, и, обливаясь кровью, тяжело рухнул набок, в траву. Второй отчаянно закричал, подняв руки и закрывая ими шею и лицо. Оборотни хрипло захохотали, а черный молниеносным движением полоснул человека по животу. Крик перешел в судорожный хрип, пленник согнулся, пытаясь удержать вываливающиеся внутренности, но тщетно – скользкие от крови руки бессильно разжались, следом за ними подогнулись и ноги… Самое ужасное, что парень, лежавший на собственных кишках, был еще жив, но не кричал, а лишь часто и тяжело дышал…

Вожак стаи даже не посмотрел в его сторону, брезгливо вытерев когти о грубую льняную ткань рубашки своей рабыни, и встал вместе с остальными в круг возле костра. На этот раз оборотни не сидела, а стояли, ограждаясь телами пленников от веселого рыжего пламени, и время от времени поглядывая на ночное небо.

«Полнолуния, что ли ждут, ублюдки?» – подумал Конан, осторожно передвигаясь чуть вперед. Киммерийцу сильно не нравилось все происходящее. Не то чтобы его поколебало двойное убийство – нет, это вещь вполне обыденная, и к нему варвар отнесся совершенно равнодушно. Ему самому приходилось убивать за раз и побольше, притом гораздо более ужасными способами, чем вульгарное перерезание горла (пускай и пятью «кинжалами» сразу), или вспарывание живота. Не по душе Конану были зловещие приготовления у костра – от них за лигу несло черной магией и демонами. Хотя оборотни – они ведь тоже демоны и порождения темного колдовства. Странно они сегодня утром умирали… Ну, с первым вроде все понятно – его убила магия меча, второго же прикончили обыкновеннейшие боссонские стрелы и кровь у него была красная, как у человека… Много, очень много непонятного в этом деле… Почему, например, Веллан не стал надевать кольчугу?

От таких вопросов без ответов голова киммерийца просто раскалывалась. Внизу

оборотни по прежнему стояли вокруг костра, сжимая в лапах, как в железных тисках, время от времени теряющих сознание пленников. Оглядевшись, Конан увидел, что Веллан находится дальше всех от него и решил расспросить его кое о чем после боя. А в том, что бой будет, варвар не сомневался. Надо только выждать момент, когда твари увлекутся своим проклятым ритуалом и наброситься на них.

Конан решительно отогнал от себя все посторонние мысли и начал сосредоачиваться на предстоящей драке. Ему не мешали ни плач невольников, ни покряхтывание и еле слышные перешептывания залежавшихся воинов.

Наконец, ночь достигла своего пика. Бледно-желтый глаз полной луны освещал призрачным светом черные фигуры оборотней, отбрасывающих причудливые тени. Над головой Конана беззвучно проплыла, ухнув, сова, прошелестела крыльями тонко пищащая стайка летучих мышей. Ветер стих и в наступившей тишине было слышно, как потрескивают поленья в ярко пылавшем костре оборотней.

Вожак шайки взглянул на ночное небо и удовлетворенно кивнул головой в такт своим мыслям. Затем поднял с земли небольшой мешочек, развязал и рывком высыпал содержимое в огонь. Пламя заревело, взметнувшись аж до вершин самых высоких сосен и…

Оборотни согласно выкрикнули нечто непонятное, звучавшее для человеческого уха как «Рарг верзег грухв» и толкнули своих пленников в бушующий костер. Вопль ужаса перешел в крики боли и быстро оборвался. Магическое пламя сорвало и развеяло по ветру слабую плоть и превратило в прах кости.

Иссиня-черный начал произносить отрывистые слова заклятия, и пламенный столб раскрылся, словно венчик цветка. Каждый пылающий багрово-алым светом наклонившийся вниз лепесток достался одному из оборотней, только главарь со своей потерявшей сознание пленницей стоял поодаль, продолжая колдовать.

Оборотни взялись за лапы и теперь сверху все это напоминало огромное колесо с центром в виде костра, магические лепестки стали ступицами, а кольцо оборотней составило обод. Колдовская мощь ощутимыми жаркими волнами накатывалась на тварей и они крепли прямо на глазах. Казалось, они впитывают жизненную силу погибших рабов… да так оно, наверное, и было.

Конан понял – настал решающий момент. Все оборотни, кроме вожака, были беззащитны – подходи и бери голыми руками, только не обожгись… Варвар осторожно потянул меч из ножен. Клинок ярко светился, испуская прямо волны бело-синего холодного огня. Киммериец накрыл его ножнами, пожалев, что не догадался прихватить с собой плащ. Клинок был горячим на ощупь и слегка подрагивал. От прикосновения к мечу у Конана появилось странное ощущение, будто он уже видел все происходящее, только позабыл, когда и где. Особенно ярко перед ним промелькнул образ молодого парня и одно непонятное слово, сияющее голубоватым светом…

Повинуясь внезапному чувству, Конан пошарил рядом с собой, нащупал первый попавшийся камешек величиной с куриное яйцо, и, откинув ножны, приложил его к мечу, пробормотав неизвестно откуда взявшееся в памяти слово – «элеверн». Клинок ослепительно полыхнул, оборотень внизу, не прекращая выкрикивать заклятья, медленно повернул голову, привлеченный вспышкой яркого света.

Его глаза внезапно расширились и стали походить на две перезрелые клубничины (благо для полного сходства зрачки горели просто демоническим огнем), когда на склоне холма поднялась высокая человеческая фигура со сверкающей звездой в правой руке, и, широко

размахнувшись, запустила эту крохотную звезду в центр магического костра. Оборотню показалось, что время остановилось, а земля уходит из-под ног. Сияющий огонек, разгораясь все ярче и ярче, по высокой дуге медленно опускался в бушующий огонь…

Вожак оборвал заклинания, оттолкнул мешком упавшую пленницу и пронзительно завыл:

– Не-е-ет!

Но помочь сородичам, накрепко связанным колдовским огненным кругом, он уже не мог.

Для Конана время не тянулось. Он бросил камень, подчиняясь все тому же наитию, и с удивлением увидел, что поначалу вроде ничего не произошло. Сверкающий, как алмаз чистейшей воды, обломок скалы просто растворился в кровавом пламени – во всяком случае, именно так показалось варвару. Но потом…

Из центра костра, сменяя алый, хлынул бело-синеватый огонь. Он достиг оборотней и пронзительный рев боли, исторгнутый двадцатью глотками, показал довольному киммерийцу, что его лучшие предположения оправдались. Подняв с земли меч (теперь варвар мог поклясться, что загадочное оружие сияет радостно) и оперевшись на него, Конан смотрел, как белый огонь, усиливаясь, пожирает оборотней, так же как их проклятое пламя недавно пожирало несчастных бритунийцев. Резко полыхнуло ослепительно-белым, и многоголосый вой стих, а на месте двух десятков жутких ночных тварей оставались только кучки белесого пепла. Костер мгновенно потух, оставшийся в живых вожак попятился назад, споткнулся о лежавшее у него под ногами полено и упал.

– Возьмем его живым! – заорал Конан и прыжками понесся вниз. Увлеченные его боевым задором, вслед варвару побежали братья-гандеры и Илмайнен. Остальные из отряда начали осторожно спускаться следом.

* * *

Иссиня-черный вожак испепеленной стаи поднялся на ноги и глухо зарычал. Сбежавший с холма варвар остановился шагах в пяти от него и подозрительно уставился на порожденную темным колдовством тварь. Мускулы у оборотня имелись – под густой короткой шерстью словно перекатывались стальные шары; из полуоткрытой пасти между желтоватыми клыками, которым позавидовал бы любой волк, тряпкой свисал ярко-красный мокрый язык, с него капала пена; в выпуклых черных глазах застыла боль.

– Ну, кто первый? Ты, киммерийский пес? – довольно внятно проговорил оборотень, расправив плечи и сжав-разжав кулаки.

Конан атаковал, нанеся два быстрых удара крест-накрест, однако оборотень стремительно увернулся, сделал кувырок вперед и оказался под ногами у варвара. Конан попытался пнуть его по морде, но промахнулся, а существо, ухватив противника за щиколотку и без особого усилия раскрутив массивное тело над головой, зашвырнуло варвара в заросли ежевики. Обалдевший от такой неожиданности киммериец полетел, как камень из пращи, оставляя за собой приличных размеров просеку в колючих кустах, и врезался головой точно в старый пень, жалобно заскрипевший от подобного обращения и тут же

развалившийся. Ободрав лицо и руки, порвав штаны (почти новые!..), варвар крепко приложился лбом и едва слышно ругнулся. Перед глазами сначала поплыла вереница разноцветных пятен, а затем все померкло и на некоторое время окружающее совершенно перестало интересовать Конана. Чего, собственно, и добивался оборотень…

Пока киммериец, обхватив руками трещавшую голову, приходил в себя, Илмайнен, обогнав гандеров, набросился на спокойно стоявшее и точно поджидавшее человека жуткое черное существо. Гипербореец нанес удар, но недостаточно быстро и верно, лесной убийца молниеносным движением перехватил запястье с длинным узким клинком, а другой лапой схватил Илмайнена за горло. Человек попытался вырваться, но не смог даже пошевелиться – лапы у вожака были как стальные тиски.

– Вот и попался! – торжествующе ухмыляясь, оборотень сжал запястье гиперборейца так, что захрустели кости и меч выпал из непроизвольно разжавшихся пальцев. – Помнишь нашу встречу в Похьеле?

Лицо Илмайнена побледнело и покрылось капельками пота, но в мужестве ему отказать было нельзя. Братья-гандеры только добежали до края поляны, Конан, как вендийский божок, покачивался, сидя на корточках и безуспешно пытаясь встать, и гипербореец понял, что живым ему не уйти. Скривившись, он плюнул оборотню в морду:

– Жаль, я не достал тебя тогда!..

– Конечно, – согласился оборотень, отпуская горло человека и вытираясь. – Видно, это судьба… Прощай!

Вожак глухо рыкнул и ударил растопыренными когтями в грудь Илмайнена. Прошив кольчугу, лапа погрузилась в человеческую плоть и нащупала судорожно бьющийся комочек сердца. Гипербореец пронзительно закричал. Это был крик не человека, но любого живого существа, лишаемого самого дорого сокровища на свете – жизни…

Издав победный рев, черный полузверь вырвал лапу из раны. Тело Илмайнена обмякло, повалившись под ноги убийце, а тот вскинул лапу с блестевшими в свете луны когтями над головой и коротко взвыл. Кусочек мяса, истекающий тяжелыми каплями крови, несколько раз конвульсивно дернулся и затих. Оборотень, покосившись на замерших на краю поляны гандеров, вцепился клыками в то, что совсем недавно было человеческим сердцем, дернул головой, глотая, а затем с издевкой бросил:

– Ну, подходите, братцы, мне нужны только ваши сердца!

Гарт шепотом выругался и начал обходить оборотня справа по кругу, держа мечи перед собой, Гильом же двинулся наоборот – слева.

Наконец-то очухавшийся Конан поднялся на ноги и с неразборчивым яростным воплем бросился на оборотня с тыла.

Лесная тварь только усмехнулась и проворно метнулась вправо, одновременно успев подставить варвару ногу и слегка подтолкнуть его с спину. Киммериец с размаху пробороздил носом землю, в голове опять все поплыло…

Гандеры, не сговариваясь, бросились в атаку, но и им повезло не больше. Гарт получил чувствительный пинок в пах, выронил мечи, согнулся пополам и, постанывая, побрел куда-то, а Гильом после удара локтем в живот (не помогла и кольчуга…) и кулаком в лицо отправился по проторенной варваром дорожке прямиком в заросли ежевики.

Обезвредив братьев, оборотень неторопливо подошел к лежащему на траве и все еще плохо соображавшему киммерийцу, пнул его в бок, заставив поднять голову и оглянуться, и с наигранным сожалением произнес:

– Вот так для тебя все и закончилось…

Занесенные для удара когти окутало красноватое сияние, но опуститься лапа не успела. Ночной воздух со свистом распорола длинная тяжелая стрела, оборотень взывал и поглядел на свое пробитое предплечье.

– Узнаю… Эмерт, боссонский ублюдок, и ты здесь? Ну, какими еще старыми знакомыми порадует меня судьба?

Оставив Конана валяться на вытоптанной земле, черный вожак поднялся, со вздохом сожаления выдернул окровавленное древко и вгляделся в темноту.

– Ого, рыжая сволочь тоже пожаловала сюда! И ты, Вальсо, – последнее имя он произнес с нескрываемым отвращением.

Худощавый зингарец побледнел и крепче сжал рукоять своей изогнутой сабли.

– И неразлучные дядя с племянничком забежали на огонек! – издевательским тоном продолжал оборотень. – Одного не понимаю – что в этом сборище делает проклятое варварское отродье? – он пнул в живот поднимающегося киммерийца, но тот лишь скрипнул зубами и упрямо встал на ноги. – Молодец, терпи, – похвалил его оборотень и обернулся к окружившему поляну десятку. – Может, сразимся по древнему обычаю? Или у вас кишка тонка?

Вальсо было дернулся, но Эрхард придержал его за плечо, отрицательно покачав головой.

– Трусы! – залаял оборотень, поворачиваясь то к одному, то к другому. – Давайте, убейте меня! Вас девять, а я один, вы, конечно, победите, так что чего ждать?!

Тем временем Конан, мотая головой как оглушенный бык на боях в Зингаре и нетвердо ступая, подошел к Эрхарду.

– А, вот и варвар ожил! – насмешливо приветствовал его оборотень. – Ты хоть догадываешься, кто стоит рядом с тобой, с кем ты делишь пищу и место у костра? Нет? Так я тебе сейчас раскрою глаза!

Голова у варвара раскалывалась, но полученные во время боя обрывки сведений, намеков и подозрений начали постепенно складываться в такое, чему Конан просто не хотел верить.

– На что это ты мне раскроешь глаза, демон? – буркнул киммериец, потирая все еще гудевший лоб.

– Демон… – всей пастью усмехнулся оборотень. – Да я такой же демон, как ты! Мы – тоже люди, но немного другие… Эрхард мог бы поведать тебе гораздо больше, чем я. Правда, Эрхард?

Десятник, старательно избегая смотреть оборотню в глаза, пробормотал что-то насчет колдовских штучек. Звучало, скажем прямо, не убедительно.

– А может, – продолжал издеваться оборотень. – Вы все покажете вашему приятелю-варвару…

Закончить он не успел. Стоявший в стороне Эмерт рывком поднял натянутый лук и спустил тетиву. Стрела прошила горло оборотня и он подавился словами пополам с кровью. Захлебываясь, булькая и хрипя, черный полузверь сумел выдавить:

– Будьте вы… все… прокляты…

Еще одна стрела глубоко вонзилась ему в глаз, опрокинув на спину, а когда Конан подбежал к дергающемуся оборотню, в надежде услышать еще что-нибудь, вожак погибшей стаи уже перестал дышать и смотрел остекленелыми глазами в черное ночное небо.

Обернувшись к безмолвному и невозмутимому Эмерту, варвар зло выкрикнул:

– Зачем? Зачем ты это сделал? Ты не хотел, чтобы он говорил, а я что-то узнал, так?

– Успокойся, – тихо и твердо сказал Эрхард. – Мы не скрываем никаких ужасных тайн. Придет время, и ты все узнаешь…

– Говори сейчас же! – потребовал киммериец, но тщетно – Эрхард молчал. Его отряд стоял вокруг, упорно разглядывая кто носки своих сапог, кто звезды, кто раскачивающиеся кусты ежевики, откуда на четвереньках вылезал ругающийся и исцарапанный Гильом.

– Ну тогда я сам скажу! – решительно заявил Конан, убедившись, что никто не собирается раскрывать рта. – Вы все – оборотни!

Как ни странно, после его слов Эрхард с облегчением вздохнул, а Веллан откровенно рассмеялся. Удивленный варвар оглядывал повеселевших воинов, не понимая, чего теперь ждать.

– Как тебе вообще такое пришло в голову? – мягко кладя руку на плечо киммерийца, спросил десятник. Несколько сбитый с толку Конан начал растерянно мямлить:

– Ну… Он предложил вам сражаться по древнему обычаю… Знал ваши имена… Называл старыми знакомыми…

– Конечно, он знал нас, – не выдержал и перебил Веллан. – Ведь мы – охотники за оборотнями! Каждый из нас в своей стране возглавляет отряд, я – в Бритуни, Гильом – в Гандерланде, Эрхард – здесь, в Пограничье… А этот тип, – он кивнул на тело оборотня, – знаком нам уже давно. Этот старый убийца не дает, то есть не давал покоя многим землям.

– Послушай, – видя колебания варвара, добавил Эрхард. – У тебя же есть меч, не выносящий присутствия оборотней! Посмотри на него, он разве светится?

– Нет, холодный как лед, – для верности потрогав оружие, признал Конан, уже не так сильно убежденный в своих предположениях.

– Вот, – тоном наставника, объясняющего самые простые вещи нерадивому ученику, продолжил десятник. – А как он сиял, когда оборотни находились даже довольно далеко от нас? И вообще, – Эрхард решительно протянул руку и положил ладонь на лезвие. – Мне ничего не сделалось, а что произошло с той тварью у тракта? А тайну мы храним, потому что негоже кому попало знать о нашем братстве. Мы берем к себе только десять раз проверенных людей… Ну что, развеяли мы твои подозрения?

Хотя все было рассказано очень гладко и выглядело более чем правдоподобно, в душе у Конана осталось впечатление каких-то несообразностей, почти погребенное убедительными речами Эрхарда и Веллана. Поэтому после краткого размышления варвар буркнул «Я верю вам» и протянул десятнику руку.

– Я рад, что оборотню не удалось опутать тебя паутиной своей лжи, – несколько торжественно произнес Эрхард, отвечая на рукопожатие. – А теперь надо похоронить беднягу Илмайнена. Ну и оборотня мы тоже похороним, в конце концов, старых врагов надо уважать и после смерти.

– Сжечь, – предложил Конан. – Так гиперборeец быстрее вознесется на свои небеса, а оборотень не сможет воскреснуть, – и добавил как бы себе под нос. – Хотя очень странно, что эти твари гибнут от простого оружия, как люди.

Эрхард расслышал бормотание варвара и, послав остальных собирать топливо для погребального костра, обратился к киммерийцу:

– Напомни мне сегодня на привале рассказать тебе все, что я знаю об оборотнях и их магии.

– Напомню, – кивнул Конан.

Вскоре перед пещерой оборотней выросла большая куча хвороста, поверх которой положили тела Илмайнена и погибшего вожака стаи, а также трупы двух рабов и женщины-бритунийки, той, которую выбрал для себя черный полузверь. Женщина не была ранена, похоже, она умерла от испытанного страха.

Хальмун слазал в подземелье, однако не нашел там ничего интересного. Кое-какая одежда, как местная, так и бритунийская, еда, оружие. Ничего ценного – ни денег, ни драгоценностей, только в самом углу валялась кожаная сумка, набитая каким-то бумагами. Так как ванир не умел читать, он просто захватил сумку с собой и вручил Эрхарду. Десятник, увидев, что притащил рыжебородый, просто выхватил бумаги из его волосатых лап, и, пробежав глазами несколько писем, радостно воскликнул:

– Эй, нам повезло! Тут приказы и распоряжения местного главаря к этой шайке! Потом разберусь получше, может, в них есть какой-нибудь след, – он бережно сложил листы пергамента обратно и отдал Эртелю: – Береги как зеницу ока, обормот!

– Конечно, дядя, – недовольно отозвался обиженный Эртель. – Ты же знаешь – на меня можно положиться.

– Смотри мне, – пригрозил на всякий случай десятник и направился к догорающему костру.

Через некоторое время отряд направился через темный ночной лес обратно, к бурелому, где ждал изнывающий от нетерпения и неизвестности Ранн.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой доблестных защитников Пограничья пытаются насадить на вилы

После десятидневного путешествия по местам былых убийств боевой пыл отряда из Пограничья изрядно снизился. В сумке, найденной в пещере оборотней, никаких особо ценных сведений не оказалось. Письма по большей части содержали ответы на сообщения о проделанных налетах, похвалы и тому подобное. Имя главного оборотня, если таковой существовал, нигде не упоминалось. С помощью карты с указанием мест и дней нападений Эрхард и Конан определили (сравнив ее со своим планом), сколько примерно шаек оборотней орудует в Пограничье. Оказалось, еще три.

Кое-что в письмах указывало на то, что приказы рассылались из полуночных земель Бритунии и на то, что в Пайрогии существует какая-то поддержка. Письма часто на нее ссылались, но нигде не было сказано толком, что это такое. Возможно, просиди десяток возле пещеры пару месяцев, им бы попался какой-нибудь гонец, но эта возможность была настолько призрачной, что на нее не стоило и зариться.

Так же не оправдались и надежды Конана найти свидетелей нападений оборотней. Крестьяне только тряслись и бормотали:

– Н-нет, м-мой господин… М-мы н-ничего не в-видели и н-не слышали…

И так везде. Иногда варвару хотелось достать меч и порубить этих жалких людишек на мелкие кусочки, настолько сильное отвращение своей трусостью они вызывали.

Попытка еще раз угадать место нападения ни к чему не привела. Лесные твари перестали быть предсказуемыми, однако остались такими же жестокими. Они уничтожали всех без разбора, то там, то тут…

Встреченный отрядом королевский конный гонец, попросивший напиться, шумно глотал свежую воду из бурдюка, а потом рассказал, что к королю приходили вожди закатных кланов, требуя усмирить разбойников и убийц. Дамалл на это довольно резко ответил – раз они всегда утверждали, что сами по себе, пусть теперь и спасаются своими силами, а у него воинов и так не хватает…

На исходе одиннадцатого дня на место стоянки прибежал перепуганный лесничий и сообщил, что в двух лигах за лесом нынешним утром оборотни напали на деревушку Грейзи, вырезав пять или шесть семей. Эрхард предложил не откладывать дела в долгий ящик, а немедля отправиться туда и попробовать догнать стаю по горячим следам. Конан, которому Пограничное королевство уже осточертело до смерти, со вздохом согласился, решив, что ежели в этой деревушке не сыщется самой тоненькой ниточки, могущей привести к большому змеиному гнезду (точнее, волчьей норе), он плюнет на все и немедленно уедет в Аквилонию. Или в Немедию, к старому приятелю Мораддину, ныне служившему в Тайной Страже Нимеда. Мораддин давно звал в гости…

Погода опять испортилась и узкая лесная тропинка, ведущая в Грейзи, раскисла и заплыла грязью. Кони с трудом переставляли ноги, утопающие в густой вязкой жиже, а их седоки то и дело ругались сквозь зубы. Плащи из плотной ткани не могли полностью защитить от хлещущих с затянутого темно-серыми тучами всепроникающих струй холодного дождя. Весь отряд промок насквозь, что отнюдь не служило поднятию бодрости. Дождь шел

с самого утра, то мелко морося, то начиная литься таким потоком, что казалось – где-то в небе провертели дырку, напрямую соединяющуюся с Западным океаном, и вскоре все Пограничье превратится в одну большую, глубокую и невероятно грязную лужу.

Киммериец, несмотря на свое железное здоровье, под постоянным ливнем начинал чувствовать себя неважно. Громогласно чихнув пару раз, он стукнул пятками недовольно фыркнувшую лошадь и поравнялся с Эрхардом.

– Долго нам еще вымачиваться? – мрачно поинтересовался варвар.

– Четверть лиги, не больше, – обнадеживающе отозвался десятник. Горестно покачав головой, Конан придержал коня, оказавшись рядом с угрюмо сгорбившимся в седле Велланом. Длинные светлые волосы бритунийца намокли и жидкими прядками прилипли ко лбу и щекам, с прямого носа капала вода, бессмысленный взгляд уперся в спину едущего впереди Эртеля.

– Эй, Веллан, – вполголоса окликнул Конан.

Парень встрепенулся и покосился на киммерийца. В обычно насмешливых синих глазах была печаль и тоска, вызванные отнюдь не долгой изматывающей поездкой под проливным дождем. И где-то на самой их глубине плескался тщательно скрываемый страх. Чего он боится?..

– Слушай, после того боя у пещеры ты так и не сказал, почему спрятал кольчугу, – начал Конан. – Конечно, это дело твое, но мне не дает покоя…

– Ладно, – подумав, решительно кивнул Веллан. – Подъезжай поближе, я расскажу…

Заинтересовавшийся возможностью разгадать хоть одну из многочисленных загадок киммериец пнул своего скакуна каблуками и слегка шлепнул поводьями по шее. Тихо-мирно плетущийся по грязи каурый мерин, не ожидавший от хозяина подобной выходки, рассержено мотнул головой и скакнул влево, с силой ударив в бок коня Веллана. Тот всхрапнул, шарахнулся в сторону, его копыта заскользили по грязи, и, пытаясь сохранить равновесие, отчаянно взбрыкнул…

С пронзительным воплем: – Конан, мать твою! – светловолосый бритуниец вылетел из седла, в точности как бродяга, отказавшийся платить за пиво – за дверь «Короны и посоха».

Киммериец завороженно проследил за его полетом и озадаченно поскреб в затылке. Бедняга Веллан с громким хлюпаньем приземлился в жидкую грязь, и, оставляя позади широкий след, проехался по ней десяток шагов.

Когда он с трудом поднялся, дружный хохот едва не сбил его с ноги не отправил обратно. Эртель, судорожно вцепившийся в холку своего некогда молочно-белого, а теперь серого в коричневых яблоках жеребца, задыхаясь и всхлипывая, выдавил:

– Велл, плюхнись еще спиной и погрейся на солнышке… Получится готовенький ходячий памятник в твою честь…

Бритуниец, зло отплевываясь и шипя, как разъяренный кот, попытался ладонями протереть лицо, но только сильнее испачкался. Впрочем, ливень быстро смыл с него часть грязи, стоило Веллану поднять голову. Бормоча невразумительные проклятия, охранник взобрался в седло, и Конан понял – сейчас лучше не приставать к нему с вопросами.

* * *

Наконец, десяток прибыл в деревню Грейзи, приткнувшуюся на опушке хмурого и мокрого соснового леса. Она казалась вымершей – даже собаки не вылезли из своих будок, чтобы как следует облаять незваных гостей. Естественно, в такой глуши и речи быть не могло о каком-нибудь постоялом дворе или трактире…

Эрхард подъехал к воротам первого попавшегося на глаза дома – добротной бревенчатой избе с покатой крышей, крытой дранкой и еловым лапником. На громкий стук долгое время никто не отзывался, только из своей будки пару раз лениво гавкнул пес, огромный серый волкодав. Наконец, дверь дома медленно приоткрылась и на пороге, держа в руке тусклый фонарь, появился низенький крепкий мужичонка, кутающийся в драный овчинный тулуп.

– Кого Нергал принес в эдакую погоду? – громко проорал он, тщетно вглядываясь в наступающую дождливую темень. За криком крестьянин явно пытался скрыть свой страх.

– Королевская стража! – крикнул в ответ Эрхард. – Открывай ворота!

Но хозяин дома по-прежнему мялся у дверей, пытаясь разогнать тьму огоньком еле теплящейся в фонаре свечи.

– Почем мне знать, что вы не грабители или чудовища? – наконец выдавил он и попятился, собираясь скрыться в доме.

– Болван! – вышел из себя десятник. – Грабитель давно уже вогнал бы тебе стрелу в горло! Отпирай ворота!

– Не-е, – решительно замотал головой крестьянин. – Обождите до утра. Вот рассветет и поглядим, кто вы есть такие…

– Эмерт, пристрели этого ублюдка! – взвыл Эрхард, но негостеприимный тип, не дожидаясь исполнения приказа, юркнул обратно в дом, ногой захлопнув за собой дверь. Эмерт пожал плечами, опустил уже вскинутый было лук и убрал стрелу в колчан. Десятник тихо ругался сквозь зубы, с ненавистью поглядывая на запертые ворота и частокол в полтора человеческих роста. В остро отточенные концы кольев были набиты длинные гвозди, и не исключено, что по другую сторону забора нарыты волчьи ямы, расставлены капканы или разложены доски с теми же гвоздями…

– Кажется, где-то неподалеку должна протекать речка, – пробормотал Веллан, слезая с лошади. Дождь, конечно, частично смыл покрывавшую его грязь, но чистюле бритунийцу этого было недостаточно. – Схожу помоюсь.

Проводив взглядом быстро исчезнувшую в темноте фигуру, Эрхард оглядел своих воинов. На всех лицах явственно читалось полнейшее нежелание мокнуть дальше и вместе с тем боязнь того, что десятник сейчас пошлет их заниматься скалолазанием. Лишь Конан выглядел спокойным и поглядывал на забор с легким презрением. В юности киммериец без труда взбирался по отвесным скалам в два-три раза выше этого жалкого подобия ограды, и, по его мнению, не преодолеть такую загородку не мог только ленивый или очень толстый…

Пристальный взгляд Эрхарда уперся в варвара.

«Конечно, как куда лезть, так сразу киммерийца зовут… – подумал Конан. – Собственно, почему бы Ранну не слазить, он все-таки моложе! Ладно, сейчас покажем, как это делается…»

Конан спрыгнул с коня и выругался, когда в его сапоги хлынула холодная жижа. Он подошел к частоколу, стянул с ног сапоги, закатал штаны до колен, затем снял кольчугу и пояс с кинжалами. Меч остался висеть на перевязи за спиной. Варвар вылил грязь из обуви и протянул ее вместе с остальными вещами стоявшему рядом Эрхарду:

– Сохрани их для меня.

Десятник молча повесил на шею своего коня кольчугу и пояс, а сапоги брезгливо взял за голенища левой рукой и отставил подальше от себя.

– Ну и вонь, – с отвращением удивился он.

– Свои понюхай, – буркнул киммериец, подводя мерина к забору.

Отряд с интересом следил за тем, как варвар осторожно встал на седло и попытался разглядеть, что находится по другую сторону забора. Какие-то кустики, сарай… А, наплевать!

Конан махнул рукой и, вытащив меч, одним ударом снес две острые вершины, а затем, взявшись за соседние колья, легко подтянулся и встал на подготовленное место. Еще раз оглядевшись по сторонам, он сильно оттолкнулся и спрыгнул во двор.

Пролетев по дуге, варвар с громким всплеском плюхнулся в грязь, радостно осознавая, что возможных ловушек он, кажется, избежал. Пес залился пронзительным лаем, однако вылезать из уютной будки под дождь не пожелал. Осторожно скрипнула дверь, но в нее тотчас со стуком вонзилась, подрагивая, длинная и тяжелая стрела, и дверь захлопнулась. Хозяин здраво решил не рисковать своей драгоценной жизнью и еще раз высовываться на свежий воздух.

Конан поднялся на ноги, не спеша подошел к воротам, оглядел массивный брус засова – даже скорее не брус, а балку – и усмехнулся, потирая грязной рукой три дня не бритое лицо.

– Скоро ты там? – донеслось из-за забора. – Уснул? Или силенок не хватает?

– Хватает, хватает, – проворчал киммериец, и, поплевав для порядка на свои лапы, крепко обхватил брус, поднапрягшись, снял его со скоб и бросил в грязь. Но это оказалось еще не все – проклятые ворота открывались внутрь и варвару пришлось оттаскивать в сторону тяжеленную створку.

– Наконец-то, – почти простонал Эрхард, когда проход во двор был открыт, и кровожадно добавил: – Ну, сейчас я этого ублюдка…

Отряд подъехал к крыльцу и спешился. Конан натянул свои сапоги, все-таки захваченные десятником, и вытащил меч из ножен, встав слева от двери. Место справа от косяка занял Ранн, а Эмерт с натянутым луком расположился прямо перед створкой. Варвар вопросительно оглядел их – мол, готовы ли? – и, получив утвердительные кивки, ударом кулака распахнул дверь, чуть не сорвав ее с петель. Ранн с азартным воплем первым рванулся в темный проем и вдруг захрипел, качнувшись назад. Ошеломленный Конан успел только подхватить оседающее тело и расслышать в глубине дома топот убегающих ног. Мимо него в коридор с рычанием бросился Хальмун, за ним ворвались гандеры и Эртель.

Киммериец осторожно усадил Ранна, прислонив к стене. Было темно, хоть глаз выколи, и варвар проорал:

– Дайте факел!

Рядом с ним кто-то нервно и часто застучал кремнем.

– Быстрее же! – поторопил Конан. Ранн, кажется, еще дышал, но все тише и тише…

Маленький крошечный язычок пламени затрепетал в горстке трута на полу, от него мгновенно зажгли лучину, и оранжевый колеблющийся огонек осветил бледное, слегка удивленное лицо Ранна и торчащий из его груди слева глубоко засевший арбалетный болт. От выстрела в упор не защитила и кольчуга – тяжелая стрела вонзилась по самое оперение, по серебристым кружевным кольцам разбегались темные струйки крови…

Где-то в дома раздались глухие удары, грохот падающей мебели, а затем

душераздирающий крик. Конан невесело усмехнулся и закрыл невидящие глаза молодого сородича. Великие боги, это же был всего-навсего любопытный мальчишка, наслушавшийся историй и решивший сунуться в незнакомый и опасный мир… Интересно, на что надеялся этот несчастный крестьянин, когда нажимал на спусковую скобу своего оружия? Теперь и он, и его семья наверняка мертвы, но Ранна-то этим не воскресишь! Что ж, он умер в бою и теперь по праву войдет в чертоги Крома… А все равно – нелепая и глупая смерть…

Позади раздался топот и Конан оглянулся. Вернулись Хальмун и компания, где-то раздобывшие пару факелов. Мечи гандеров отливали в трепещущем неверном пламени черным, а с огромной секиры ванира срывались тяжелые капли. Рыжебородый по лицу киммерийца понял все, вздохнув, подошел к телу и тряхнул секирой. Кровь оросила мертвое и ставшее спокойным лицо Ранна.

Конан дернулся и слегка растерянно спросил:

– Зачем?..

Не обращая на варвара внимания, Хальмун гулким басом печально сказал:

– Вот кровь твоих убийц. Друзья отомстили за тебя, и души тех, кто сделал это, будут вечно прислуживать тебе в доме Ледяного Гиганта…

«Да, как же! – про себя подумал киммериец. – Его душа придет к престолу Крома, хотя насчет остального все верно…»

– Я смотрю, Конан, ты преуспел в открывании чужих ворот! – раздался насмешливый голос, на пороге возник вполне довольный ночным купанием Веллан и осекся.

– Ранн, – прошептал он помертвевшими губами. – Но как?..

– Мы ворвались, а какая-то собака затаилась в темноте. Ранн шел первым и получил болт в упор. И кольчуга не помогла, – глухо ответил киммериец, поднимаясь с колен.

– Его убийца получил заслуженную кару. Тела в доме, можешь полюбоваться, – хищно оскалился Хальмун. Веллан с отвращением помотал головой – он отлично знал, какие трупы остаются после ударов ванира.

Конан направился к выходу и уже на пороге бросил через плечо:

– Не знаю, как вы, а я не хочу спать в оскверненном жилище. Предпочитаю сенной сарай.

– Да, – кивнул вошедший в дом Эрхард. – Там ночевать куда приятней, а завтра устроим Ранну достойный погребальный костер…

* * *

Конан проснулся от легкого толчка в бок, медленно выплывая из сладкой обволакивающей дремы. Варвар широко зевнул, смачно потянулся, так что захрустели кости и только после этого открыл глаза. Обычно он не позволял себе таких вольностей и вскакивал, сразу готовый к бою, однако сегодня, после ночи на мягком душистом летнем сене (только девушки не хватало для полного счастья!), можно было слегка побаловать себя и проснуться, как обычные люди.

Оказалось, разбудил его Эрхард, уже полностью одетый и вооруженный. По сараю уныло слонялись Веллан и Хальмун, разыскивая свои вещи, заброшенные вчера второпях

куда попало. Рыжебородый восторженно заорал, вытащив из-за кипы в углу свой потрепанный сапог (второй красовался на его левой ноге). Бритуниец с завистью покосился на ванира и мрачно поинтересовался у не проснувшегося до конца Конана, не видел ли он его, Веллана, куртку, а то эти весельчаки ее куда-то спрятали…

– Собирайся, сейчас запалим здесь все – и к старосте, – раздраженно сказал десятник, направляясь к выходу из сарая. – Кстати, дождь кончился.

Конан радостно хлопнул себя по ляжкам:

– Самая лучшая новость за последние дни! Веллан, вон та старая тряпка в углу – не то, что ты ищешь?..

Через некоторое время отряд выстроился перед дверью в дом, за которой лежал Ранн. Стены жилища были обложены соломой и облиты найденным в погребе маслом. Гильом, не скупясь на пинки, выгнал из хлева всех животных.

Сначала Конан, а затем все остальные по очереди бросили факелы в большую копну возле крыльца. Пропитанная маслом солома легко вспыхнула, и вскоре весь дом оказался в огненном кольце.

– Поехали отсюда, – буркнул Хальмун, с кряхтением забираясь в седло.

– На главную площадь, – поддержал его Эрхард и первым развернул своего коня в сторону дороги.

Деревня начала гудеть, как растревоженный улей. Из домов выбегали крестьяне и просто хватались за головы – пожар разгорался, а ветер дул в сторону села. И, как назло, небо чистое и ясное, нигде ни облачка. Такие прекрасные дни в Пограничном королевстве можно было пересчитать по пальцам, но сейчас этому никто не радовался, наоборот – после взглядов в небо лица кметов, и без того угрюмые и неприветливые, становились еще мрачнее, хотя, казалось, куда уж больше… Обычно после этого следовал презрительный плевок себе под ноги. Многие с неприкрытой ненавистью косились на девятерых вооруженных всадников, медленно и с достоинством проезжающих мимо. Ведь правду говорит шаман, что слова «чужак» и «несчастье» означают одно и то же…

Конан с любопытством разглядывал молчаливых крестьян. Все они, как один, были низкорослыми, смуглыми, с длинными руками и тяжелыми квадратными подбородками. Их тела были достаточно крепкими на вид, но низко скошенные лбы выдавали в крестьянах людей небольшого ума. Скорее всего, в деревне царила родовая община с неизбежным в таком случае кровосмешением.

За воинами постепенно начала собираться толпа, и к площади они подъехали уже в сопровождении почетного эскорта из половины обитателей деревни Грейзи. Другая половина собралась на площади, приковыляли даже самые древние старцы. О горящем на околице доме, похоже, все временно позабыли.

Конана слегка настораживало то обстоятельство, что каждый житель поселка прихватил с собой какое-нибудь оружие – кто вилы, кто топор, кто просто палку подлиннее да поувесистее. Женщины сжимали в руках серпы, ухваты и сковородки, детишки волокли немалые камни. Похоже, крестьяне на полном серьезе готовились к драке. Сначала варвар посмеивался над их воинственным видом, но, прикинув, что на каждого человека из отряда придется по двадцать-тридцать кметей, перестал хихикать. Вилы, конечно, не сравнятся с добрым мечом, но человека можно прикончить и обычнейшей сковородкой…

– Какое приятное местечко и гостеприимный народ, – вполголоса пробормотал Веллан. – Кажется, нас сейчас будут бить…

Толпа не стала продвигаться дальше края площади, и девять всадников оказались в огромном неприветливом кольце молчаливых людей. Некоторое время стояла напряженная тишина, нарушаемая лишь криками птиц до постукиванием копыт нервно переступающих с ноги на ногу коней. Первым не выдержал Эрхард:

– Что уставились, как бараны на новые ворота? Где староста?

Из рядов выступил важный, в меру упитанный старик с окладистой белой бородой до середины груди, в добротной домотканой одежде. Колючие зеленые глазки злобно уставились из-под кустистых седых бровей на незваных чужаков. В руке старец держал высокий, украшенный причудливой резьбой посох с навершием в виде оскалившейся волчьей головы. Посох был сделан из редкой в здешних краях белой березы.

– Это ваших рук дело? – грозно вопросил староста, указывая посохом в сторону поднимающегося из-за домов столба густого черного дыма. Голос у старик оказался под стать внешности – неприятный, резкий и пронзительный.

– Да, и что? – пожал плечами Эрхард. – Хозяин дома отказался впустить Королевскую стражу. От его руки пал наш товарищ. Мы отомстили и устроили для него погребальный костер, – десятник оглянулся и оценивающе посмотрел на дым. – Хорошо горит…

Снова наступило молчание. Толпа приглушенно гудела и перешептывалась, а отряд сбился в плотную кучку. Рядом с Конаном оказался Эртель, озадаченно проговоривший:

– Что-то я ничего не понимаю… Вон там, за лесом, всего в полулиге стоит наша деревня, я там родился, но никогда не слышал, что рядом с нами живут такие выродки. В прямом смысле этого слова… Откуда они тут взялись?

– А откуда вообще люди берутся? – огрызнулся варвар. – У нас в Киммерии кланы раньше воевали между собой и тоже хлебнули горя от кровосмешения. Но вожди вовремя спохватились, и теперь молодежь берет жен в соседних кланах. А в Черных Королевствах или у кочевников в Туране, скажем, это дело вполне обычное. Ну и уроды ж там рождаются…

– Потом доскажешь, ладно? – перебил Эртель разошедшегося киммерийца. – Кажется, эта старая сволочь нашла, что ответить нашему командиру.

Действительно, старик, подумав и пожевав губами, довольно спокойно заявил:

– Вы убили нашего родича. За это существует только одно наказание – смерть. Выдайте нам убийцу и можете убираться на все четыре стороны. Обещаем – он умрет быстрой и легкой смертью. Иначе вы все расстанетесь в жизнью. Таков мой приговор, – он трижды стукнул посохом о землю и громко добавил: – Призываю в свидетели Отца-Волка!

Толпа разразилась радостными воплями, а воины изумленно уставились на старосту.

– Ты безумен, старик, – отрезал Эрхард. – Отдай свой посох более молодому и умному. Если вы хоть пальцем тронете нас, гнев короля будет ужасен, а от вашей деревни не останется даже пепелища…

– Во заливает, – вполголоса восхищенно сказал Эртель и ухмыльнулся. – Королю будет глубоко наплевать на какой-то пропавший десяток, так что жаркая драка во имя спасения собственных шкур нам обеспечена.

Конан согласно кивнул:

– И старый сморчок наверняка думает то же самое.

Старик, до глубины души разгневанный таким неуважением к его высокому сану, покрылся красными пятнами и дрожащим голосом произнес:

– Нам нет дела до вашего короля. Выдайте нам убийцу!

– Сейчас, – язвительно бросил Эрхард, сжимая рукоять меча. – А в задницу меня

поцеловать не хочешь?

– Убейте их! – завизжал окончательно выведенный из себя старейшина, бестолково размахивая посохом. – Вырвите их бесстыжие языки!

– К оружию! – в свою очередь скомандовал Эрхард, выхватывая меч. – Эмерт, пристрели этого крикливого осла!

* * *

Невозмутимый боссонец мгновенно натянул лук, но старца успел заслонить какой-то молодой парень, получивший стрелу в сердце. По лицу лучника пробежала легкая тень неудовольствия, и он потянулся за второй стрелой. Старик не стал дожидаться исполнения приказа и быстренько юркнул в задние ряды толпы, сомкнувшиеся за ним. Крестьяне тем временем начали сжимать кольцо вокруг поворачивавшихся во все стороны воинов. Полетели первые камни и домашняя утварь.

Гильом вскрикнул и схватился за лицо – острый гранитный обломок, запущенный чьей-то умелой рукой, рассек ему лоб. Глаза заливала кровь и гандер постоянно вытирал ее рукой. Однако и крестьяне несли потери – стрелы Эмерта то и дело выхватывали из толпы самых сильных и самых нахальных.

Глиняный горшок с грохотом разлетелся вдребезги под копытами коня варвара. Мерин пугливо шарахнулся в сторону, основательно тряхнув всадника. Пробормотав «Ненавижу выродков…», Конан пнул животное каблуками и бросился в атаку. Толпа радостно заревела и лавиной ринулась ему навстречу. Началась бойня, ибо битвой происходящее назвать было нельзя…

Преимущество кметов в численности оказало им дурную услугу – они толкались, пихались, сбивали друг друга с ног, а тем временем огромная секира Хальмуна или двуручник Веллана страшными косами срезали трех-четырех бойцов, не защищенных ничем, кроме одежды.

Конан на всем скаку сбил лошадью самого ретивого нападающего, зарубил на ходу мужика с топором и влетел в толпу, топча ее конем и раздавая направо и налево смертоносные удары. Потеряв около шести человек, крестьяне бросились врассыпную. Дотянуться до киммерийца они не могли, хотя несколько раз вилы пролетали в опасной близости от ног. Зато досталось коню – круп животного покрылся потом и многочисленными мелкими кровоточащими ранками. Мерин жалобно ржал, спотыкался и поворачивал морду к седоку. В выпуклых блестящих глазах лошади явственно читалось – «Во что ты меня втянул, хозяин? Не могу больше!»

Киммериец решил не мучить зазря ни в чем не повинное животное и спрыгнул с седла, дав коню хорошего шлепка ладонью, чтобы тот поскорее убирался и не путался под ногами.

– Идите сюда, трусливые свиньи, и найдите свою смерть! – после такого боевого клича, отпугнувшего сунувшихся было к спешившемуся варвару нападавших, Конан побежал на подмогу братьям-гандерам. Им пришлось туговато – под Гильомом убили коня, Гарт тоже отпустил свою лошадь, и теперь они спина к спине отбивали яростные, но бестолковые атаки. У их ног уже валялось несколько трупов.

Варвар обрушился на нападавших, как ураган. Сейчас он больше напоминал мясника, разделывающего коровьи туши: взмах – и, разбрызгивая кровь, падает разваленное почти надвое тело, второй – и чья-то голова взлетает вверх, неожиданно покинув своего владельца… Кметы в ужасе бросились прочь от яростного северянина, точно овцы от ворвавшегося в стадо волка. Некоторые бросали оружие и падали на колени, прося пощады, но Конан, кажется, даже не замечал этого, во всяком случае, рука у него не дрогнула ни разу. Оставляя за собой страшную просеку, он быстро оказался рядом с гандерами. Обычно легкомысленный Гарт с отвращением посмотрел сначала на разделанные тела, потом на тяжело дышащего и покрытого кровью Конана, и с почти суеверным ужасом проговорил:

– Ну и отвратительно ты убиваешь…

– Кажется, я вас спасаю! – возмутился киммериец, но, обернувшись, невольно содрогнулся. – М-да, вот это называется – увлекся… Ладно, пойду посмотрю, что произошло с Вальсо.

Тем временем деревенская площадь все больше напоминала поле на редкость кровопролитной битвы. Повсюду в изобилии валялись трупы и тяжелораненые, о которые, проклиная все на свете, постоянно спотыкались сражающиеся. Эрхард вместе с Хальмуном и Вальсо, прижатые к стене одного из выходящих на площадь домов, сдерживали большую толпу напирающих крестьян. Огромный ванир с легкостью раскалывал своей ужасной двухлезвийной секирой черепа, и от него бежали, будто от демона, бормоча заговоры, отгоняющие нечистую силу. Эрхард тоже держался неплохо, его меч казался странным блестящим продолжением правой руки. А вот зингарцу приходилось хуже всех – его удобная в одиночных поединках сабля почти сразу сломалась, не выдержав удара дубинки, и теперь Вальсо отбивался подручными средствами – то топором, то вилами. Товарищи старались прикрывать его, но из-за обилия врагов это не всегда получалось. Бледное лицо зингарца покрылось потом, он пропустил несколько чувствительных тычков дубинкой, зашатался, и, если бы не Хальмун, вовремя ударивший секирой, его наверняка проткнули бы вилами. Впрочем, на ногах Вальсо все равно не устоял и, получив колом в солнечное сплетение, без сознания повалился под ноги десятнику и ваниру.

Эртель и Веллан, чудом сохранившие лошадей, галопом носились по площади, рубя все, что движется. Единственным сохранившим спокойствие человеком оказался Эмерт, неподвижно сидевший на своей лошади и без остановки разивший смертоносными стрелами наиболее опасных врагов.

Конан внезапно заметил старосту – белая растрепанная борода мелькнула за спинами кучки кметов у края площади.

«Сейчас ты у меня попляшешь,» – пообещал варвар и мягко двинулся вслед, отражая по пути робкие одиночные попытки убить себя.

Пронзительно закричал Веллан – какой-то селянин подкрался к нему сбоку и всадил вилы в левое бедро, пригвоздив к крупу коня. Но торжествовать победу ему пришлось недолго – бритуниец перегнулся в седле и ударом своего двуручника расколол нападавшему череп. Затем с воплем «Всех убью!» выдернул вилы и с омерзением отбросил от себя. Из четырех ран обильно хлынула кровь, Веллан, ругаясь, оторвал клок от рубахи и попытался перетянуть бедро.

Над селом висели лязг оружия, предсмертные вопли и стоны раненых. Несмотря на численное превосходство, кметы проигрывали бой – уже трем десяткам их сородичей не было суждено подняться со слегка подсохшей земли, и в два раза большему количеству

предстояло остаться калеками. Самые сильные и самые дерзкие уже поплатились, остальные осторожничали, стараясь избегать встреч с Хальмуном и Конаном. Но и все из десятка уже получили хотя бы по царапине. Серьезнее всех был ранены Вальсо и Веллан со своей проткнутой ногой.

– Мы побеждаем! – восторженно завопил Эртель и швырнул вверх свой меч. Подбросить-то он его подбросил, но не поймал – клинок описал сверкающую дугу и воткнулся в тело какого-то несчастного, погибшего в самом начале схватки. Эртель несколько изумился такому поведению оружия и какое-то время неподвижно сидел в седле, почесывая затылок и явно предаваясь размышлениям на тему – «Зачем я это сделал?»

Этим обстоятельством немедленно решил воспользоваться один из уцелевших крестьян, вооруженный топором. С нечленораздельным воплем он кинулся к задумавшемуся Эртелю, намереваясь, видимо, отрубить ему ногу или хоть что-нибудь. Намерения так и остались намерениями – в боевом азарте кмет подбежал слишком близко, и Эртель невозмутимо лягнул его в лицо, попав каблуком точно в нос. Голова нападавшего резко откинулась назад, послышался короткий хруст и незадачливый убийца со сломанной шеей рухнул в пыль. Эртель фыркнул, но искушать судьбу больше не стал, а наклонился с седла и выдернул свое застрявшее оружие.

К этому времени уже началось повальное бегство с поля боя. Первыми, как и полагается, его покинули женщины и дети, за ними потянулись и мужчины, первым делом самые трусливые. Или самые здравомыслящие.

Конан наконец добрался до удирающего старейшины и сейчас набросился на охранявших старика лучших воинов села. Хотя лучшие немногим отличались от худших – во всяком случае киммерийца они боялись еще больше. Конану доставило истинное удовольствие полюбоваться на то, как угрюмое и жесткое выражение лиц крестьян сменялось на жутким страхом, как начинали дрожать квадратные подбородки, как, расталкивая друг друга, кмети пытались спрятаться от холодного взгляда голубых глаз… Лучше всего на них действовал вид полностью покрытого кровью меча, огромного и страшного.

Так что варвару пришлось убить только двоих или троих, да и то потому, что они слишком нерасторопно убрались с пути киммерийца. Теперь старик, бледный как собственная борода и трясущийся словно в припадке падучей, стоял перед Конаном. Упасть ему не давал только посох, в который старейшина вцепился, как утопающий в соломинку. Старикан закрыл глаза, чтобы не видеть маячившей прямо перед ним жестокой ухмылки и медленно поднимающегося меча.

Неожиданно перед варваром словно из-под земли вырос человек в странных одеждах – на нем красовался плащ из шкуры громадного волка с капюшоном в виде волчьей головы. На шее неизвестного болталось ожерелье из кривых волчьих клыков, простая кожаная одежда была увешана резными фигурками различных животных, косточками, зубами и тому подобными сухо звякающими амулетами.

«Шаман,» – сообразил Конан. Шаманы, вне всякого сомнения, относились к колдунам, а колдунов варвар на дух не переносил и потому без колебаний замахнулся на неведомо откуда взявшегося противника, решив ненадолго отложить расправу со старейшиной.

Но прежде чем меч киммерийца опустился, шаман резко выдернул из-под мохнатого плаща матово-черный шар с плавающими внутри красноватыми огоньками и сунул под нос варвару. Тот удивленно посмотрел на оказавшуюся перед глазами непонятную вещь… Алые

точки и их движения в непроглядной темноте казались такими плавными, завораживающе-красивыми… Меч выпал из внезапно ослабевших пальцев, а сознание начало растворяться в бездонных глубинах шара… Тяжелое тело качнулось вперед и гулко стукнулось о землю у ног шамана.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой Конан пробует себя в роли жертвы

– Северный ублюдок все еще в стране грез?

– Нет, он скорее в шаманском шаре!

Голоса долетали откуда-то издалека и звучали глухо, точно их обладатели сидели в огромной бочке.

– Надо его разбудить. Дай ему твоей гадости нюхнуть, может, очухается.

Под нос Конану ударил резкий отвратительный запах анисового корня, смешанного с чем-то совершенно невообразимым. Несмотря на свою едкость, смрадный аромат несколько прочистил мозги и варвар медленно поднял ставшую почему-то очень тяжелой голову. Она незамедлительно отозвалась на столь привычное действие резкой болью, по всему телу прошла судорога. Киммерийца затошнило, он попытался нагнуться вперед, но что-то крепко держало его на месте. Это «что-то», вонзившись в тело, вызвало новую волну боли, и Конана все-таки вырвало. После этого стало полегче, варвар наконец-то разлепил глаза и огляделся.

То, что он обнаружил, совершенно его не обрадовало. Во-первых, он был абсолютно голым, во-вторых, крепко привязанным к толстому столбу. Чуть дальше виднелся еще один столб с неподвижной человеческой фигурой, и еще один… Столбы располагались по кругу, за ними начинался строй мрачных елей, а в центре обширной поляны возвышался огромный деревянный идол. Приглядевшись (первое время зрение то и дело отказывало), Конан понял, что идол изображает оборотня… Только при жизни лесные твари выглядят гораздо симпатичнее.

Огромная пасть зверя была полуоткрыта и густо вымазана чем-то темным – наверняка кровью – а глаза выкрашены в пронзительно-алый цвет. Статую вырезали с потрясающей и пугающей правдоподобностью, резчику как-то удалось передать в мертвом дереве настороженность жуткого существа и его затаенную готовность к стремительному прыжку.

«Интересно, – отстраненно подумал варвар. – Может, создатель этой штуки тоже был оборотнем? Ну до чего похоже…»

Столбы с пленниками образовывали вокруг идола кольцо. Справа от Конана стоял Веллан, его светлые волосы слиплись от крови – видимо, бритунийцу в схватке разбили голову, небрежно затянутая повязка на ноге побурела. Веллан был бледен и часто облизывал пересохшие губы.

Слева на веревках висел Вальсо. Зингарец постоянно кашлял, плевался кровавыми сгустками и вообще выглядел неважно.

Напротив киммерийца находился совершенно спокойный Хальмун. Поймав на себе блуждающий взгляд варвара, ванир заговорщицки подмигнул и ухмыльнулся. Лицо Эмерта как всегда, не выражало ничего, кроме снисходительного презрения. Гарт изо всех старался казаться невозмутимым, но с тревогой поглядывал на старшего брата. Веки Гильома слиплись от крови, сочащейся из раны на лбу, и его лицо напоминало жутковатую красную маску. Последний столб был закрыт идолом, и Конан не мог разглядеть, кто там стоит. Значит, восемь человек из отряда оказались в плену и один остался на свободе… или мертв. Но киммериец сильно сомневался в том, чтобы Эрхард или его неугомонный племянник позволили каким-то немытым крестьянам так просто расправиться с собой.

Окончательно придя в себя, Конан повернул голову и вполголоса окликнул Веллана.

Окликать пришлось дважды: бритуниец, казалось, совершенно не понимал, где находится и кто его зовет. Наконец, Веллан услышал и с трудом отозвался:

– Конан, это ты?

– Я, кто ж еще, – буркнул варвар. – Кого не поймали?

– Эрхард там, я его вижу, – медленно проговорил Веллан. – Значит, Эртель успел сбежать…

– Эй, вы, заткнитесь! – раздался сердитый оклик, вслед за которым последовал удар кулаком по губам. Киммериец ударился затылком о бревно и с ненавистью посмотрел на крестьянина, нацепившего на свой пояс один из мечей Гарта. По разбитому подбородку заструилась кровь, Конан набрал ее побольше в рот и смачно харкнул в лицо глазеющей деревенщины, сопроводив пожеланием:

– Чтоб ты сдох, паскуда!

Кмет слегка побледнел, торопливо вытерся и потянул клинок из ножен. Варвар с презрением наблюдал за его неуклюжими движениями. Да, такие способны только беспомощных пленников резать…

Крестьянина остановил гневный оклик шамана, возившегося у подножия идола, поэтому кмет ограничился тем, что отвесил пленнику еще парочку ударов в лицо и по ребрам и отошел, недовольно ворча под нос. Слой мышц на животе защитил киммерийца от серьезных повреждений, а за подпорченную физиономию эта сволочь потом ответит…

По поляне слонялись только крестьяне, видимо, ответственные за сохранность и целость пленников, да шаман с подручными, готовящие церемонию. У Конана не возникало никаких сомнений в том, что весь отряд в скором времени самым гнусным образом принесут в жертву неизвестно какому божеству. Эта мысль отнюдь не способствовала улучшению настроения.

Сильно поредевшее население деревушки Грейзи толпилось за соснами, оттуда то и дело раздавались причитания и угрожающие выкрики.

«Жаль, не успели всех порубить», – в который раз посетовал варвар. Но все еще можно исправить в лучшую сторону… Если он каким-нибудь способом освободится от веревок, то свернуть шею сторожу не составит труда. Кстати, о веревках…

Конан напряг мышцы, повел плечами, но путы не поддались, а только крепче врезались в тело. Однако киммериец не сдавался.

– Брось, – прохрипел Вальсо, сплевывая очередной кровавый сгусток. – Они крепче корабельных канатов. Даже тебе их не порвать…

Варвар не стал его слушать, рванувшись изо всех сил. На долгий миг сознание затопила боль, а из-под веревок брызнула кровь.

– Проклятье! Кром, не оставляй меня этим выродкам, – очнувшись, прошептал Конан и горестно сплюнул.

Тем временем шаман, похоже, завершил приготовления и встал у подножия оскалившегося идола, смотревшего ярко-красными глазами куда-то поверх людей, в глубины соснового леса.

– Родичи! – провозгласил шаман. Крестьяне затихли и подошли поближе, выстроившись за столбами с пленниками. – Мы слишком сильно отступили от древних законов, и Отец-Волк прогневался, послав своих детей образумить нас через пролитую кровь. Сегодня ночью от карающей длани нашего предка погибли самые большие грешники – Хельст и Эрелин со своими семьями. А потом предок ниспослал нам последние испытание – королевских

солдат, этих убийц и кровопийц! Ценой жизни наших братьев мы одолели этих тварей, – шаман широким жестом обвел столбы с привязанными пленниками, – и сегодня наш бог будет доволен! А во время принесения жертв мы все будем каяться перед Отцом и он снова вернет нам свою милость!..

«Да уж, вернет…» – мрачно подумал Конан, настороженно оглядываясь по сторонам. Положение складывалось насквозь безвыходное…

Шаман поднял над головой большой, криво изогнутый нож и обвел глазами толпу. Похоже, он впал в ритуальный экстаз, потому что следующие слова почти провизжал, явно подражая голосам оборотней:

– Начнем танец Очищения!

– Лучше бы они помыться сходили, – Веллан окончательно пришел в себя и даже попытался плюнуть в идола, но не доплюнул и разочарованно вздохнул.

На поляну выбежали кметы, и, взявшись за руки, образовали хоровод вокруг жуткой статуи. За столбами, похоже, происходило то же самое – оттуда долетали выкрики и топот бегущих ног. Несколько человек натянули на себя выделанные целиком шкуры волков и скакали на четвереньках, то и дело высоко подпрыгивая и подвывая. Кто-то начал отбивать ритм на барабане, сделанном из выдолбленного ствола и натянутой козьей шкуры. Конану звук напомнил бой тамтамов в Черных Королевствах. Пронзительно засвистели ивовые дудочки, какой-то кмет даже притащил неизвестно как попавшую сюда лютню и принялся немилосердно дергать бедные струны, извлекая ушераздирающие звуки. Веллан, неплохо игравший на этом инструменте, аж зарыдал от злости, а потом повернулся к варвару и, бешено сверкая глазами, прохрипел:

– Дайте мне только вырваться, найду и убью эту сволочь! Сердце вырву, зубами горло перегрызу! Так инструмент мучить!.. – его голос сорвался на крик.

Киммериец сочувственно покивал, едва сдерживая смех. Вся творившаяся вокруг церемония – дикие прыжки, какофония звуков и хороводы вокруг идола – вызвали у него приступ неудержимого веселья. Впрочем, не у него одного – не обладавший музыкальным слухом Хальмун сначала озадаченно пялился на происходившее безобразие, а потом запрокинул голову, насколько позволял столб, и оглушительно расхохотался, без труда перекрыв весь шум. Даже шаман застыл с поднятым над головой ножом, а потом, знаком приказав всем замолчать, подошел к ваниру и долго внимательно его разглядывал, чем вызвал у того еще один приступ буйного смеха.

– Ты что, безумен? – осторожно спросил шаман у рыжего. Конан решил, что более идиотского вопроса ему еще слышать не приходилось – какой же безумец признает, что у него не все в порядке с головой?

– Безумен?.. – Хальмун не мог остановиться и смеялся так, что столб, к которому он был привязан, заметно подрагивал.

– Ты не боишься смерти? – недоуменно продолжал служитель Отца-Волка.

– Смерти? – сквозь смех переспросил ванир. – Смерти не будет, а если и будет, то не наша! – он даже начал заикаться от хохота. Конана порадовала жизнерадостность рыжего, но сам он пока не видел ничего, могущего помешать жрецу запросто перерезать им глотки.

Шаман махнул рукой на безудержно веселящегося ванира, явно сочтя его внезапно сошедшим с ума, и медленно пошел вдоль столбов, вглядываясь в лицо каждого из пленников. Остановившись возле Гильома, он поднял за волосы опущенную голову гандера, скривился, увидев маску из потеков крови и коротко распорядился:

– Вымыть! – после чего отправился дальше. Во второй раз он остановился перед Вальсо и пристально оглядел со всех сторон худого, непрерывно кашляющего зингарца. Похоже, осмотр шамана вполне удовлетворил, потому что, отступив на несколько шагов, он громко объявил:

– Вот первая жертва для Отца-Волка! Пойте, родичи!

Опять грянула раздирающая голову какофония. Если бы Конан мог, он заткнул бы уши. Рядом отчетливо застонал Веллан.

Тем временем все завывающие жители Грейзи ступили в круг, и шаман, плавно очерчивая обеими руками перед собой непонятные фигуры, начал подходить к побелевшему и слегка дрожавшему Вальсо. Зингарцу было страшно, очень страшно, он пытался сдерживаться, но у него ничего не получалось. Правый глаз, а за ним вся щека задергались в нервном тике, Вальсо как-то странно замотал головой и захрипел. Внезапно разноголосый вой и стук барабана заглушил крик Эрхарда:

– Вальсо, нет! Держись! Тебе все равно не порвать веревок!

«Интересно, это он о чем? – успел удивиться Конан. – Разве Вальсо владеет какой-то магией? Что он такое собирается отколоть, чего так не хочет Эрхард?»

Шаман, пританцовывая, дошел до Вальсо, провел ножом туда-сюда в пальце от его горла, затем взял нож двумя руками и поднял высоко над головой, замахиваясь. Зингарец закрыл глаза, и, собравшись с силами, плюнул в жреца.

– Так его! – одобрительно заорал Конан и тоже плюнул, но промахнулся.

– Погоди, варвар, придет и твоя очередь, – прошипел жрец, вытирая лицо и снова замахиваясь. – Силой, данной мне, я дарую это создание Отцу-Волку! Отец, прими нашу жертву и его душу!

* * *

Нож медленно опускался к груди зингарца, когда в воздухе тонко пропела одинокая стрела. Шаман выронил нож и трясущимися пальцами схватился за древко, торчащее из левой глазницы, а затем мешком осел на землю. По поляне прокатился крик ужаса, смешавшись с одновременно вырвавшимся у пленников воплем радости.

– Дайте мне этого лучника, я его расцелую! – голосил Вальсо.

Толпа качнулась назад, затем вперед и с ревом бросилась к столбам, и привязанным воинам стало не до смеха. Кажется, крестьяне собирались разорвать их на куски…

– Остановитесь! – жесткий властный голос прогремел, казалось, откуда-то сверху, и, раздвинув сосновые лапы, на поляну выступил… оборотень.

– Кром! – удивился Конан, затем подумал и поправился: – Нет, это кто-то другой…

– Вы, кажется, звали меня? – невозмутимо осведомился покрытый светлой лохматой шкурой полузверь у попятившихся назад жителей Грейзи.

– Звали, звали, отец, – запричитал старейшина. – Прими этих чужаков в дар от недостойных сынов твоих! Наш жрец погиб, и мы не знаем, что делать теперь!

– Он совершил ошибку в ритуале и поплатился за это, – холодно сказал оборотень. – Что касается вас – делайте, что считаете нужным. Хотя самое лучшее, что вы можете сделать для

своего Отца – пойти и повеситься всей деревней. Может, тогда вы прекратите позорить мое доброе имя своими причитаниями! Пошли все вон! Да, оружие чужаков и их вещи оставьте здесь, они пригодятся им при восхождении в Небесное Царство. А теперь – марш отсюда!

Кметы в ужасе побросали оружие и вещи отряда и, давя друг друга, с воплями побежали по тропе, видимо, ведущей по направлению к Грейзи.

Никто не обратил внимания, что один из учеников шамана наклонился над телом своего мертвого учителя, выдернул глубоко засевшую стрелу, затем достал из складок шкуры темный матовый шар, прошептал над ним какое-то заклятие и со всех ног бросился вслед за убегавшими односельчанами.

Когда крики удиравших крестьян затихли, на поляну вывалился беззвучно смеющийся Эртель. Он рухнул на колени и, запрокинув голову, захохотал во весь голос. Следом за ним из зарослей спокойно вышли трое слегка посмеивающихся молодых людей – два парня, похожих друг на друга, как две капли воды, и девушка. Молодцы были довольно высокого роста, светловолосые, в зеленых охотничьих костюмах, вооруженные длинными луками и кинжалами. Девица была чуть пониже их, темные курчавые волосы свободно падали ей на плечи, просторная крестьянская рубаха не скрывала пышно вздымающейся при каждом вздохе высокой груди, точеный прямой носик и веселые карие глаза подчеркивали насмешливое выражение хорошенького личика. Конан невольно залюбовался незнакомкой, а потом подумал, насколько же по-дурацки они все выглядят – старательно примотанные к столбам наподобие приготовленных к празднику индюшек. Защитники Пограничья, бесстрашные охотники на оборотней, понимаешь!..

Все вновь прибывшие (кроме умиравшего с хохоту и катавшегося по траве Эртеля), а также превратившийся в человека оборотень принялись развязывать пленников. Кстати, оборотень, принявший человеческий облик, оказался точной копией пришедших парней, из чего любой бы понял – они были братьями-близнецами.

– Вы что, тройняшки? – спросил, растирая затекшие руки, Веллан. Вместе со свободой к нему вернулось и прежнее едкое чувство юмора.

– Как видишь, – усмехнулся один из парней.

– И все – оборотни? – мрачно поинтересовался все еще привязанный к столбу Конан.

– Да, а ты что-то имеешь против? – изображавший Отца-Волка возился позади столба, перерезая сдерживающие киммерийца веревки. – Между прочим, я совершенно не горел желанием превращаться. Если бы Эртель и Селена не попросили… Мы уже давно больше люди, чем волки. Оборотни не так уж и плохи, как тебе кажется, во всяком случае, многие.

– Но есть гораздо больше таких, которых следовало придушить при рождении, – покачал головой Конан, направляясь к разбросанным вещам.

– У людей гораздо чаще встречаются звери в человеческом обличье, – с грустью заметил оборотень, переходя к следующему столбу. – Скольких ты, например, убил за свою жизнь, киммериец?

– Не знаю, не считал, – пробурчал варвар, натягивая штаны. – Сотня, наверное, наберется…

– Гораздо больше! – встрял Веллан, который, прихрамывая, бродил по поляне, выискивая в разбросанных по земле вещах свое барахло. – На счету этого кровожадного дикаря, который только сейчас выучился правильно застегивать штаны, тысячи и тысячи беспощадно загубленных ни в чем не повинных душ! Не далее как вчера счет увеличился еще на двадцать… или на тридцать?

– Веллан, засунь свой поганый язык куда-нибудь подальше, а лучше всего – себе же в задницу, – мрачно посоветовал Конан.

– Ничего более остроумного ты придумать не можешь? – не мог угомониться бритуниец. – А, да ты же у нас варвар, я и забыл! Все киммерийские шуточки отдают выгребными ямами и…

– Хватит, – остановил обмен любезностями оборотень. – Я вот за свою жизнь никого не убил, и ничего, не страдаю. И мысль о человеческом мясе представляется мне отвратительной.

– С чем тебя и поздравляю, – буркнул киммериец, затягивая пояс, и вдруг разразился страшной руганью, от которой даже все еще веселившийся Эртель прекратил смеяться и с открытым ртом уставился на бушующего варвара. Сквозь густой поток брани наконец с трудом просочилась одна вразумительная фраза:

– Где мой меч?!

Тут уже все начали лихорадочно оглядываться по сторонам, разыскивая драгоценную вещь, единственную на свете способную заткнуть пасть злословящему киммерийцу. Один из тройняшек пробежался вниз по тропинке и вернулся с длинным предметом, очень напоминающим ножны.

– Кажется, это твое?

Конан почти вырвал оружие из его рук и слегка выдвинул лезвие. Его лицо озарила улыбка и он облегченно вздохнул:

– А я уж думал, придется деревню вверх дном перетряхивать…

– Конан, – подал голос изумленный Эртель. – Ты ругаешься даже изощреннее моего дяди. Никогда не думал, что подобное возможно… Хоть бы девушки постыдился, что ли!

– Он такого слова не знает, – с очень серьезным видом заявил Веллан.

– Какого, «девушка»? – мгновенно подхватил Эртель. – Вот не повезло бедняге…

– Нет, девушек он очень хорошо знает, – хмыкнул бритуниец. – Но, как всякий варвар, он представления не имеет, что такое «стыдиться»…

– Я сейчас привяжу вас обоих обратно к столбам, – с нехорошей улыбкой пообещал Конан. – И позову оборотней. Они наверняка не откажутся от дармового обеда.

– За что? – и неугомонная парочка радостно захихикала, донельзя довольная собой. – Мы же так… Пошутили! Не надо нас привязывать!

Взаимный обмен колкостями прервал радостный девичий крик:

– Дядя!

– Дочка! – только что освобожденный Эрхард крепко обнял темноволосую девушку. – Выросла-то как! Давненько же я дома не был…

– А ты постарел, дядя, – с тревогой сказала девушка, заглядывая в глаза Эрхарду.

Десятник с улыбкой пригладил седые усы:

– Я еще долго проживу, если любящий родной племянник и всякие дикари не загонят меня в гроб раньше времени. Никогда не представлял, что можно такое выдумать…

– Можно и похуже, – проворчал себе под нос Конан, искоса поглядывая на девушку-оборотня. Кажется, ее звали Селена… Начало сказываться долгое невольное воздержание, и варвар вспомнил, что в мире, кроме драк и вина, существуют еще хорошенькие женщины.

Девушка тоже порой посматривала на могучего киммерийца, рядом с которым ее далеко не хилый и слабенький братец казался просто заморышем. Рыжебородый ванир, впрочем, был еще более могуч, но вот красотой его Имир явно обделил. А Конан… ей захотелось

прижаться к нему и долго не отпускать.

На полянке запахло дымом – это Гарт развел вокруг идола костер. Хальмун набрал из текущего неподалеку родника воды в котелок и теперь кипятил ее над огнем. Кашляющего Вальсо посадили поближе к разгорающемуся пламени, а когда вода в котелке закипела и забулькала, Хальмун бросил туда пригоршню сухих листьев и травок. От котелка потянуло горьковатым вкусным запахом. Достав из мешка помятую медную кружку и плеснув туда получившегося настоя, Хальмун поднес дымящийся напиток к губам Вальсо:

– Хлебни, помогает.

Зингарец, обжигаясь, выпил ароматную жидкость, благодарно кивнул и, откинувшись на спину, посмотрел в высокое осеннее небо.

– Ну, что будем делать? – задал интересующий всех вопрос Веллан, усаживаясь и протягивая руки к огню. – Нас, конечно, оставили в живых, но мне ужасно хочется кое-кому выпустить кишки. Причем немедленно.

– Предлагаю вернуться в Грейзи и отвести душу, – сказал киммериец и посмотрел на подожженного идола. – Что-то плохо разгорается…

– Разгорится, – махнул рукой Гильом, которому брат перевязывал голову.

– Нет, предложение стоящее, – задумчиво начал Эрхард. – Мне и самому нужно пару долгов вернуть… Но мы же, в конце концов, Королевская стража, а не разбойники с большой дороги!

– И первым, кого я прикончу, будет тот «музыкант», что издевался над бедной лютней, – пообещал Веллан, держа на коленях свой двуручник и заглаживая точильным бруском зазубрины на клинке. – Да что они им делали, дрова рубили или гвозди заколачивали? – возмущенно буркнул он, обнаружив на блестящем лезвии очередную царапину.

– А по-моему, надо прямиком идти в наш поселок, в баньке помыться, поесть, девушек опять же… – ухмыляясь, предложил Эртель, валявшийся на траве и покусывавший пожелтевшую травинку. – Далась вам эта несчастная деревушка!

Тут уже возмутились все, даже обычно молчавший Эмерт.

– Да, тебя к столбу не привязывали!

– И не издевались!

– Когда мы мучились, он сбежал и пиво хлестал!

– Так что закрой пасть и не вылезай, тебя не спрашивали!

– Нет, идея неплоха, но сначала – в Грейзи!..

Общий итог подвел Конан:

– Пойдем в деревню, но без резни. Так и быть, их поганые душонки мы сохраним, но повеселиться – повеселимся! А потом – есть и пить пиво!

Решение было единогласно одобрено общими громкими воплями.

* * *

В ходе спора никто не обратил внимания на странные вещи, творившиеся возле трупа шамана. Сначала начал медленно пульсировать матовый шар, словно сердце жреца окаменело, выпало из груди и билось рядом. Затем от шара к безобразной ране потянулась

струйка черного дыма. Она разрослась, превратившись в подобие толстой веревки, и в окровавленной глазнице, казалось, что-то задвигалось. По всему телу шамана прошла судорога, уцелевший глаз слегка приоткрылся, из-под полуопущенного века следя за сидящими у костра людьми.

Струя черного дыма внезапно оборвалась. Одновременно глаз широко открылся, мертвец неуклюжими рывками начал подниматься на ноги. Первым его увидел Веллан, удивленно вытаращился, не веря своим глазам, а затем завопил:

– Это еще что такое?

Конан обернулся и предостерегающе крикнул:

– Эй, осторожнее, труп шамана ожил!

– Какого… Я ж сам ему стрелу в глаз всадил! – недоуменно проговорил один из тройняшек.

– Ну, а он опять идет, как живой, – пробормотал Эртель. – Только еще омерзительнее…

– Колдовство, – решительно заявил Эмерт, потянувшись за луком. – Сейчас мы его…

Стрела ударила ковыляющего мертвеца в уцелевший глаз. Труп дернулся назад, но не остановился, на ходу выдернув засевшую стрелу и разломав древко.

– Девять преисподних Зандру! – выругался Веллан и вскочил. – Да что ж нам так не везет! Посидеть спокойно не дадут! Нет, вы посмотрите, что эта тварь делает!

На месте одной глазницы бывшего шамана зияла кровавая рана, из другой медленно вытекал пробитый стрелой глаз. Демон остановился, поразмыслил, понял, что без зрения далеко не уйдешь, и, вцепившись руками в верхние кости обеих глазниц, с хрустом выломал их. В образовавшиеся рваные отверстия тут же высунулись два красноватых глаза на раскачивающихся ножках, напоминающие глаза морского краба. Селена скорчила гримаску и с отвращением отвернулась. Конан не знал, смеяться ему или для разнообразия немного испугаться – тварь выглядела опасной, однако неповоротливой. Интересно, а добрая сталь возьмет это Нергалово отродье?

– Ну ты и урод, приятель, – с сожалением сказал Веллан, выходя навстречу обретшей зрение и снова поковылявшей к людям твари. – И вообще, ты нам мешаешь!

Удар двуручника был направлен в шею, в надежде, что существо вряд ли сможет отрастить новую голову и подохнет к общей радости всех присутствующих на поляне людей и нелюдей. Однако мертвец успел подставить руку. Бритуниец самоуверенно решил, что убьет разом двух зайцев, но просчитался – бледная, тонкая лапка оказалась прочнее закаленной стали, вырвавшийся из рук владельца меч полетел в одну сторону, изумленный Веллан – в другую, тварь, не обращая более на них внимания, потащилась дальше.

Бритуниец, сидя на пожухлой траве, поднял глаза к небу и проникновенным голосом проговорил:

– Митра, помоги созданию твоему, порази это проклятое порождение тьмы огненной стрелой, а? – Ничего не произошло, поэтому Веллан встал, подобрал меч и заключил: – Не хочешь? Ладно, так и быть, сами как-нибудь справимся… Конан, у тебя вроде как меч волшебный, стукни мертвяка, вдруг он развалится?

– Хватит шутить, – оборвал его Эрхард. – Конан, в самом деле, попробуй его зарубить!

Мертвец наконец добрался до костра, возле которого уже никого не было, и начал старательно затаптывать огонь.

– Смотрите, он помнит, чем занимался при жизни! – удивился варвар, доставая меч из ножен. – Ну, считайте, ему конец!

– Сначала убей, потом хвались, – буркнул Эрхард и вполголоса добавил: – Не нравится мне все это…

– Дядя, тебе много чего не нравится, – утешающе похлопал его по плечу Эртель. – Так что не переживай…

– Да заткнешься ты хоть раз в жизни?! – рявкнул десятник.

– Только ради тебя, дядя, – умильным голоском отозвался Эртель и действительно замолчал, следя за двигающимся по поляне мертвым шаманом. Тот обвел взглядом своих странных шевелящихся глаз столпившихся невдалеке людей и его рот расползся в диком подобии ухмылки, обнажив длинные, кривые и все одинаковые клыки.

– Мясо, – пронзительно мяукнул он и неожиданно стремительными прыжками бросился к отряду.

– Я же говорил! – обернулся к воинам Эрхард. – Кажется, сейчас самое лучшее… – он не закончил.

– Бежим! – завизжал Эртель и, первым сорвавшись с места, понесся к ближайшему дереву. – Может, он за нами не полезет!

Через пару мгновений на опустевшей поляне остались только Конан со своим мечом и Веллан, не считая твари, в раздумье топтавшейся посреди поляны.

– Сматывайся! – скомандовал киммериец.

– Ни за что! – отрезал Веллан.

– Он же тебя сожрет, – предупредил Конан.

– Подавится! – уверенно заявил бритуниец, не двигаясь с места.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами варвар и оглянулся. Шаман, оказывается, стоял шагах в десяти от них, оценивающе смотря на меч.

– Не хочешь попробовать, демоново отродье? – радушно предложил Конан, покачав клинком. Демон отрицательно помотал головой, перевел взгляд на Веллана и тоже решительно отказался от мысли познакомиться с ним поближе, зато при виде усыпанной людьми елки довольно ухмыльнулся. Ухмылка очень не понравилась сидящему ниже всех Эрхарду.

– Даже не думай об этом, – твердо предупредил он подбежавшую к дереву тварь и попытался залезть повыше, но все места там были уже заняты. – Конан, ну что ты стоишь, мною же сейчас позавтракают!

– Скорее пообедают, дядюшка, – отозвался Эртель, предусмотрительно взобравшийся почти на самую макушку.

– Утешил, племянничек! – огрызнулся Эрхард.

Конан решил не бросать командира в беде и бросился наперерез ковыляющему мертвецу, крикнув Веллану:

– Помнишь, где валялось тело? Сходи, посмотри, вдруг найдешь что полезное!

Демон оказался несколько быстрее варвара, и, когда тот подошел, уже некоторое время с урчанием прыгал, пытаясь достать выросшими кривыми когтями отчаянно ругающегося Эрхарда.

– Да что ж это делается? Уйди, паскуда! – причитал десятник, но мертвому шаману очень приглянулись ноги Эрхарда в кожаных штанах. Бедняга прижался к шершавому стволу, то и дело поджимая источник своих неприятностей под себя.

– Ребята, давайте спихнем старика вниз – и демону пища, и нам легче, – предложил ухмыляющийся Эртель.

– Что?! – взвыл на время отвлекшийся Эрхард. – Скиньте лучше моего засранца, он помоложе и потолще!

– Не-ет, дядюшка, – ласково пропел Эртель. – В тебе столько желчи, что тварь наверняка отравится и сдохнет в страшных муках!

– Вот спустимся, – пообещал десятник, задыхаясь от ярости и пытаясь пнуть недовольно мяукающую тварь. – Я тебя так выпорю, что неделю сидеть не сможешь!

– Дядя, ты плюнь на него, – посоветовал сверху ехидный голос. – Ты ж такой ядовитый, мы потом и костей от бедняги не найдем!

Эрхард взвыл от злости, однако совету последовал, но, к сожалению, не попал, и яростно заорал:

– Где, наконец, этот треклятый варвар?

– Здесь, здесь, – обнадежил десятника Конан, стоявший шагах в пяти от ели, опираясь на меч и наблюдая за представлением.

– Ну что ты стоишь, как идол? Кончай с ним! – приказал Эрхард, в очередной раз потягивая ноги.

– Упускать такое бесплатное развлечение? – возмутился киммериец. – Да никогда в жизни!

– Делай, что тебе говорят! – не допускающим возражений тоном гаркнул десятник, едва не свалившись с ветки.

– Правда, Конан, убей его, – ласково попросила Селена. – А то здесь так неудобно сидеть…

– Ладно, – согласился варвар. – Никогда не мог отказать женщине…

Он с видом крайней неохоты подошел к ничего не подозревающему прыгающему демону и, выждав подходящий момент, сплеча рубанул. Меч с гудением отскочил в сторону, не причинив твари никакого вреда.

– Вот дерьмо, – выругался Конан, пятясь подальше. – Накликал на свою голову… Раньше он моего меча боялся, а теперь нет.

Шаман развернулся и, оставив в покое облегченно вздохнувшего Эрхарда, поскакал за улепетывающим во все лопатки киммерийцем. На дереве радостно засвистели и заулюлюкали, перемежая выкрики советами:

– Лезь на дерево!

– Ногой ему по заднице!

– Конан, пусть он тебя сожрет, а мы тебе потом памятник поставим!

– Плюнь ему в глаза!

– Шутники засранные, – проворчал варвар, начиная бегать кругами вокруг изрядно закопченного идола. Демон неотступно следовал за ним, мяукал, выл и требовал мяса. Пробежав так кругов восемь-десять, Конан слегка запыхался и ему все это начало надоедать, тем более, что елка сотрясалась от хохота и подбадривающих выкриков. Эртель предлагал всем желающим заключить пари на исход скачек между мертвым шаманом и вполне живым варваром. В общих воплях отчетливо различался бас Хальмуна, заявлявшего, что ставит три золотых на киммерийца против одного золотого за демона.

Конан резко остановился и развернулся. Не успевший замедлить скорость мертвец удивленно взвыл, со всего размаха получил тяжелым сапогом в грудь и грохнулся на землю. Варвар прыгнул на него и принялся с увлечением топтать, вымещая все зло, скопившееся за сегодняшний дурацкий и крайне бестолковый день. С елки донеслись восхищенные вопли.

– Ребята, похоже, ему только железо нипочем, – озадаченно сообщил киммериец, прислушавшись к сухому хрусту под ногами. – О, кости трещат!

– Еще бы им не трещать – такая туша скачет, – отозвался до боли знакомый язвительный голос. Конан мысленно пообещал себе, что потом обязательно учинит что-нибудь с горячо любимым племянником Эрхарда. Например, привяжет к шее Эртеля мельничный жернов и сбросит в заброшенный колодец.

– Прыгни на демоновы стати! – посоветовали с дерева.

– У кого там такая навязчивая идея, может слезть и прыгнуть сам, – огрызнулся киммериец и огляделся по сторонам: – Веллан, ты что затих? Умер или нашел что-нибудь?

– Нашел! – откликнулся бритуниец. – Тут на шкуре лежит черный камень и бьется, точно сердце.

– Ну так руби его! – заорал варвар, не прекращая прыгать и краем уха расслышав, что на елке несколько голосов дружно считают – «один, два, три…» Видимо, Эртель подбил братцев-оборотней и Хальмуна подсчитывать прыжки киммерийца.

Веллан, пробормотав: «Эх, была не была», занес меч. Раздался звук удара и удивленный крик. Бритуниец, отлетев шагов на пять, врезался в дерево и сполз на траву, ошалело мотая головой и бормоча под нос:

– Пора учиться летать…

Конан прекратил вбивать полурастоптанного демона в землю и направился к шару, бросив на прощание через плечо:

– Полежи здесь, милый, я скоро вернусь.

Шаман лежать не захотел, но преследовать киммерийца тоже не решился, а вместо этого, мотая головой и хрустя суставами, пополз к дереву.

– О, нет, – застонал Эрхард. – Конан, умоляю, побыстрее!

Варвар поднял тяжелый и слегка теплый шар, некоторое время внимательно изучал его, вертя в руке, а затем со всего размаху шарахнул о ближайший столб. Шар упруго отлетел обратно, ударив не ожидавшего такой подлости киммерийца в живот. Пока Конан валялся на траве и жадно хватал ртом воздух, Эрхард попытался обратить внимание добравшегося до дерева и на глазах поправлявшегося мертвеца на него или находившегося в столь же плачевном состоянии Веллана. Тварь оказалась глуха к его мольбам и снова упрямо пыталась дотянуться до штанов десятника.

Отдышавшийся варвар поднялся на ноги и сначала хотел как следует пнуть неуязвимый шар, но затем передумал и обратился к пошатывающемуся Веллану, показав на свой меч:

– Может, попробовать этим?

– Валяй, – пожал плечами бритуниец и проворчал: – Все, отныне я больше ничему не удивляюсь.

Конан поплевал на ладони, ударил, вложив всю свою силу. По рукам пробежала легкая дрожь, а клинок, яростно сверкнув, развалил шар на две половинки. Яркая вспышка и на траве не осталось никаких следов колдовского предмета. Сияние меча сразу поблекло.

– Кром еще не оставил меня! – обрадованно закричал киммериец, но, обернувшись, замер в удивлении. Уничтожение талисмана никак не повлияло на демона, все также скачущего вокруг елки. Наверное, шар был лишь залогом неуязвимости твари…

– Эрхард, угости его мечом! – заорал северянин.

– Сам подходи да угощай, – раздраженно буркнул десятник, вытирая рукавом вспотевший лоб и с ненавистью косясь вниз, где щелкал зубами и урчал оживший мертвец.

– Хорошо, – согласился Конан и нарочито медленно пошел к дереву.

Демон во второй раз не заметил приближения киммерийца и обернулся только когда варвар шлепнул его по плечу. Тварь повернула свою уродливую, чем-то напоминающую кошачью, морду с крабьими глазами, и Конан тут же впечатал в нее кулак, отправив бывшего шамана к толстому еловому стволу.

– Отправляйся-ка к своему хозяину Нергалу! – с этим словами киммериец ударил демона мечом в живот. Клинок не встретил никакого сопротивления и легко прошил плоть, пришпилив зашедшегося в истошном вое монстра к дереву.

– Ну наконец-то! – донесся сверху всеобщий вздох облегчения.

Демон уже не выл, а только хрипел и хрустел костями, сгибаясь все ниже. Натянувшаяся кожа на спине не выдержала и с громким треском лопнула, из трещины со свистом ударила струя черного вонючего дыма, послышался тонкий пронзительный визг, не принадлежащий живому существу. Выползший из колдовского шара демон прощался с миром, отправляясь туда, откуда явился. Внезапно налетевший порыв ветра развеял собравшееся над телом темное облачко, а пронзенный мечом труп начал усыхать, пока не рассыпался в желтоватый прах. Конан выдернул засевший в стволе меч и картинным жестом отправил его обратно в ножны за спиной.

– Слезайте, жертвы! – крикнул он, задрав голову. – Шаман окончательно и бесповоротно покинул этот мир! И помнится, мне обещали пива!

Наверху захрустели и закачались мохнатые ветки, и воины один за другим начали спускаться вниз, покидая свое временное убежище.

Эрхард слез первым и решительно направился к варвару с одним ясным намерением – набить проклятому дикарю морду. Однако чем ближе десятник подходил к спокойно стоявшему и ухмылявшемуся киммерийцу, тем больше у него появлялось сомнений в успехе этой затеи. Конан наверняка захочет дать сдачи, а когда варвар давал сдачи, жертве приходилось очень плохо…

Поэтому десятник просто встал рядом и молча хрустел костяшками пальцев, ожидая, пока отряд спустится вниз.

Братья-оборотни и Селена сразу отправились домой – подготавливать стражниками баньку, еду и комнаты. Они забрали с собой и Вальсо, чувствовавшего себя все хуже.

Последним на жухлую травку спрыгнул Эртель, не потерявший ни капли свей веселости. Впрочем, он несколько увял, заметив, что к нему с недвусмысленным выражением на лице приближается десятник.

– Да ладно, дядя, без обид, – парень примирительно поднял вверх руки и предусмотрительно отступил назад. – Я же пошутил…

– Конечно, без обид, – согласился Эрхард. – Вот только всыплю тебе как следует, – и десятник набросился на любимого племянника, как изголодавшийся волк на добычу. Эртель взвыл не хуже сгинувшего демона, развернулся и бросился наутек, провожаемый дружным хохотом.

– Мы в деревню, долги возвращать! – крикнул им вслед Конан и первым зашагал по тропинке, ведущей в Грейзи. – Закончите – приходите к нам!

Отряд потянулся за киммерийцем, а вслед им летели жалобные вопли Эртеля:

– Не оставляйте меня этому зверю! Дядя-а-а!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
в которой варвар отдыхает и обзаводится новой подружкой

Староста деревушки Грейзи, покряхтывая, взобрался на наспех сколоченный помост и обвел посохом собравшуюся вокруг немногочисленную толпу уцелевших обитателей поселка.

– Родичи! – откашлявшись, торжественно начал он. – Нам нужен новый жрец Отца-Волка. Предлагаю выбрать достойнейшего из числа учеников павшего в бою Кария…

Его речь прервал громкий искренний смех и веселый вопрос:

– Павшего в бою? Интересно, а удушение относится к героической гибели во время битвы?

Крестьяне завертели головами, ища того, кто осмелился столь дерзко перебить их старейшину.

– Не может быть… – жалобно прошептал кто-то.

И было отчего удивляться – на площадь неторопливо выходили недавние жертвы, живехонькие, веселые, довольные, с жестокими искорками в глазах. Они прошествовали к помосту по живому коридору, образованному расступившимися перепуганными кметами. Подбородок старейшины мелко задрожал и он покрепче вцепился в свой посох.

– Вас же забрал Отец-Волк! – дребезжащим голоском выкрикнул староста.

– Забрал, забрал, а как же, – согласился Конан. – Да только высыпали ему на небесах за такие проделки, а нас с почетом отправили обратно. Так что наше время умирать пока не пришло, а вот для вас настал самый денек расплачиваться с долгами, – и, хищно улыбнувшись побелевшему старику, варвар потянул меч из ножен.

Какая-то женщина истошно завизжала, бросившись бежать с площади. Ее пример оказался заразительным, и жители деревушки с воплями брызнули врассыпную.

Конан заметил в толпе того самого кмета, что сторожил его и которому варвар был обязан разбитым подбородком. С торжествующим воплем: «Попался!» он отшвырнул с дороги нескольких трясущихся от страха поселян и сгреб своего мучителя, попытавшегося скрыться, за ворот рубашки.

– А, не забыл? – удар в скулу швырнул посеревшего и что-то лепетавшего крестьянина на землю. Он бы с нее и не поднимался, но сильная рука оторвала его от нагретой солнцем шершавой поверхности и рывком поставила на ноги.

– Что ж ты такой хилый? – вслед за издевательским вопросом огромный кулак булыжником впечатался в живот кмета, согнувшегося пополам. Конан ухватил его за волосы и развернул лицом к себе, а затем нанес несколько быстрых прямых ударов, сломавших бедняге нос и превративших зубы в какое-то хрустящее крошево. На этом мучения вроде прекратились – киммериец выпустил свою жертву и просто стоял да смотрел, как его враг, скуля, ползет по земле и размазывает кровь по лицу. Впрочем, какой это враг? Так, придорожное дерьмо, о которое и меч пачкать жалко…

Крестьянин, задыхаясь, с трудом простонал:

– Пощади… У меня трое детей…

Клинок с легким шелестом покинул ножны.

– Встань! – потребовал Конан. – Прими смерть как мужчина, а не как баба!

Кмет вместо этого еще крепче прижался к земле, бормоча окровавленными губами мольбы о пощаде. На краткий миг в душе киммерийца шевельнулась жалость, но

незамедлительно погасла, когда он вспомнил, сколько хороших воинов погибло, из великодушия или глупости сохранив жизнь побежденным. Он и сам однажды поплатился, пощадив предводителя разгромленной разбойничьей шайки Ольгерда. Поэтому варвар пнул корчившееся на земле и жалобно подвывавшее существо, повторив:

– Вставай, или я зарублю тебя, как бешеную собаку.

Видимо, в душе кмета что-то перевернулось, потому что он медленно поднялся, вытер рукавом кровь и выпрямился, смотря потухшими глазами в небо над головой киммерийца. Конан одобрительно кивнул и взмахнул мечом…

– Папочка! – к неподвижно замершему крестьянину с громкими рыданиями подбежала встрепанная девочка лет десяти и крепко прижалась, обхватив его ноги. Тот дернулся, попытался оторвать ребенка от себя, затем прошептал ей что-то. Девочка, не слушая, повернулась и подошла к застывшему с занесенным для удара мечом киммерийцу. Она казалась по сравнению с ним такой маленькой, но решительности ей было не занимать.

– Убей меня, северянин, – отчетливо произнесла она. – Мой папа виноват перед тобой, он был жесток, но ты отплатил ему тем же. Не убивай его, возьми лучше меня.

– Доченька… – запричитал кмет и кинулся к неподвижному варвару. Тот без замаха двинул ему навершием рукояти в лицо, отбросив в пыль, а затем убрал меч в ножны за спиной.

– Беги домой, – Конан подтолкнул девочку к выходу с площади. – Не буду я убивать твоего папу… и вообще, хватит на сегодня крови.

Девочка подчинилась, но, уходя, постоянно оглядывалась назад – выполнит ли страшный варвар свое обещание? Конан сплюнул, с досадой пнул лежавшего на земле крестьянина и отправился искать кого-нибудь из своих. Попадавшиеся ему на дороге жители Грейзи шарахались к стенам домов, бормоча молитвы и избегая даже встретиться взглядом с мрачным киммерийцем.

Возле помоста валялся труп старейшины с посиневшим лицом и вывалившимся языком. Рядом лежали обломки расщепленного посоха. Конан брезгливо обошел его, поддав обломки носком сапога, завернул в первую попавшуюся улицу и столкнулся с жизнерадостно ухмыляющимися братьями-гандерами и Велланом, бережно прижимавшим к себе спасенную лютню.

– Ты не представляешь, Конан, – восторженно заорал бритуниец, завидев варвара, – как я отвел душу на этом, с позволения сказать, музыканте!

– Ты убил его? – перебил киммериец.

– Не я, Гильом, – мотнул головой Веллан. – Оказывается, у него тоже есть слух!

– А кто прикончил старейшину? – поинтересовался Конан.

– Эрхард. Как он его душил! М-м-м… – Веллан восхищенно закатил глаза и взял на струнах торжественный аккорд. – А Эртель носился вокруг и кричал, что с них можно ваять статую «Карающее Правосудие».

– …На что десятник отвечал, что сейчас покончит с этим мерзавцем, и можно будет приступать ко второй статуе – «Смерть не в меру болтливого племянника от руки любящего дядюшки», – добавил Гарт.

– А где остальные? – спросил варвар, хмыкнув и представив себе восхитительное зрелище, которое он упустил, разбираясь с этим недоумком.

– Собираются у дороги, – и Веллан зашагал впереди, наигрывая на лютне какую-то развеселую песенку. Гандеры увлеченно подтягивали.

На околице Грейзи отряд поджидал несколько приунывший Эртель. Видимо, десятник все же вздул ехидного родственника, сполна отомстив за все шуточки, отпущенные во время вынужденного сидения на елке. Эртель вызвался показывать дорогу в поселок, и все гурьбой потянулись за ним, с хохотом вспоминая, как отомстили своим обидчикам. Конан оказался последним и шел молча – он никак не мог выкинуть из головы мысли о трусливом кмете и его маленькой дочке. Правильно ли он поступил?..

Киммериец задумался, не услышав, что его окликнули и очнулся только после чувствительного тычка в бок.

– Конан, ты чего примолк? Или спишь на ходу? – Эрхард откашлялся и смачно высморкался, но, так и не дождавшись ответа, повторил свой вопрос: – Что ты сделал с тем ублюдком, что надавал тебе по морде?

– Я его отпустил, – буркнул варвар, пристально разглядывая темно-зеленые ели, растущие по левому краю дороги. Эртель и Веллан переглянулись и насторожились, как почуявшие дичь гончие.

– И правильно сделал, Конан! – провозгласил Эртель. – Ты только подумай, может, где-нибудь на Серых Равнинах тебе зачтется единственный добрый поступок, совершенный за твою долгую и кровавую жизнь, и тебя переведут в местечко поуютнее…

– Хотя на полное прощение можешь не рассчитывать, – подхватил Веллан. – Тысячи загубленных тобой душ будут громко вопиять и умолять запихнуть тебя в самое пекло…

Они могли продолжать так до бесконечности, поэтому Конан очень вежливо поинтересовался у Веллана, не хочет ли тот испытать на своей голове твердость новоприобретенной лютни, а Эртеля ласково обнял за шею, отняв у бедняги возможность сказать хоть слово. Только когда впереди показались бревенчатые избы, киммериец отпустил пыхтевшего Эртеля, дав на прощание хороший пинок под зад и сопроводив его словами:

– Не позорить же тебя перед семейством.

– Вот спасибо, Конан, – освобожденный отвесил варвару шутовской поклон. – Век буду помнить и детям накажу!

Киммериец с грустью подумал, что бабников, пьяниц и насмешников исправит только могила (да и то вряд ли) и махнул на Эртеля рукой.

* * *

Деревня мало отличалась от соседствующей с ней Грейзи, во всяком случае внешним обликом – такие же крепкосрубленные дома, крытые дранкой и соломой, маленькие оконца – по два на каждой стене – затянуты бычьими пузырями, высокие частоколы и добротные ворота.

Зато люди были гораздо приветливее. Многие выбегали из домов поздороваться с Эрхардом, десятник важно кивал в ответ, приглаживал усы и бормотал:

– А меня еще здесь помнят…

Доведя отряд примерно до середины села, Эртель свернул в небольшой переулочек, остановился перед дубовыми створками и звонко выкрикнул:

– Эй, там, открывайте! Мы голодные!

– И грязные, – добавил Веллан, с сожалением мотая своими некогда светло-золотистыми волосами. Побывав в грязи, они посерели, а кое-где слиплись от крови в болтающиеся колтуны.

За воротами засуетились, послышался скрип вытаскиваемого засова, две половинки величественно и медленно распахнулись, а один из встречавших гостей тройняшек приглашающе махнул рукой. Воины вошли во двор и толпой подошли к дому, выглядевшему куда менее ухоженным, чем прочие строения в деревне. Крыльцо подгнило, балки почернели, и только кто-то время от времени заботливо латал крышу, чтобы не протекала.

– Твой? – поинтересовался Конан у Эрхарда, кивнув на дом.

– Мой, – печально вздохнул десятник. – Десять лет я здесь не был… Десять слишком долгих лет.

На крыльцо дома вышла Селена в переднике и с большой деревянной ложкой в руке. Девушка помахала отряду и крикнула:

– Идите мыться! Там для вас приготовлена чистая одежда, а это барахло простирните и повесьте у пруда. Если дождя не будет, – она суеверно сплюнула, – завтра все высохнет. Пока управитесь, и обед будет готов.

– Ну, ребята, сейчас вы узнаете, что такое настоящая баня, – предвкушая удовольствие, пообещал Эрхард.

– Как-то я уже мылся в бане у одного из ваших кланов… – начал было Конан, но Эртель, скривив губы, презрительно бросил:

– Да разве это мытье? Сидят все в одной бадье, время от времени бросают туда горячий камень… А у вас, в Киммерии, вообще никогда не моются!

Конан слегка обиделся на подобное неуважение к своей родине, но решил не связываться с болтуном – ведь Эртель именно этого и дожидается.

Небольшой черный домик с одним крохотным оконцем, без видимого дымохода и трубы над крышей, стоял несколько на отшибе, за прудом, в тени двух огромных дубов. Все хозяйственные постройки – хлев, сараи для сена и зерна – находились в сотне шагов от него.

– Далеко же вы ее спрятали, – хмыкнул Веллан, первым открывая маленькую дверь и, согнувшись, прошел в предбанник. – Ого, нас кто-то опередил! – сообщил он, показывая на аккуратно сложенную одежду.

В предбаннике вдоль стен были расставлены широкие лавки, а слева от входной двери находился стол. Напротив располагалась еще одна дверь, ведущая в саму баню. Эртель немедленно заглянул туда и доложил:

– Там ваши спасители Вальсо отпаривают. Если он и после этого не выздоровеет – остается только его прикончить, чтобы не мучился… Раздевайтесь, чего стоите!

Первым с этой задачей справился Эрхард, швырнул свое барахло в большую корзину под столом и нырнул в парную. Оттуда сразу послышался его возмущенный голос:

– Брысь отсюда! Вы и так уже сколько здесь торчите!

Из парной, толкаясь и хихикая, вылетели тройняшки-оборотни. Конан вспомнил, что так и не спросил, как их зовут, но исправить это упущение не успел – парни быстро оделись и выскочили наружу.

Один за другим за маленькой дверью исчезли Эртель, Эмерт, неразлучные гандеры и Хальмун. Веллан, широко распахнув дверь и стоя на пороге, восторженно застонал:

– Боги, сколько ж я в хорошей бане не мылся!

Конан остался последним – он никак не мог разобраться со своими вещами, а особенно

с мечом, который некуда было повесить. Из-за двери доносились веселые вопли, плеск разливаемой воды и хлесткие удары. Происхождение большинства звуков было понятно, но удары несколько озадачили киммерийца, никогда не бывавшего в настоящей британской бане, и он, раздраженно пошвыряв одежду, осторожно приоткрыл дверь.

Его глазам открылась довольно большая комната с закопченными стенами с грудой раскаленных камней – очагом – в центре. Рядом стояли два пузатых бочонка, над одним поднимался пар, скапливаясь под потолком в медленно перемещавшиеся клубы. Вдоль стен шли широкие трехъярусные лавки-полки. Воздух был таким горячим, что даже привыкший к раскаленному дыханию пустынь варвар поначалу едва не задохнулся, но через некоторое время привык и огляделся.

На одной из полок Эрхард наяривал веником из дубовых листьев своего любимого племянника, а тот слегка подвывал от удовольствия. Заметив мнущегося у порога киммерийца, десятник хмыкнул и окликнул его:

– Конан, не стой как столб, бери ушат, делай себе воду по вкусу и иди сюда. А ты вставай, нечего разлеживаться! – и Эрхард шлепнул младшего родственничка веником по голове.

Конан, следуя совету, набрал полный ушат горячей воды и залез на полок рядом с Эрхардом.

– Э-э, нет, – помотал головой десятник. – Воду поставь на второй полок, моются обычно там, отдыхают на первом, – тут он наклонился к лежавшему на нижней лавке зингарцу и озабоченно позвал: – Вальсо, ты еще живой?

Получив слабый, но несомненно утвердительный кивок, Эрхард продолжил:

– А парятся на третьем… Эртель, я же сказал – сгинь! Иди мыться, а я пока займусь этим бестолковым варваром. Давай ложись! Эй, кто-нибудь, поддайте парку!..

Конан блаженно вытянулся на гладком отполированном дереве, а десятник начал охаживать его веником. Волны раскаленного воздуха приятно горячили тело, выгоняли из него усталость и хворь, все мышцы расслабились…

Когда варвар, пошатываясь, выбрался из парной, ему показалось, что он заново родился. Кожа была протерта почти до дыр и стала гладкой, как у младенца, а пропарили его почти до костей.

«Да, – мысленно согласился киммериец с утверждениями Эрхарда и Веллана, – настоящее мытье все-таки только в бане…»

На столе в предбаннике кроме свертков с чистой одеждой появилось и еще нечто новенькое – пузатый запотевший жбан и большая деревянная кружка. Конан вышел первым, остальные еще мылись, а потому бочонок сейчас целиком принадлежал ему. Варвар приподнял крышку и осторожно понюхал – так и есть, отличное ячменное пиво!

Налив себе полную кружку, Конан плюхнулся на лавку и подумал, не окунуться ли в пруд? Вон Эртель и Хальмун несколько раз бегали туда-сюда…

Пока он так размышлял, потягивая горьковатый терпкий напиток, дверца парной приоткрылась и оттуда высунулась мокрая и взъерошенная голова Эртеля.

– Ребята, варвар уже пиво хлещет! – возмущенно заорал он. – Давайте быстрее, а то нам ничего не достанется!

В предбаннике тут же стало тесно и шумно. Все толкались и лезли к жбану, возникла маленькая потасовка – Эртель и Веллан совместными усилиями попытались отобрать у Конана кружку, но им не повезло и пришлось пить прямо из бочонка.

Аккуратно разложенные свертки кто-то предусмотрительно пометил клочками пергамента с именами. Так как читать умели не все, Эртель начал их раздавать, а точнее – быстро разбрасывать, нарочно путая всех. Конану досталась домотканая серая рубаха, куртка из оленьей кожи с бахромой и такие же штаны. Само собой, никто и не подумал выстирать свою старую одежду – Эрхард велел бросить все в корзину, а потом он пришлет служанку заняться этим барахлом.

В доме уже было все приготовлено для встречи гостей. В трапезную вытащили большой длинный стол, на котором чего только не стояло: запеченный целиком молочный поросенок и зажаренный на вертеле вепрь, тушеная под чесночным соусом оленина и куриные котлетки, суп из потрохов и жареные с луком грибы, ячменные хлебцы и пирожки со всевозможной начинкой… Возле каждой тарелки возвышались два кувшина с разными сортами пива. Вина оказалось немного – всего пять бутылок на весь стол.

Селена, как хозяйка, заверила всех, что еда на столе будет пополняться, а пива у них восемь сортов и каждый может наполнить опустевший кувшин из бочек в углу. Дальнейшие ее слова потонули в громком чавканье и хрусте – отряд набросился на еду.

Первым делом Конан отрезал себе хороший кусок вепрятины и, полив ее сверху всеми соусами и приправами, до которых смог дотянуться, запихнул в рот. Следом отправился пирожок с печенкой, затем порция котлеток, оленина… Все это заливалось огромным количеством пива, потому что варвар постоянно наведывался к бочкам и перепробовал все сорта. Самое непривычное блюдо – грибы – он оставил на закуску, но, когда потянулся деревянной лопаткой к огромной миске, выяснилось, что кто-то уже успел очистить ее до блеска. Это печальное открытие слегка испортило Конану настроение, но ухмылявшийся Эрхард шепнул что-то Селене и вскоре перед киммерийцем оказалась тарелка, полная грибов. В качестве благодарности Конан чмокнул Селену в щеку и даже не заметил, как она смутилась.

Наконец, желудки были набиты доверху, так что сама мысль о том, чтобы съесть хоть что-нибудь, вызывала отвращение, и начались светские беседы, изредка прерываемые рыганьем и ковырянием в зубах.

Конана больше всего интересовало происхождение оборотней и он попытался расспросить об этом тройняшек, выяснив наконец их имена – Хеврилл, Марен и Ренделл. Правда, варвар все время их путал и не слишком понял, почему близнецы живут в доме Эрхарда – своего, что ли, завести не могут?

Ренделл, выглядевший наиболее серьезным из братьев – именно он сыграл роль Отца-Волка для жителей Грейзи – взялся объяснить настойчивому и слегка окосевшему киммерийцу историю появления на свет рода оборотней.

– Понимаешь, Конан, – начал оборотень, не забывая подливать себе и собеседнику, – существует такая Книга Начал, по которой мы молимся нашему Создателю. Она гласит… – Ренделл слегка задумался, а затем нараспев произнес: – «Был день и создал Творец землю, был второй день и создал он различных животных, птиц и других тварей земных, и был третий, когда явил Создатель богов и сказал: „Вот чада мои возлюбленные, они будут править созданным мною миром.“ Тогда встал среди богов один, светлый ликом, и сказал: „Некем нам править, ибо на земле нет тварей, обладающих разумом, сходным с нашим.“ „Хорошо, – молвил Создатель. – Я создам по вашему образу и подобию ваших подданных – людей“. Уф!..

Оборотень остановился перевести дух и отхлебнуть из своей кружки, а

заинтересовавшийся Конан спросил:

– Значит, боги, как и мы, люди – творение одной Силы?

– Ага, – кивнул Ренделл. – Легенды приписывают создание людей Митре, но это не так – Митра лишь попросил сотворить людское племя.

Киммериец подумал над услышанным, решил, что такую любопытную историю стоит на всякий случай разузнать до конца и запомнить, а потому нетерпеливо спросил:

– И что было дальше?

– Люди расселились по всей земле и вскоре в гордыне своей перестали почитать богов, – неторопливо продолжил рассказ оборотень. – Разгневался Создатель и сказал: «Сотворю я тварей, схожих обликом с людьми и волками – врагами их. И пусть они станут моей карающей дланью!» Так и произошло. На свет явилось племя оборотней, и долгое время по слову Создателя они уничтожали людей, а те не могли противостоять им. Тогда видевший это Кром спустился с небес и долго беседовал с вождями могучего народа, из которого вышли потом твои сородичи, киммерийцы. Я не помню названия этого народа, – извиняющимся тоном добавил Ренделл. – Это было давно, еще до Великого Потопа и основания Валузии, и наши сказания не сохранили его. Так вот, Великий Кузнец решил помочь людям и выковал из металла, сияющего как звезда, прекрасный меч. Он покрыл клинок рунами богов и даровал ему часть своей Силы, а еще наложил заклятье – только потомок этого сгинувшего народа, давно ушедшего на Серые Равнины, сможет пробудить Силу меча. А свойство этого оружия было таково, что в присутствии превращенного волка или полуволка и любого другого колдовского существа он начинал сиять. Имя мечу было Рангильдор, что в примерном переводе означает «Звезда, срывающая маски». Кром передал этот меч в дар вождю людей и оборотни начали терпеть поражение за поражением…

Ренделл прервал рассказ ради нового глотка и, заметив неподдельный интерес киммерийца, завершил свой рассказ:

– Узнав об этом, Создатель разгневался на Крома… Но простил, потому что боги были его созданиями и он сам даровал им свободу воли. Создатель освободил оборотней от своей власти, сказав: «Теперь вы свободный народ и вольны поступать так, как считаете должным.» Оборотни решили установить мир с людьми, и так было, хотя люди не забыли и не простили нам тех времен, когда оборотни были Карающей Дланью Создателя и ненависть к нашему роду живет в ваших сердцах по сей день… Вот так, – оборотень печально вздохнул и опрокинул остатки пива себе в рот.

Конан с некоторым недоверием покосился на свой меч, сейчас прислоненный к стене. Да нет, не может такого быть… Может, это какая-то поздняя искусная подделка, созданная могущественным колдуном и умелым мастером?

– А нельзя… м-м… почитать эту вашу Книгу? – осторожно спросил киммериец, подливая оборотню пива. – Или хотя бы посмотреть на нее?

– Нет, – Ренделл замотал головой. – Кром запрещает давать ее кому-нибудь… А особенно тебе!

Конан решил, что ослышался, пристально посмотрел в слегка помутневшие от количества выпитого зеленоватые глаза оборотня и переспросил:

– Кром запрещает?

– Ага! – размашисто кивнул головой Ренделл и, сложив руки на столе, пристроил на них голову, пробормотав: – Так что извини, я тебе больше ничего не скажу…

– Знаешь, ты перепил, приятель, – сочувственно сказал ему варвар. – Я и сам в

молодости напивался до того, что богов видел… Проспись, полегчает. Кстати, Эрхард, а спать мы тоже здесь будем?

– Почему здесь? – удивился десятник, прихлебывая пиво. – Для каждого приготовлена комната… А ты уже спать хочешь?

– После такой бани и такого ужина? – удивился Конан. – Я уже сплю, а что, незаметно?

– Давай я тебя провожу, а то заблудишься еще, – в трапезной откуда-то появилась Селена, встав за стулом киммерийца и слегка насмешливо улыбаясь.

– Проводи, – согласился варвар, с трудом поднимаясь. – Все, с меня хватит, всем счастливо, а я пошел спать…

Конан и девушка вышли из комнаты, прошли по длинному темноватому коридору и остановились у второй с конца двери.

– Пришли, – тихо сказала Селена. – Вот твоя комната.

– А чья последняя? – поинтересовался варвар, толкая створку.

– Кажется, того забавного бритунийца, Веллана… Конан!

– Что? – он обернулся, и девушка, встав на цыпочки, крепко поцеловала его в губы. Киммериец и сам не заметил, как его лапы легли на ее крепкие ягодицы. Селена еще сильнее прижалась к его могучей груди, едва не мурлыкая от удовольствия. Буркнув «Сама напросилась, потом не жалуйся…», Конан подхватил ее на руки и пинком распахнул дверь.

…Слегка заплетающейся походкой по коридору протопал изрядно нагрузившийся Веллан. Возле двери в комнату Конана он внезапно остановился, подозрительно повертел головой, затем наклонился к щели возле косяка и внимательно прислушался. Из-за двери доносились приглушенные, но весьма недвусмысленные стоны. По лицу бритунийца расплылась ехидно-понимающая ухмылка и он пьяно икнул, качнувшись вперед.

– Похотливый буйвол, – вполголоса пробормотал Веллан, заходя в свою комнату. – И почему на него все бабы вешаются? А мне теперь всю ночь напролет слушать, как они там веселятся…

* * *

Утром Конан лежал на мягком, набитом свежей соломой тюфяке, и с довольной мордой кота, до отвала налакавшегося хозяйских сливок, потягивал темное пенистое пиво из большой кружки.

Селена ушла рано утром, но варвар знал – следующей ночью она снова вернется сюда… Ну хоть одно хорошее событие за все время, проведенное в Пограничье! Кто ж знал, что у них тут водятся не только жуткие оборотни, но и такие красавицы…

Приятные мысли о приятных вещах грубо нарушил Веллан, без стука распахнувший дверь и остановившийся на пороге, привалясь к косяку. На его лице блуждала тихая и светлая печаль.

– Варвар, варвар, – с глубоким вздохом начал бритуниец. – Какая же ты все-таки самолюбивая скотина… Ни капли не заботишься о самочувствии других. Я, например, всю ночь не мог заснуть. Как ты думаешь, почему?

Сегодня утром Конан был готов вытерпеть хоть сотню подначек Веллана, а потому

осклабился и передразнил полный неподдельной скорби тон бритунийца:

– Ну прости меня, Веллан, пожалуйста… Вон, залей свое горе пивом, там еще осталось.

– Только потому, что ты мой друг, – Веллан с видом крайнего одолжения вошел в комнату, ухватил почти полную кружку и несколькими глотками осушил ее. На самом деле объевшийся за вчерашним ужином бритуниец спал как сурок и не слышал ни звука, но упустить такой случай поострить над приятелем он просто не мог…

– Кстати, пока ты еще здесь, – варвар отобрал кружку и наполнил ее из стоявшего рядом глиняного кувшина. – В третий раз тебя спрашиваю, и ты мне наконец ответишь. Почему ты спрятал кольчугу, тогда, возле пещеры оборотней?

– Теперь это не важно, – отмахнулся сразу погрустневший Веллан и направился к двери. На пороге он остановился и, помявшись, неохотно выдавил: – Предчувствие у меня было. Тоска такая навалилась, думал – скоро погибну и стало все равно, как умирать. А оказалось, судьба на Илмайнене крест поставила…

– Слушай, – киммериец заинтересовался и сел в кровати. – А смерть Ранна ты тоже предчувствовал?

Веллан мрачно кивнул:

– Да.

– А больше ты ничего не чувствуешь? – допытывался Конан.

– Пока нет… – бритуниец задумчиво поскреб небритый подбородок. – Разве что твою скорую и мучительную погибель от чрезмерного потребления прокисшего пива и бурных развлечений с девушками… – он успел выскочить за дверь раньше, чем Конан подхватил с пола сапог и запустил его в неисправимого насмешника. По коридору простучали быстрые удалявшиеся шаги и приглушенный смех. Варвар вздохнул, поняв, что сейчас всему отряду станет известно, как и с кем он провел ночь, и задумался над почти неразрешимым вопросом – вставать или не вставать?

Наконец, он решил все-таки подняться. Его одежда, уже выстиранная и высушенная, висела на стуле у кровати. Киммериец посмотрел на свою старую рубаху и решил, что ею только полы мыть. Она была латаная-перелатаная и от долгого употребления потеряла исходный белый цвет, приобретя взамен непонятный серый оттенок, с разводами от пролитого пива и пятнами жира. Скомкав и отшвырнув ее в угол, варвар посмотрел на полученную вчера рубашку. Она ему тоже не понравилась.

Пришлось лезть в дорожный мешок, рыться в нем, пока на свет не была извлечена превосходная белая шелковая рубаха со складчатым вырезом на груди, сохранившаяся еще со времен корсарства в Кордаве. Команда его корабля над такой одежкой покатывалась со смеху, однако Чабела, принцесса и любимая дочка короля Зингары Фердруго, на полном серьезе утверждала, что подобные вещи ему очень идут. Мнению и вкусу принцессы Конан доверял несколько больше, чем заявлениям собственной команды…

Сравнив свои старые и новые штаны, киммериец сделал выбор в пользу последних. Беготня минувших дней доконала даже прочную выделанную кожу, и теперь они тоже годились разве на коврик для ног. Старье отправилось в угол комнаты вслед за рубахой. А вот новую куртку Конан убрал до лучших времен. Старая была куда удобнее, и еще вполне прочной.

Перетянувшись широким поясом с кинжалом и повесив за спину меч, варвар со вздохом сожаления покинул спальню. Отряд в полном составе сидел в трапезной и, похоже, подозрения Конана о стремительном распространении слухов полностью оправдались – его

встретили заговорщицкими подмигиваниями и ухмылками.

Стол занимали остатки вчерашнего пиршества и варвар, как голодный волк, накинулся на них. Эртель некоторое время наблюдал за ним, а затем восхищенно покачал головой:

– Ел бы помедленнее, киммериец, а то еще подавишься, а нам тебя спасать…

Тот пробурчал в ответ что-то неразборчивое и отмахнулся.

– Не будем ждать, пока он нажрется, – предложил Эрхард. – Вопрос сейчас один – что делать дальше?

Конан наконец справился с куском холодной оленины.

– Что делать, что делать? – передразнил он десятника, вытирая рот рукавом. – Возвращаться на развалины вашего дворца, что же еще! Пожалуемся на неуловимость оборотней, похвастаемся уничтожением шайки, может, деньжат перепадет. Тем временем оборотни опять где-нибудь объявятся, там мы их и прихлопнем!

– Тогда когда уезжаем? – зевнув, спросил Хальмун.

– Сегодня же, – пожал плечами Конан. – Чем раньше, тем лучше.

С этим все согласились – делать в затерянной среди глухих лесов деревушке действительно было нечего.

– Эрхард, у тебя лошади на всех найдутся? – уточнил Веллан.

– Найдутся, – кивнул десятник. – У соседей попросим. Идите в конюшню, выбирайте.

– Я поеду с вами, – раздался звонкий девичий голосок и на пороге появилась Селена в зеленом мужском костюме, который, впрочем, был ей весьма к лицу. У пояса покачивалась изогнутая сабля, за плечами торчал небольшой лук. Эрхард вытаращил глаза и не совсем уверенно заявил:

– Об этом не может быть и речи, дочка!

– Почему, дядя? Я умею ездить верхом и сражаться, – упрямо топнула ногой девушка. – И я хочу быть рядом с Конаном!

– Та-ак, – протянул десятник, нехорошо сузив глаза. – Вот оно что… Ну-ка, киммериец, выйдем на пару слов. А ты здесь сиди! – грозно прикрикнул он на увязавшуюся следом Селену.

Они вышли во двор и Конана сразу же с размаху приложили спиной к бревенчатой и оказавшейся очень твердой стене дома.

– Признавайся, сволочь, – разъяренной коброй зашипел Эрхард. – Ты спал с моей племянницей?

– Да, ну и что здесь такого? – недоуменно отозвался киммериец и сразу же получил прямой удар в челюсть, сваливший его на землю.

– Давно мечтал это сделать, – с мрачным удовлетворением сказал десятник, потирая кисть, и прицельно сплюнул, попав рядом с сапогом варвара. – Это ж надо, соблазнил невинного ребенка!

Конан сел, помотал головой, пошевелил челюстью, убедился, что все зубы на месте, а услышав последние слова Эрхарда, расхохотался:

– Невинного? Не знаю, с кем она потеряла девственность, но это точно был не я!

– Что?! – заорал побагровевший Эрхард. – Вот стерва!

– Это он о ком, о моей милой сестричке? – поинтересовался Эртель, выводя из конюшни гнедого жеребца. – Дядя, я тоже давно не девственник, что же ты не возмущаешься?

– Да пошел ты… – уныло отозвался расстроенный десятник. – Все бабы шлюхи…

– Не все, – Конан наконец поднялся, отряхнулся и обратился к Эрхарду:

– Кстати, за мной долг.

– Какой? – равнодушно удивился десятник и получил в нос, так что перед глазами запорхали разноцветные искры, а земля поплыла куда-то в сторону.

– Уже никакой, – варвар направился в конюшню, а Эртель злорадно захихикал.

– И все северяне – сволочи, – вытирая хлынувшую из носа кровь, заключил Эрхард.

Избавиться от присутствия Селены ему так и не удалось, и теперь десятник только вполголоса ругался сквозь зубы, когда видел едущую рядом с Конаном племянницу. Однако никаких обид на варвара он не держал – в конце концов, обмен ударами был взаимным, а Селена уже взрослая девушка, способная сама решать, чего ей хочется.

– …Конан, а ты не можешь на мне жениться? – осторожно поинтересовалась Селена. На лице киммерийца появились признаки напряженной умственной работы. Он долго морщил лоб, чесал в затылке и, вздохнув, честно признался:

– Наверное, нет, – но, видя, как огорчилась девушка, добавил: – Во всяком случае пока. Я еще не хочу связывать себя семейными узами…

– Понятно, – разочарованно протянула Селена и отвернулась. Ну что ж, придется ей пока довольствоваться скромной ролью подружки. В конце концов, это тоже немало.

Дорога то бежала по равнине, то ныряла в небольшие перелески, то взбиралась на пологие холмы. Светило солнце, вот уже три дня не выпадало ни капли дождя, зато начало подмораживать. Осень клонилась к закату и медленно, но неуклонно вступала в свои права свирепая зима полуночных стран.

Киммериец с тревогой размышлял о том, что ему вовсе не хочется застрять здесь до весны. Зимой оборотни наверняка впадут в спячку – чего им носиться по непролазным снегам – а им, отряду охотников, что же, сидеть и ждать? Нет, надо гнать от себя такие мысли, лучше думать о девушке, скачущей справа от тебя, или о волшебном мече за спиной…

А с этим мечом выходит еще худшая заморочка, чем с запугавшими все Пограничье оборотнями. Сегодня утром Конан разыскал страдающего с похмелья Ренделла и попытался еще раз выспросить про ту таинственную Книгу, о которой толковал оборотень. Парень искренне удивился и заявил, что понятия не имеет, о чем вчера разговаривал с киммерийцем, а Книга Начал или Книга Бытия считается давно утерянной и почти легендарной реликвией его рода, но ни его дед, ни прадед, ни даже дед прадеда не держали ее в руках… Варвара все это сильно озадачило. Конечно, они все вчера изрядно выпили, но Ренделл совсем не производил впечатления пьяного в стельку и разговаривал вполне разумно и связно.

Долгие размышления в дороге упрямо возвращали Конана к мысли, которую он постоянно гнал, считая ее последствием вчерашних чрезмерных возлияний…

А на ум ему лезло не больше, не меньше, как такое невероятное предположение, что вчера устами Ренделла с ним говорил сам Кром! Тогда получается, что за плечами у него болтается тот самый Рангильдор – «Звезда, срывающая маски». Конан упорно не желал верить в подобный бред и даже шлепнул себя по щекам в тщетной надежде отогнать дурные мысли.

Веллан, увидев, чем занимается варвар, тут же подъехал и предложил свои услуги, на что киммериец ласково попросил его:

– Уйди с глаз моих, паскудник.

– Ну и пожалуйста! К нему со всей душой, а он… – и бритуниец, сделав обиженное лицо, придержал коня и поехал рядом с Хальмуном, что-то ему втолковывая.

Все было прекрасно, пока на дорогу перед отрядом не выскочил… оборотень.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой Конан в очередной раз убеждается, что и оборотням иногда не везет

Жуткое существо, похожее на причудливую помесь волка и человека, с хрустом проломилось сквозь густой подлесок, запнулось и с размаху шлепнулось на пожухлую траву. Некоторое время оборотень просто лежал, уткнувшись мордой в шелестящую сухую поросль и тяжело, с хрипом и свистом, дышал, широко открыв клыкастую пасть. Полежав, полузверь с трудом поднялся, все время оглядываясь по сторонам, и поковылял к дороге, где замерли изумленные всадники. Сил на бег, видно, у него уже не оставалось, да и выглядела лесная тварь неважно – в серой клочковатой шерсти запутались опавшие листья и всякий мусор, кое-где виднелись бурые пятна крови, правая лапа зажимала глубокую рану в боку… В желтых глазах оборотня застыло отчаяние, смешанное с усталостью, длинный язык вывалился из пасти, как у загнанной до полусмерти собаки, с него срывались клочья пены. Чудовище, казавшееся не страшным, а несчастным и донельзя замученным, выкарабкалось на тракт, перепугав захрапевших лошадей, и ухватило Эрхарда за стремя.

– Помогите, прошу вас… Они хотят меня убить… – хриплый дрожащий голос оборотня все время переходил на шепот.

– Кто? Люди? – спросил донельзя удивленный десятник, сдерживая своего заплясавшего на месте вороного.

– Нет… – простонало существо и, не в силах больше держаться на ногах, выпустило стремя и упало прямо посреди дороги. – Оборотни…

Подъехавший поближе Конан сразу схватился за меч, собираясь прикончить неизвестно откуда свалившуюся на головы отряда тварь, но Эрхард жестом остановил его.

– Ну-ка быстренько расскажи, с чего это твои дружки гоняются за тобой, – несколько надменно потребовал десятник. – Тогда мы, может, и поможем…

Оборотень не обратил никакого внимания на снисходительный тон человека. После беспросветной тьмы и безжалостного преследования перед ним мелькнул робкий лучик призрачной надежды на спасение, и он, задыхаясь и хрипя, сбивчиво заговорил:

– Поймите меня правильно, люди – мне еще нет и двадцати… В таком возрасте жаждешь приключений и славы… Когда меня позвали в боевой отряд, я был счастлив, как никогда в жизни! Но когда мне пришлось ночью нападать на ни в чем не повинных людей, резать их скот, а потом есть… – оборотня передернуло от отвращения. – А наш Главный требовал, чтобы мы убивали все больше и больше…

– Кто такой Главный? – перебил Эрхард.

– Не знаю, – жалобно сказал сидевший на земле полуволк. – Вожак нашей стаи, наверное, знал его, а мы были просто обычными охотниками…

– А как вам доставляли приказы? – немедленно встрял Конан.

– Иногда прибегали посланцы с письмами, где указывались места наших будущих нападений, а вожак отправлял с ними донесения о наших делах, – оборотень наконец отдышался и неуверенно поднялся на ноги. – А недавно всем стаям приказали быть как можно осторожнее – кто-то вырезал один из отрядов и не оставил после себя никаких следов…

Вокруг послышались приглушенные смешки, а Эрхард с гордостью проворчал:

– Знакомься, парень – это мы постарались.

– Не может быть! – замотал головой полуволк и с искренним ужасом покосился на окруживших его людей. – Сколько же вас было вначале?

– Одиннадцать, – хмыкнул Веллан. – Так чего ж ты сбежал от славы, герой?

– Они все требуют трупов! – резко отозвался оборотень, блеснув желтыми глазами. – А мне это опостылело! Я сказал, что ухожу из отряда и возвращаюсь домой. Но не тут-то было… Вожак заявил, что никто не может покинуть леса до полной победы. Я спросил, когда ж она случится, эта самая полная победа? А он встает в позу и с эдаким пафосом провозглашает, что вздохнуть свободно мы сможем только когда на земле не останется ни единого человека! Ни единого! – возмущенно повторил полузверь и оскалился. – Ну не безумец ли? А мне, знаете, неохота получить вилами в бок или стрелой в глаз! Меня поставили в караул, напарник мой задремал, так я в лес – и поминай как звали! Только мне не повезло – вожак решил посты проверить, заметил, что меня нет, и рванул в погоню… Один раз почти догнали, но я отбился… Вот и все, – существо жалобно посмотрело на раздумывавшего Эрхарда и осторожно поинтересовалось: – Вы меня не прогоните?

– Нет, – решительно отозвался десятник и повернулся к киммерийцу. – Вот нам удача и улыбнулась! Разобьем еще одну шайку, а если возьмем живым вожака – получим ценные сведения!

– Погодите, – робко вмешался оборотень. – За мной гонится вся наша стая… Там есть и такие же как я, поверившие словам о нашем предназначении… Настоящие одержимые – только вожак и трое таких же, как он, остальные давно хотят вернуться обратно, но боятся!

– Ты можешь их указать? – деловито спросил Эрхард. Оборотень поразмыслил и кивнул. – Замечательно! Мы попытаемся прихлопнуть ваших безумцев, а если ты образумишь своих приятелей, мы позволим им сбежать и отправиться по домам. Оружие к бою! – десятник вытащил меч из ножен и протянул все еще тяжело дышащему полузверю свой кинжал: – Нужно оружие – бери.

Существо взяло клинок, повертело в когтистых лапах, больше похожих на звериные, и вернуло обратно:

– Спасибо, я лучше сам как-нибудь…

Отряд спешился и выстроился полукругом, оставив за спинами лошадей и присматривавшую за ними Селену. Некоторое время стояла обычная лесная тишина, нарушаемая только редкими вскриками птиц и скрипом деревьев, но затем чуткое ухо Конана уловило примешивающиеся к ним потрескивание и хруст веток, издаваемые либо большим животным, таким как медведь, либо несколькими крадущимися по лесу людьми. Треск становился все отчетливее и громче: преследующая удравшего отступника стая стремительно приближалась.

– Идут, – вполголоса сообщил киммериец. Стоявший рядом Эмерт еле заметно наклонил голову, соглашаясь, и плавным движением положил на тетиву первую стрелу.

Подлесок расступился и на примыкающую к дороге поляну выступил первый гость – крупный полуволк с густой красивой шерстью пепельно-серебристого оттенка.

– Вожак, – возбужденным шепотом сообщил прятавшийся сзади оборотень.

Предводитель стаи остановился и, совершенно человеческим жестом заслонившись от яркого осеннего солнца, пригляделся к молчаливому строю в блестящих кольчугах. Следом за ним из лесной чащи бесшумными тенями вынырнули остальные – не меньше полутора

десятков зверюг в волчьем и полуволчьем обличьях. Они выстроились позади неподвижного вожака, недоуменно переглядываясь и обмениваясь тихими взрыкиваниями.

– Ваши одержимые здесь? – не оборачиваясь, чуть слышно спросил Конан.

– Да, – таким же шепотом ответил беглец. – Те, что стоят слева и справа от вожака, черные братья. И вон там, подальше, белый с горящими глазами… Он один такой уродился.

– Может, угостить их стрелами? – невозмутимо предложил боссонец, проверяя натяжение тетивы.

– Пусть первый шаг сделают они, – не согласился Эрхард. – Мы подождем, нам спешить некуда…

Конан был с этим совершенно не согласен – лично он торопился в Аквилонию – но промолчал.

Противостояние людей и лесных тварей тянулось довольно долго, и первой выдержка изменила оборотням. Один из черных братьев покосился на вожака, что-то негромко прорычал и, получив согласный кивок, выступил перед строем шагов на десять, прокричав:

– Эй, вы! Отдайте нашего сородича и катитесь на все четыре стороны!

– Ага, до ближайшего поворота, – негромко, но так, чтобы все услышали, дополнил Веллан. Кольчужная стена не ответила на предложение оборотня и не тронулась с места.

– Не хотят, – пожаловался черный полузверь, оборачиваясь к вожаку.

– Тогда умрут, – равнодушно пожал плечами вожак, не угрожая, а произнося очевидную истину – еще никто не выживал после атаки стаи оборотней. – Вперед!

Цепочка зверей и созданий на двух ногах, но с волчьими головами медленно двинулась через поляну с пожухлой и ломкой травой к тракту.

– Хорошо идут, ровно, – отметил десятник, поудобнее устраивая меч в ладонях.

– Только барабанов и флейт не хватает, – добавил Эртель. – И развернутых знамен. Ну, счас нас будут убивать.

– Чего ты дергаешься, не в первый раз, – хмыкнул Веллан. – Пора бы уже привыкнуть…

– Подойдут шагов на тридцать – стрелу перед вожаком, – распорядился Эрхард, оборачиваясь к боссонцу. – Продолжат выступать – вали белого.

Когда предупреждающая стрела затрепетала под ногами предводителя стаи, он остановился и с нескрываемой издевкой осведомился:

– Как я понимаю, шаг вперед карается смертью?

– Именно так, – крикнул в ответ Эрхард.

– Отдайте мне труса, что прячется за вашими спинами, и мы уйдем, – оборотень прижал лапы к груди и, усмехнувшись, повторил: – Да, мы уйдем.

– Нет, дорогой, – с преувеличенным сожалением отозвался десятник. – Он под нашей защитой и вы получите его только через наши трупы.

– Ну, это дело поправимое, – вожак оскалился, показав ряд белых клыков, однако его ухмылка несколько поблекла, когда Вальсо точно так же оскалился в ответ. Конан, к счастью, этого не заметил, зато увидел, что оборотень уже не кажется столь самоуверенным, как раньше. Некоторое время он явно колебался, решая – связываться с людьми или нет, потом резко мотнул головой, щелкнул челюстями и бросил ожидающей его решения стае:

– Так и так погибать… Вперед!

Его «так и так» несколько озадачило Конана, но времени на решение очередной загадки больше не оставалось. Оборотни перешли роковой рубеж в тридцать шагов и длинными прыжками понеслись к людям.

Почти сразу же свистнула стрела, и белый волк с коротким воем рухнул на землю, чтобы никогда с ее не подняться… Вторая стрела должны была достаться одному из черных братьев, но полузверь вовремя кувырнулся, уходя в сторону, и она пропала где-то в лесу… Третью Эмерту пришлось всаживать в упор, зато второй черный не успел увернуться и с пробитым сердцем рухнул под ноги боссонцу. Его родич, яростно взвыв, кинулся на самое, как ему показалось, уязвимое место в цепи – стоявшего без оружия киммерийца. Он представления не имел, насколько молниеносной может быть человеческая реакция и уже в полете успел мимолетно удивиться сверкающему лезвию, устремившемуся ему навстречу и глубоко засевшему в груди. Оборотень, визжа и обливаясь кровью, рухнул шагах в пяти от строя, отброшенный ударом варвара, и, судорожно дергаясь, начал превращаться в человека.

Остальная стая, и так не особо рвавшаяся в бой, остановилась, некоторые из лесных убийц начали нерешительно пятиться, косясь на спасительный и такой близкий лес. Лежавшее на земле существо окончательно сменило облик, оказавшись смертельно раненым молодым парнем, по виду бритунийцем. Он приподнял голову, бросив на отряд последний, полный жгучей ненависти взгляд, дернулся еще пару раз и затих навсегда.

Серебристый вожак, кусая узкие черные губы, с удивлением и суеверным страхом смотрел на переливающийся под солнцем меч. Наконец он поднял голову и обвел пристальным взглядом стоявших перед ним людей, точно пытаясь запомнить каждого.

– Вы убили моих лучших воинов, – медленно произнес он. – Можете праздновать победу, люди… но я еще вернусь! – с этими словами он резко развернулся и изо всех сил припустил к тихо шелестевшим голыми ветвями деревьям на опушке леса. Похоже, вожак рассчитывал на неожиданность своего рывка, но просчитался – Эмерт неторопливо поднял лук и две стрелы прошили ляжки убегающего полузверя. Вожак, истекая кровью, пробежал еще несколько шагов, затем у него подкосились ноги и он кубарем покатился по ломкой промерзшей траве.

– Нет! Назад, вернитесь!..

Отчаянный призыв раненого предводителя не был услышан. Стая, на бегу превращаясь в волков, не оглядываясь и не задерживаясь, врассыпную бросилась в лес. Спасенный оборотень опустился на четвереньки, за несколько мгновений принял облик волка, и, ужом проскользнув между ногами людей, бросился вслед за удиравшими сородичами.

* * *

Упавший вожак стаи попытался доползти до ближайших кустов, отталкиваясь руками и волоча за собой покалеченные ноги, но припустившие к нему Конан и Эрхард оказались быстрее. Варвар приложил к густой серебристой шерсти оборотня, попытавшегося с воплем увернуться, свой клинок. Существо забилось, из его пасти вырвался безумный рык, но поделать он уже ничего не мог – превращение творилось помимо его воли. Вскоре на траве, в бессильной ярости кусая собственные пальцы, скорчился светловолосый бритуниец с красивым, но жестоким лицом, сейчас искаженным болью и ненавистью.

– Добились своего? – почти провыл он, по-звериному оскалившись. – Все равно вы ничего от меня не узнаете!

– Брось, – отмахнулся Эрхард. – И не таким языки развязывали. Главное – найти подход к человеку правильный, – десятник ласково погладил оборотня по встрепанной шевелюре, тот дернулся и попытался его укусить, за что заработал пощечину.

– Я – не человек! – пронзительно завизжал бывший вожак, одновременно пытаясь отползти в сторону. – Я – карающая длань Создателя! Мир погряз в грехе, и только мы очистим землю, омыв ее кровью! Вы, низменная раса, не достойны жить на свете, и все умрете! Все! Все! – его голос сорвался и оборотень закашлялся.

– Не люблю безумных фанатиков, – Эрхард скорчил брезгливую гримасу.

– А кто их любит? – отозвался Веллан. – От таких, наверное, даже боги шарахаются…

– Я не безумен, – тихо, но упрямо повторил оборотень, глядя куда-то поверх людей. – А вы все умрете, когда Главному станет известно, кто напал на его охотников…

– Конечно, он чокнутый, – согласился Конан и язвительно поинтересовался: – И как же Главный узнает о твоей героической гибели? Думаешь, твои прихвостни со всех ног побегут к нему жаловаться? Да они счастливы, что избавились от тебя и могут рвануть по домам! А ты даже не надейся сбежать – будешь спать с моим мечом на горле!

Вожак посмотрел на стоявшего над ним варвара и неожиданно загадочно улыбнулся, пробормотав:

– Я убегу от тебя… Прямо сейчас…

– Держи ему руки! – завопил Эрхард, сообразив, что собирается сделать оборотень, но было уже поздно. Действительно, с пробитыми ногами далеко не убежишь, но дорога на кладбище может начинаться где угодно… Прежде чем киммериец бросился вперед и успел схватить вожака, тот вскинул руки и крест-накрест полоснул длинными когтями себя по шее. Короткий отвратительный треск рвущихся жил, еле слышный вскрик, хлынувшая волна ярко-алой крови и все кончено…

Конан поднялся на ноги и злобно пнул труп.

– Он все-таки сбежал! – варвар ткнул большим пальцем в небо. – Хоть туда, но сбежал!

– Скорее, туда, – Эрхард показал на землю. – Жаль… Он бы многое мог рассказать… И откуда только берутся такие ненормальные?

– Плевать, – отрезал Конан. – По крайней мере, одной шайкой меньше и людям спокойнее. Поехали отсюда, я, кажется, начинаю скучать по нашему королю…

Они вернулись на дорогу и забрались в седла. Крик «Подождите!» заставил уже тронувшийся с места отряд снова натянуть поводья. Из-за деревьев, размахивая руками, выскочил спасенный оборотень и подбежал к Эрхарду.

– Мы все возвращаемся по домам, – сообщил он, останавливаясь возле лошади десятника. – Спасибо вам… Вот, возьми, может, пригодится, – он сунул Эрхарду пачку перетянутых кожаным ремешком листов пергамента, поклонился отряду и рысью припустил обратно к лесу.

Десятник посмотрел ему вслед, хмыкнул, развязал ремешок и начал быстро просматривать бумаги. Закончив, разочарованно пожал плечами и сунул их в седельную сумку.

– Что там? – поинтересовался Конан.

– Похоже, второй по счету архив, – отозвался Эрхард. – Приедем – разберемся подробнее. На первый взгляд – ничего полезного…

– Надеюсь, больше на нас ничего не свалится и нам никого не придется спасать, –

заметил киммериец, ударив пятками своего коня.

– Попроси своего Крома, может, он так и сделает, – десятник последовал его примеру, занимая свое место во главе отряда.

Кром оказался благосклонным к варвару и его друзьям – оставшаяся дорога в столицу Пограничья было преодолена без неожиданных приключений.

На одном из привалов Эрхард и Конан внимательно пересмотрели подаренный архив. Он почти не отличался от найденного в пещере – распоряжения, донесения и повторяющиеся требования быть бдительнее и осторожнее. Одно послание очень заинтересовало киммерийца – в нем говорилось об общем сборе всех стай в месте, указанном на карте, начерченной на обороте пергамента. Встреча должна была состояться дней через пять. Каково же было удивление варвара, когда он обнаружил, что карта изображает центральную часть Пограничья, а возле столицы стоит жирный красный крест, нанесенный киноварью. Кроме того, на карте было несколько беспорядочно нанесенных точек – видимо, обозначавших места укрытий стай – а в полуночных лесах неподалеку от гор красовалось искусно выполненное изображение надгробия с черепом. Конан поразмыслил, фыркнул, попросил у десятника тушь и не слишком умело нацарапал второе на месте точки, расположенной неподалеку, но ближе к полудню.

– Осталось три, как выразился наш безымянный волосатый друг, боевых отряда, – заключил киммериец. – И все они почему-то решили вскоре собраться возле вашей занюханной столицы.

– Окружим их войсками и разом покончим со всеми, – уверенно предложил Эрхард. – Только придется поторапливаться.

После этого разговора привалы стали еще короче, и вместо предполагавшихся четырех дней отряд добрался за три.

Развалины, обозначавшие главный город Пограничного Королевства, за прошедший месяц почти не изменились. Разве проломов прибавилось, да на стенах появилась стража. Впрочем, вернувшийся десяток впустили без всяких разговоров – слух об их подвигах уже успел разойтись по всем землям. Как сообщили часовые у ворот, король приказал провести к нему Эрхарда и Конана сразу же после их возвращения.

Дамалл выглядел сильно постаревшим и осунувшимся – под глазами расплылись синие круги, взгляд усталый и какой-то отсутствующий, лежавшие на подлокотниках трона руки заметно дрожали.

«То ли пьет беспробудно, то ли не спит совсем,» – решил киммериец, стоя вместе с Эрхардом перед троном и терпеливо ожидая, когда его величество соизволит обратить внимание на посетителей. В зале стояла тишина, было слышно только посвистывание сквозняков да хриплое дыхание правителя Пограничного Королевства. Наконец, десятник решился прервать затянувшееся молчание, вежливо откашлявшись. Король встрепенулся и, увидев двоих стоящих по стойке «смирно» воинов, слегка улыбнулся.

– Извините, что заставил вас ждать… В последнее время я редко сплю, а сейчас как будто задремал… Впрочем, наверное, мне показалось… – голос Дамалла был тих и печален. – Рассказывайте, какие у вас успехи в славном деле борьбы с оборотнями, а то до нас доходят такие невероятные слухи, что и не знаешь, чему верить, а чему нет…

Конану очень не понравился голос короля. Точно Дамалл помирать собрался и уже сам себе могилу выкопал… Надо бы его встряхнуть. На охоту позвать, что ли? Или затащить в «Корону и посох»?

Рассказывали попеременно, дополняя друг друга. Король несколько развеселился, выслушав красочно расписанную Конаном и неприятную для кривившегося Эрхарда историю с ожившим шаманом и сидением отряда на елке, но, когда рассказ подошел к концу, снова впал в задумчиво-тоскливое настроение. Он одобрил намерение десятника остаться в столице и подождать новых действий со стороны оборотней, хотя не скрывал, что предпочел бы, чтобы его воины гонялись за лесными убийцами, а не наоборот. Узнав о намечающемся сборище тварей вблизи столицы, Дамалл помрачнел, а план Эрхарда «окружить и уничтожить» отверг, заявив, что здесь не исключена возможность подстроенной ловушки, а лишних войск в городе сейчас нет. Ослаблять рубежи или охрану дворца правитель явно не собирался, но вот с предложением отправить на место сбора лазутчиков полностью согласился.

Видя неудовольствие на лицах воинов, вызванное отказом от их плана полного и быстрого уничтожения всех разгуливающих по Пограничью обезумевших и одержимых идеей о поголовном уничтожении людей оборотней, Дамалл неожиданно сказал:

– Послушайте, я готов удвоить обещанную сумму, только покончите с ними. У меня в последнее время очень тяжело на сердце…

Конан самоуверенно заверил мрачневшего на глазах Дамалла, что они приложат все усилия и дней через десять-двадцать в Пограничье не останется ни одного бешеного оборотня. Эрхард в эти обещания явно не верил, однако поддакивал киммерийцу.

После визита к Дамаллу друзья надолго застряли в «Короне и посохе», где, как оказалось, уже обосновался весь отряд, живописующий куче заинтересованных слушателей свои минувшие приключения и потреблявший в огромных количествах кислое пиво. После того, как все правдивые и не совсем истории были рассказаны и с подобающим интересом выслушаны, десяток отправился в казарму, а Конан – в свою комнату в гостинице, навстречу ласковым объятиям прекрасной Селены…

Откуда людям было знать, что, узнав о разгроме второго отряда, Главный изменил сроки сбора и три уцелевшие стаи встретились в назначенном месте в тот же день, когда десяток охотников на оборотней торжественно въезжал в столицу. Оборотням была ясна их цель – захватить королевский дворец и прикончить всех встретившихся на пути людей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
в которой трон Пограничного Королевства опять меняет хозяина

В эту ночь Дамаллу удалось ненадолго заснуть, но его сон был неспокоен. Королю снились кошмары, и в каждом из них он погибал. Король с криком просыпался и снова пытался задремать… Все вокруг казалось ему наполненным угрозой, хотя за дверями дежурили двое лично отобранных королем и преданных ему стражников, узкие окна спальни закрыты крепкими ставнями, запертыми за засовы, и даже дымоход в камине был давно наглухо перекрыт железной решеткой.

И все же Дамалл боялся. Он лежал на слишком большой для одного человека кровати, натянув одеяло из медвежьей шкуры почти на нос, проваливаясь в кошмарные сновидения и в ужасе просыпаясь. Высокие каменные стены древних покоев казались ему сводами склепа, из которого нет выхода… Сейчас король завидовал последнему из своих подданных, а в особенности приходившим сегодня днем Эрхарду и Конану. Они-то наверняка сидят в шумном трактире, где много людей и нет места никакой нечисти…

После очередного короткого забытья, наполненного пугающими грезами, Дамалл вытер выступивший на лбу холодный пот и придвинул поближе к изголовья кровати свой двуручный меч. На этот раз ему привиделось, что оборотень перебил стражу у дверей, вошел и склонился над почти потерявшим от страха сознание человеком. С поблескивающих клыков твари падала вязкая слюна, а из пасти вырывалось смрадное дыхание…

– Чего ты боишься, король? – прозвучал в тишине спальни глуховатый насмешливый голос. Сердце Дамалла сделало попытку сорваться с полагающегося ему места, а затем часто заколотилось, но надо отдать должное королю Пограничья – он не подпрыгнул и на заорал благим матом, а протянул руку за мечом и медленно повернул голову в направлении звука.

– Мужество у тебя всегда было, хоть и немного, – с коротким смешком признал голос. – Зажги свечу, при свете беседовать как-то приятнее…

Тщетно пытаясь унять дрожь в руках, король застучал кремнями и вскоре небольшой язычок оранжевого пламени заплясал на фитиле толстой восковой свечи, закрепленной в массивном серебряном подсвечнике на столе около кровати. Подождав, пока свеча разгорится, Дамалл сел в постели и поднял ее повыше. Неяркий трепещущий свет выхватил из окружающего мрака бледное, еще нестарое мужское лицо.

– Ты? – удивился и вместе с тем облегченно вздохнул король. – Как ты меня напугал… Что тебе понадобилось так поздно? И как тебя пропустила стража?

– Что мне нужно – сейчас поймешь, – усмехнулся посетитель. – А что до стражи, то на свете существует множество способов избавиться от нее…

– Мои воины неподкупны, – отрезал Дамалл, хотя не был уверен в этом до конца.

– А кто говорит о деньгах? – по-звериному оскалился гость, показав длинные волчьи клыки.

– Не может быть… – слабеющим голосом прошептал король, сжимая шершавую рукоять меча. – Нет…

– Может, – жестко и холодно бросил поздний визитер. – Я порвал им глотки прежде, чем они успели вскрикнуть. Оставь свой меч, он тебе больше не потребуется.

Оборотень схватил лежавшие на краю постели ножны, не позволив королю вытянуть из них слишком длинный для ближнего боя клинок, и тяжело прыгнул на заскрипевшую кровать. Но под подушкой у Дамалла был припрятан еще один козырь…

Оборотень, ухмыляясь, протянул лапу к горлу казавшегося беззащитным человека, и ее тут же обожгла острая боль. Тварь с недоумением уставилась на появившийся на тыльной стороне ладони длинный кровоточащий порез, словно не понимая, откуда он взялся. Воспользовавшись замешательством ночного убийцы, Дамалл рискнул использовать свой единственный шанс на спасение и бросился на оборотня, пытаясь ударить в брюхо. Он не промахнулся – кинжал по самую рукоять погрузился в левую сторону живота, существо тихо взвыло и всей тяжестью навалилось на человека. Дамалл отчаянно пытался вырваться, но зверь, даже раненый, оказался сильнее, подмял противника под себя и сомкнул челюсти на горле.

Уже умирая, король сумел прохрипеть:

– Будь ты проклят, изменник… – и удивился той душевной легкости и покою, что медленно опустились на его истерзанное сознание…

Оборотень вволю напился крови и теперь лежал на кровати, тяжело дыша и восстанавливая силы после короткой схватки. Наконец, он поднялся, со стоном выдернул засевший клинок и презрительно пихнул неподвижное человеческое тело.

– Будь ты проклят! – передразнил он, отрезая кинжалом кусок ткани от занавесей и перевязывая рану, оказавшуюся хоть и глубокой, но не опасной. Закончив, убийца дотянулся до столика у кровати и взял корону королей Пограничья – золотой обруч с тремя резными дубовыми листьями. Покрутив ее, оборотень примерил венец на свою голову и фыркнул:

– Как раз впору… Осталось самое малое – стать королем.

Он с сожалением положил тускло блеснувшее сокровище обратно и, держась за покалеченный бок, покинул спальню.

…Конан только-только успел задремать, когда со стороны дворца донеслись громкие вопли ужаса и слитный победный вой. Он подскочил в кровати, разбудив испуганно вскрикнувшую Селену, и некоторое время тщетно пытался сообразить, что происходит. Спросонья ему показалось, что какая-то кошка по собственной глупости забралась на псарню, но потом он уловил в вое знакомые нотки, со вздохом поднялся и начал торопливо одеваться.

– Я с тобой, – немедленно заявила Селена.

– Сиди здесь, – недовольно буркнул киммериец, натягивая штаны и сапоги. – Ты еще будешь под ногами крутиться… Даже ночью мне покоя нет! Счас всех поубиваю, чтобы спать не мешали, и сразу вернусь.

Куртку варвар одевать поленился, схватил меч – ощутимо задрожавший в руке и переливавшийся волнами синего света – и, прогрохотав по шаткой лестнице гостиницы, выскочил в ночь, направляясь к развалинам королевского дворца.

…У входа в главную галерею в луже собственной крови валялся мертвый стражник с разорванным горлом. Мимоходом посочувствовав бедняге, киммериец перепрыгнул через загораживающее дорогу тело, повернул за угол и лицом к лицу (вернее, к морде) столкнулся с мохнатой лесной тварью. Человек и оборотень ошалело уставились друг на друга, однако Конан пришел в себя быстрее, одним размашистым ударом снес полузверю голову и побежал дальше. По пути он наткнулся еще на несколько трупов стражников, а парочка оборотней, завидев варвара, предусмотрительно юркнула за груду камней…

Возле деревянных створок нового дворца обнаружился проткнутый копьем оборотень, все еще упрямо пытавшийся ползти и слабо зарычавший при виде вооруженного человека.

«А за дверью наверняка окажется пара мертвецов,» – мимоходом подумал Конан, коротким ударом добив извивающееся чудовище. Так и оказалось – у обоих стражников было разорвано горло. Обойдя тела и стараясь не наступать в лужи натекшей крови, варвар продолжил бег. Где-то впереди – похоже, в тронном зале – раздавались лязгающие удары мечей, пронзительные вопли и торжествующий вой.

Киммериец примчался вовремя – около дюжины оборотней зажали в угол десятка три уцелевших стражников дворца, и в царившей суматохе никто не обратил внимания на появление еще одного действующего лица. Оборотень, в чьи обязанности входило следить за входом в тронный зал, увидев человека со сверкающим в полутьме мечом, разумно предпочел смыться, бросив своих собратьев на произвол судьбы.

А им пришлось тяжко – беззвучно обрушившийся на стаю варвар первым же ударом снес головы двоим подвернувшимся тварям, а третью вернул в человеческий облик и прикончил одним коротким прямым ударом. Воспрявшие духом стражники рванулись вперед и вскоре на каменные плиты брызнула волчья кровь…

Закончилось все на удивление быстро и почти без потерь. Конан попытался узнать у ошеломленных стражников, заметил ли кто-нибудь, откуда взялись оборотни, но все только разводили руками – твари внезапно объявились во дворце, набрасываясь на всех встреченных по пути людей.

– А Его величество? – внезапно вспомнил кто-то из охраны дворца. – Что с королем? Вдруг оборотни добрались до него?

– Только этого еще недоставало, – охнул Конан. – Пошли, проверим!

По пути к королевским покоям, расположенным в глубине путано выстроенного дворца, люди наткнулись еще на нескольких ночных тварей, попытавшихся удрать, а у дверей в комнаты короля лежали двое мертвых охранников. Томимый нехорошими предчувствиями, киммериец толкнул незапертые створки и вошел. Уцелевшая стража дворца толпилась снаружи.

На тонконогом столике возле залитой кровью кровати мирно горела свеча, освещая бледное лицо Дамалла с широко открытыми и глядящими в никуда глазами. За дверями кто-то приглушенно всхлипнул.

«Вот так все для тебя и закончилось… – с внезапной печалью подумал варвар, решительно протянув руку и закрыв мертвецу глаза. – Зарезали в собственном дворце, в своей же постели. Кажется, он даже пытался защищаться…»

За сгрудившейся под дверями стражей возникло какое-то движение и чей-то встревоженный голос настойчиво потребовал немедленно пропустить его к королю. Наконец, растолкав стражников, в комнату ворвался не старый еще мужчина в тяжелом бархатном халате с висевшей на перевязи правой рукой. Незнакомец носил короткие, тщательно подстриженные усики и длинные вьющиеся волосы, а при ходьбе странно кособочился влево. Войдя, неизвестный замер, остолбенело уставившись на кровать и лежавшего на ней Дамалла.

– Он умер? – сглотнув, спросил он, скорее для того, чтобы просто что-то сказать.

– Как видишь, – развел руками варвар. – А ты кто? Что с тобой случилось?

– Я советник короля… Был, – поправил сам себя незнакомец. – Услышал шум и крики посреди ночи, выскочил в коридор и налетел на оборотня. Он порвал мне бок и руку, но меня

спас один из стражников, да успокоится его душа на Равнинах Мертвых…

– Понятно, – кивнул Конан и вышел из комнаты, оставив растерянного советника и перепуганную стражу самим решать, как теперь быть. Интересно, кто же теперь станет королем в Пограничье?.. Ну и страна! Не-ет, надо сматываться отсюда и как можно скорее…

* * *

Утром Конана разбудил Эрхард – Селена с утра пораньше куда-то ушла. Оказалось, что советник желает видеть героев Пограничья и главных участников недавней охоты на оборотней.

У «Короны и посоха» толпились все обитатели дворца и столицы, оживленно обсуждая события минувшей ночи. Мельница слухов и сплетен крутилась вовсю, но главным перемалываемым вопросом был один, тот же, что задал себе варвар, идя вчера ночью по пустым коридорам дворца – кто займет трон? Киммерийцу казалось, что он знает ответ на него, однако он решил пока не торопиться вылезать со своим мнением.

Советник принял их в тронной зале. Кровь с плит к этому времени смыли, трупы оборотней и стражников уже убрали, сложив во дворе (Конан мимоходом спросил, сколько их. Оказалось – восемнадцать чудовищ и почти четыре десятка людей), и зал выглядел относительно готовым к приему гостей, насколько может выглядеть унылое и холодное помещение с вытершимися коврами на стенах.

– Все знают, как меня зовут? – советник покойного короля расхаживал возле трона, заложив руки на спину. Конан отрицательно покачал головой, Эрхард наморщил лоб, пытаясь припомнить, но вскоре сдался и присоединился к варвару.

– Хьярелл, – представился советник, и, помедлив, проговорил: – Я позвал вас сюда, чтобы объявить о своем решении. Не вам объяснять, что у нас за страна, и потому, дабы не допустить междоусобицы, я временно принимаю на себя обязанности короля по управлению Пограничьем…

– Дамалл умер, да здравствует Хьярелл, – вполголоса пробормотал киммериец. – Надо было с кем-нибудь об заклад побиться, что ли…

– Нет, – резко возразил расслышавший слова варвара Хьярелл. – Это совсем не так! Как только появится достойный претендент, я уступлю ему свое место и вернусь к более подходящей мне должности советника…

– Не надо вешать лапшу на уши, – перебил Конан. – Лично мне наплевать, кто будет протирать своей задницей этот старый стул, по чистому недоразумению называемый троном! Что меня действительно интересует – остается ли в силе мой договор с Дамаллом. И все!

Киммериец мысленно поздравил себя с тем, что давно уже выучился убедительно врать. Конечно, его волновало, получит он что-нибудь с казны Пограничья, но ему не нравился советник Хьярелл, собирающийся в скором времени нацепить корону и взобраться на трон. Неизвестно почему, но не нравился.

– Конечно, остается! – изумленно заявил Хьярелл. – И речи быть не может о том, чтобы нашу страну и дальше терзали эти твари! Кстати… – он пошарил за пазухой и достал

увесистый кожаный мешочек. – Лови, здесь плата за хорошую службу – тысяча золотых.

Конан поймал приятно звякнувший мешочек и взвесил в руке. Настроение варвара несколько улучшилось, но неприязненное отношение к советнику осталось. Даже после того, как киммериец напомнил о том, что сумма оплаты за расправу с оборотнями увеличена вдвое, а Хьярелл без всяких возражений согласился, после чего обратился к Эрхарду:

– Вчера был убит капитан дворцовой стражи. Мне кажется, что ты именно тот человек, который должен занять его место.

Стремительно повышенный в чине десятник тоже повеселел, щелкнул каблуками, поблагодарил советника, заверив его в своей полной и всемерной поддержке. На этом аудиенция и закончилась, а друзья прямым ходом отправились обмывать полученную награду в «Корону и посох».

Когда двери за варваром и десятником захлопнулись, Хьярелл присел на краешек трона, облегченно вздохнул и вытер пот со лба. Два человека, которых он справедливо опасался, были ему пока не страшны. В скором времени он придумает, как избавиться от них раз и навсегда, а сейчас они могут быть даже полезны.

…Конан и Эрхард сидели напротив друг друга за отдельным столом и пили за всех, чьи имена могли вспомнить. Несмотря на то, что таверна была набита битком, им моментально освободили указанный столик – стоило Эрхарду только пальцем ткнуть на него. Еще бы – «Корону и посох» соизволили навестить двое героев последних дней, бесстрашных защитников Пограничья от расплодившейся нечисти! Досадное происшествие с купцом Стевартом благополучно и бесследно изгладилось из памяти обывателей, уступив место более-менее приличным подвигам, приписываемым киммерийцу. Похоже, его уже считали земным воплощением сурового Крома. Варвар, в сущности, не имел ничего против, но кое-что из сплетен было совершеннейшей чушью, например, то, что киммериец убивает оборотней одним взглядом, а его меч способен метать молнии… Краем уха слушая подобный бред, Конан усмехался, но развеивать слухи не спешил – пускай себе треплют языками.

Так варвар с Эрхардом сидели и пили, а вся таверна не сводила с них глаз. Многие так заглядывались и заслушивались передаваемыми сплетнями, что не замечали, как двое юрких воришек, по виду явных заморийцев, шныряют в толпе, срезая кошельки, радостно ухмыляясь и порой ехидно поглядывая на киммерийца. Конан давно заметил эту парочку и теперь вовсю развлекался, подсчитывая, сколько человек воры успеют облегчить от явно мешающего им золота, прежде чем их схватят за руку.

Собрав дань с по меньшей мере десятка ротозеев, один из воришек потянулся к увесистому кошельку могучего стражника, лениво прихлебывающего пиво. Казалось, стражник полностью поглощен зрелищем напивающихся героев Пограничья, но стоило проворным пальцам заморийца с зажатой в них остро отточенной по краям монетой коснуться мешочка с деньгами, как на них плашмя легло лезвие кинжала.

– Еще сунешься – руку отрублю, – даже не оборачиваясь, пообещал стражник. Вор с видом полной покорности судьбе пожал плечами и удалился от греха подальше в другой угол зала. Его напарник, окончательно обнаглев, прицелился было к кошелю Эрхарда, но Конан ласково погладил рукоять стоявшего возле стола меча, и заморiец, примирительно подняв руки, тут же испарился.

К столу неожиданно подсел совершенно незнакомый приятелям молодой светловолосый парень-бритуниец с точеными чертами лица. Конан и Эрхард, уже слегка пьяные, но пока еще отлично соображавшие, недоуменно уставились на него. Бритуниец понимающе

хмыкнул и жестом призвал их наклонить головы пониже.

– Помните Гиперборейский тракт? – вполголоса спросил незнакомец. – И несколько странную встречу?

– А-а, – первым догадался Конан. – Ты есть тот самый… беглец от славы?

Парень смущенно закивал:

– Да. Я уезжаю домой и хотел бы кое-что сказать вам на прощение. Во-первых, Главный находится где-то здесь, в столице. У меня нет никаких доказательств, но я уверен, что это так… Второе – вчера в бою погибли вожаки всех боевых отрядов, – бритуниец завладел пустой кружкой Эрхарда, налил себе пива из стоявшего на столе бочонка и поднял ее в шутливом приветствии: – В основном благодаря тебе, Конан. Ваше здоровье!

– Кружку отдай, – потребовал слегка обалдевший от такого нахальства Эрхард.

– Сейчас, – парень допил остатки пива и вернул кружку владельцу. – И третье, что мне удалось узнать – все, кто по-прежнему жаждет людской крови, собираются у развалин капища Чернолицых. Туда же прибудут новые вожаки из Бритунии.

– Почему из Бритунии? – не понял киммериец. – У вас что, своих не осталось?

– У меня на родине настоящее волчье логово, – с грустью сказал парень. – По-моему, сейчас туда сбежались одержимые со всего света. И еще болтают, будто там находится Верховный Вожак, который нашел саму Книгу Бытия… Слышали про такую?

– Слышали, – подтвердил Конан, вспомнив странный разговор в деревне Эрхарда. – Мрачно как-то все получается… Что еще плохого скажешь?

– Будет большая резня, – вздохнул бритуниец. – Достанется всем – и людям, и оборотням. Прольется море крови… Но мне кажется, что вы как-то сможете их остановить, – он вымученно улыбнулся. – Вот что: если окажетесь в Бритунии и вам понадобится помощь – разыщите меня. Я живу в Пайрогии, улица Фонарщиков, третий дом от начала. Кстати, все забываю представиться – Джареф, к вашим услугам, – он встал и коротко поклонился. – Я пойду, мне еще ехать сегодня целый день…

Бритуниец вышел, следом за ним выскочил один из воришек. Во время разговора он все время крутился в подозрительной близости от стола, пытаясь расслышать хоть что-нибудь. Конан посмотрел ему вслед и решительно поднялся из-за стола, бросив Эрхарду:

– Схожу отолью. Закажи еще пива, идет?

Варвар стремительно прошел через расступавшуюся перед ним толпу, толкнул дверь и вышел наружу. День стоял ясный и морозный, под ногами хрустел затянувший лужи тонкий лед. Мимо на гнедой кобыле рысью проскакал Джареф, за ним следовала нагруженная мешками заводная лошадь. Парень махнул на прощание стоявшему у порога «Короны и посоха» варвару и умчался к воротам крепости.

Воришка куда-то сгинул, но, посмотрев по сторонам, Конан заметил, как он, оглянувшись через плечо, юркнул в проулок за таверной. Киммериец неторопливо прошел до угла и остановился, прислушиваясь. Вор стоял молча, переминаясь с ноги на ногу и явно кого-то ожидая. Наконец, послышались чьи-то тяжелые шаги и низкий голос требовательно осведомился:

– Ну?

– Бритуниец разболтал варвару и стражнику о сборе в брошенном храме, про вождя и про все остальное, – зачастил вор.

– Ты убрал предателя? – перебил неизвестный.

– Не успел – он сразу вскочил в седло и удрал, – оправдывающимся тоном заныл

воришка.

– Болван! – рявкнул обладатель низкого голоса, оборвав причитания заморийца.

– Кто, господин? – осторожно осведомился вор.

– И ты, и он! – раздраженно бросил незнакомец. – Ты хоть убедился, что за тобой не следили, дырявая твоя башка?

– Конечно, – обиженно сказал заморие́ц. – Когда я уходил, варвара ничто не заботило, кроме кружки…

– Надо постараться убрать его и этого новоиспеченного сотника, – задумчиво протянул низкий голос. – Они слишком много знают… Или догадываются. На тебе за труды.

Раздался хорошо знакомый варвару звук – звон передаваемых из рук в руки монет.

– Спасибо, господин, всегда рад услужить, господин… – таким лебезящим тоном, что Конану на миг стало противно, заюлил воришка.

– Заткнись и убирайся, – рыкнул его собеседник. – Да не туда, тупица! Обойди, а я выйду здесь.

Легкие шаги заморийца удалились в противоположный конец проулка, а топанье его подозрительного работодателя приближалось. Конан аккуратно вынул из ножен кинжал, пальцем проверил его остроту и хорошо ли он ходит в руке.

Из-за угла неспешно вышел грузный, небритый повар «Короны и посоха». Увидев поджидающего его киммерийца, он замер на месте, полуоткрыв рот и уставившись на него выпучившимся глазами.

– Какая встреча! – обрадовался варвар и, не дав попавшемуся оборотню и рта раскрыть, сунул кинжал меж ребер. Толстяк захрипел, а киммериец втолкнул его обратно в щель, посадив у стены. Узкий проулок, образованный задней стеной дворца и таверной, обычно использовался посетителями «Короны и посоха» для справления больших и малых нужд, и аромат здесь стоял соответствующий. Конан поразился, как это повар с воришкой умудрились так долго проболтать.

Толстяк плюхнулся прямо в кучу нечистот и с ненавистью уставился маленькими глазками на варвара.

– Так, сейчас ты быстро говоришь мне, кто твой хозяин и сохраняешь свою жалкую шкуру, – по-деловому предложил Конан, зажимая пальцами нос и борясь с желанием как можно скорее выскочить отсюда.

– Можешь на куски резать – не скажу, – отозвался повар.

– Не скажешь, – согласился киммериец. – А, если, допустим, начать кормить тебя дерьмом, которого тут в изобилии, тогда как?

Толстяк усмехнулся:

– Руки пачкать не станешь… Да бей, мне так и так умирать, а ты ж у нас бесстрашный охотник на оборотней…

– Как ни жаль, но ты прав, – с притворной печалью вздохнул Конан и коротким ударом проткнул сердце оборотня.

Хлопнула дверь таверны и к щели засеменили чьи-то маленькие ноги.

– Гури! – окликнул пронзительный голосок. – Варвар куда-то смылся…

– Конечно, смылся, – подтвердил киммериец, двигаясь навстречу вылетевшему из-за угла воришке и демонстративно поигрывая окровавленным кинжалом. – Что, вообразил себя самым умным? Между прочим, такими как ты, я на завтрак закусываю…

Заморие́ц побледнел, попятился, крутанулся на пятках и бросился бежать. Кинжал

вошел ему точно между лопаток, бросив вперед, лицом в малопривлекательную кучу дерьма. Конан не спеша подошел, выдернул кинжал, поднял за волосы голову неудачливого воришки и перерезал горло. Затем повернулся к стене и спокойно сделал то, за чем, собственно, и пришел сюда…

Когда киммериец в самом прекраснейшем расположении духа ввалился обратно в таверну и опустился на скрипнувший табурет напротив Эрхарда, тот пробурчал:

– Тебя только за смертью посылать… Затопить нас решил, что ли?

– Да так, поболтать остановился кой с кем, – хмыкнул варвар. – Ну что, еще по одной?..

* * *

Утром у киммерийца опять болела голова. И когда после долгих поисков выяснилось, что в комнате нет ни Селены, ни капли пива, Конан готов был разнести все, что встанет на его пути в «Корону и посох». К счастью, обошлось без невинных жертв – обитатели столицы, уже познакомившиеся с тем, что представляет из себя похмелье северного дикаря, спешили заблаговременно убраться с его дороги.

В таверне уже околачивалось порядочно народу, торопливо прижавшегося к стенам, когда грохнула входная дверь и низкий, слегка хрипловатый голос проорал на весь зал:

– Пива, или сейчас все отправятся к Нергалу!

Хозяин молча выставил на сто полный кувшин с темным ячменным пивом. В три глотка осушив его, Конан протянул руку за следующим. После второй порции голова наконец прояснилась, и, прихватив с собой небольшой пузатый бочонок, варвар отправился разыскивать новоиспеченного сотника. Тот обнаружился здесь же, в таверне, за отодвинутым в самый угол столом. Эрхард беспокойно спал, прислонившись к стене, но запах пива чудесным образом заставил его разлепить глаза. Первым словом, которое он выдавил из себя, было:

– Дай.

После уничтожения половины содержимого бочонка сотник настолько взбодрился, что потребовал закуски к пиву, и они с киммерийцем попытались решить, что же теперь делать дальше с оборотнями и вообще со всем, что творится в Пограничном Королевстве. Конан согласился с тем, что выступать из столицы надо не позднее завтрашнего дня, пробормотав:

– Надоело ваше Пограничье хуже горькой редьки. Чует мое сердце – застряну я здесь на зиму…

– Никуда твоя Аквилония с пиктами не денутся, – начал было Эрхард, но его слова заглушил противный скрипучий визг, донесшийся с улицы.

– Ворота, что ли, опять не смазали, – скривился сотник и, заткнув уши, выглянул в раскрытое окно таверны. – А, это наш герольд.

Посреди площади стоял худой долговязый человек в потрепанной обтягивающей одежде с гербом Дамалла на груди – голова вепря, пересеченная мечом – и в нахлобученной набекрень маленькой шапочке с фазаньим пером. Герольд изо всех сил дул в кривую, с облезшей позолотой и вылинявшим вымпелом медную длинную трубу. Из окон окрестных домов начали высовываться головы разбуженных шумом горожан, в музыканта полетели яйца

и другие подвернувшиеся под руку съедобные предметы, правда, не всегда первой свежести. Каждое удачное попадание сопровождалось восторженными воплями, заглушавшими пронзительные взвизгивания трубы. Наконец, герольд убрал свою громыхалку, откашлялся и провозгласил:

– Его величество король Пограничного Королевства Хьярелл Первый!

– Я так и знал! Король умер, да здравствует король! – хмыкнул Конан. – Пошли, посмотрим. Давненько я не бывал ни на чьей коронации…

Несколько солдат из дворцовой охраны выволокли на площадь трон и поставили его на наиболее чистое место, подстелив выцветший ковер, а сами выстроились вокруг. Следом появился нацепивший на себя полное парадное облачение – мантию, скипетр и корону – бывший советник покойного Дамалла. Удивленное население высыпало из домов и окружило площадь, перекликаясь и строя предположения о том, что сейчас произойдет.

Конан и Эрхард неторопливо, как и подобает героям последних дней, вышли из таверны и встали в отдалении. Вскоре возле них неизвестно откуда появились Эртель и Селена, затем подошел ухмылявшийся Веллан, за руку которого цеплялась хорошенькая, но слишком ярко накрашенная девица. Из казарм примчались только что проснувшиеся Хальмун и Вальсо.

– Это что? – поинтересовался Эртель, обводя рукой площадь, людей и стоявший посередине трон, на котором восседал новый властитель Пограничья.

– Законная смена власти, – объяснил Конан. – Сейчас вам расскажут, каким плохим был Дамалл и как вы будете процветать под рукой нового правителя.

– А я думал – опять оборотни, – разочарованно протянул Веллан. – Стоило вскакивать и мчаться… Ну ладно, раз пришли, то послушаем.

Предположения варвара оправдались почти полностью. Дамалл был объявлен «трагически погибшим от рук подлых выродков-оборотней», после чего Хьярелл с трагическим выражением лица провозгласил, что «по единодушному выбору совета при почившем короле Дамалле» трон Пограничья отныне занимать будет он, Хьярелл, как «признанный наиболее достойным» и «во избежание дальнейших неурядиц, могущих нарушить спокойную жизнь королевства». Толпа посвистывала, время от времени раздавались неразборчивые выкрики, но в целом явление нового венценосца происходило гладко.

– Дальше неинтересно, – заявил варвар, когда Хьярелл перешел к описанию своих планов на будущее и рассуждениям о судьбе страны. – Пошли обедать!

Маленький отряд довольно невежливо развернулся спиной к новому королю и направился к «Короне и посоху» – поминать Дамалла и обсуждать, куда направиться дальше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОХОД ЗА СЛАВОЙ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,
в которой Конан знакомится с излишне впечатлительным трактирщиком

Восходящее солнце ласково притронулось первыми лучами покрытых тонкими кружевами измороси к развалинам бывшей главной башни старого дворца. Сегодня ничто не мешало золотому небесному глазу – чистейшая прозрачная синева с легкими воздушными комками кучевых облаков простиралась над всем Пограничным королевством. Воздух был морозен и свеж, а столь ненавистная Конану промозглая осень медленно, но неуклонно отступала, казалось, исчерпав весь запас небесной влаги. За ней, властно отбрасывая ее своим ледяным дыханием, надвигалась некоронованная королева Полуночных стран – зима. Пройдет всего несколько дней, и она скует ледяным панцирем мелкие озера и непролазные болота, серебристой снежной шубой укутает поля и леса, погрузит в спячку чутко прислушивающихся к первым порывам ледяных ветров зверей…

Тонкий лучик пробился в щель неплотно пригнанных ставень и коснулся небритой щеки Конана, спавшего за столом в обнимку с объемистым глиняным кувшином. Варвар встрепенулся, пробормотал что-то невнятное, все еще блуждая в сновидениях, и открыл глаза. Осмотревшись, киммериец понял, что находится на постоялом дворе, у себя в комнате, вот только напрочь не помнит, как сюда попал.

В случайно задетом кувшине что-то булькнуло, неопровержимо доказывая, что там еще осталось вчерашнее пиво. Хорошим глотком осушив сосуд, Конан поднялся, и, широко зевая, потянулся, да так, что захрустели кости. По всему телу разошлась приятная истома, и варвар, все еще зевая, удовлетворенно улыбнулся и направился к окну. Он широко распахнул ставни и с наслаждением подставил солнцу лицо, полной грудью вдыхая свежий холодный воздух. Такую погоду киммериец, выросший в горах с их вечными холодными ветрами, обожал почти щенячьей любовью и сейчас позволил себе ненадолго предаться воспоминаниям.

Киммерия… Иногда Конан всерьез начинал задумываться, не послать ли ко всем демонам заманчивые, но продажные и смердящие города полуденных стран, и не вернуться ли назад, к дикой и свободной жизни на заснеженных горных лугах. Интересно, остался ли жив хоть кто-нибудь из его клана? Перед мысленным взором варвара точно в туманной дымке проплывали вроде бы давно забытые, но все же заботливо сохраненные памятью суровые лица – мать, отец, соплеменники и друзья… Ваниры, с которыми он отправился в свой первый поход… Внезапно из каких-то глубин возникло обрамленное растрепанными желтыми волосами лицо асира с рыжими обвисшими усами и небольшим шрамом. Бездумная спокойная улыбка Конана исчезла, сменившись кривой ухмылкой. Надо же, сколько лет прошло, а он все еще помнит этого типа, своего первого кровного врага, впервые в жизни заставившего гордого шестнадцатилетнего мальчишку из вольных горских кланов сполна испытать горечь поражения и собственное бессилие. Синфьотли. Да, его звали именно так.

Застарелая ненависть, внезапно вспыхнувшая с новой силой, заставила Конана в бешенстве стукнуть кулаком по жалобно хрустнувшему подоконнику. Из горла киммерийца вылетели невнятные хриплые звуки.

Проходившие внизу купцы удивленно задрали головы, но, увидев мрачного варвара, тут

же потеряли всякое любопытство и прибавили шагу, торопясь отойти подальше.

Так прекрасно начавшееся утро перед дальней дорогой оказалось слегка подпорчено невовремя подвернувшимся воспоминанием, и, слегка поругивая себя, Конан принялся собирать раскиданные по комнате вещи, складывая их в потрепанный дорожный мешок.

Он уже почти закончил, и сейчас натягивал кольчугу, когда дверь в комнату с грохотом распахнулась – похоже, ее пнул человек бывший не слабее киммерийца и настолько же раздраженный. Этим «кем-то», как и следовало ожидать, оказался новоиспеченный сотник. Варвар, не оглядываясь, бросил через плечо:

– Эрхард, ты как, вложил всю имевшуюся силушку в этот удар, или у тебя еще осталось?

– Так-то ты приветствуешь друзей? – недовольно буркнул Эрхард. – Тоже мне, новый один остряк выискался! Все равно до Веллана или до моего племянничка, чирей ему на задницу, тебе далеко, – сотник подошел к столу, заглянул в кувшин и с тоской протянул: – Даже пиво все вылакал…

Конан, туго затянув изрядно полегчавший мешок, забросил поклажу за спину и направился к выходу. Эрхард разочарованно повертел в руках не оправдавшую его надежд посудину и кинул ее за спину, в оставшееся распахнутым окно. Снизу послышался удар, звон разлетающихся черепков и впридачу – чьи-то злобные вопли. Киммериец удивленно оглянулся, но Эрхард стоял с самым невинным видом, увлеченно разглядывая ползущего по стене крупного таракана. Конан усмехнулся и поскреб косматый затылок.

– Что стоишь, как пень? – немедленно набросился на варвара сотник, выталкивая из комнаты и не давая заметить отсутствия на столе злополучной посудины. – И чешешься, словно блох набрал! Шевелись! Да, кстати, ты бы хоть побрился… Или бороду решил отращивать?

Конан недоуменно пожал плечами, не понимая, какая муха укусила Эрхарда, и озабоченно провел рукой по подбородку. Действительно, щетина еще та. Придется на ближайшем привале поработать кинжалом…

В пустовавшем дворе, перекликаясь и хохоча над чем-то, строился в шеренгу весь достопамятный десяток охотников на оборотней, включая и Селену, очень эффектно смотревшуюся в новенькой легкой серебристой кольчуге. За спинами воинов переминались с ноги на ногу фыркающие лошади, выбрасывая в такт дыханию клубящиеся облачка теплого пара.

Конан перебросил мешок с вещами через седло своего каурого конька и встал первым справа в наконец выровнявшемся строю.

Эрхард оглядел замерших подчиненных грозным взглядом из-под свирепо насупленных бровей и неторопливо прошелся перед маленькой шеренгой. Отряд, как и полагалось по уставу, затаил дыхание и пожирал начальство глазами, за исключением Конана и Эртеля, взгляды которых были откровенно издевательскими.

Внезапно сотник остановился и окинул вытянувшихся в струнку воинов странным и вовсе не подходящим к моменту взглядом, в котором смешались ласка и усталость.

– Ребята, – негромко начал он, заставив всех прислушаться. – Надеюсь, все понимают, что предыдущий месяц мы, считайте, маялись дурью? Из нынешнего похода вернется от силы половина, если не треть отряда. Если кто хочет остаться – он может сделать это сейчас, и я клянусь, что никто из нас не осудит его, – голос Эрхарда неожиданно сорвался и он резко отвернулся. Не шелохнувшийся строй молчал. Сотник справился с собой и, оглядев напряженные и сосредоточенные лица воинов, улыбнулся:

– Все остаются? Тогда – по коням. Нас ждут великие дела!

Шумная кавалькада рысью пронеслась по заросшему померзшим бурьяном двору, мимо немногочисленных зевак, вышедших поглазеть и кричавших вслед пожелания удачи и счастливого возвращения, миновала полуразвалившееся воротное укрепление и вылетела на Гиперборейский тракт.

Смотревший на отъезд отряда король отошел от узкого башенного окна, забранного проржавевшей решеткой, и, улыбаясь чему-то, сел за стол. Заскрипело по пергаменту старое перо, разбрызгивая чернила. Затем, запечатанный личной королевской печатью, приказ спешно доставили в казармы, капитану дворцовой стражи. Прочитав его, тот недоуменно покачал головой и приказал трем десяткам своих солдат готовиться к немедленной отправке в дорогу.

* * *

Дорога от столицы Пограничья до предгорий Грааскаля обычно занимает около недели. Гонцы, постоянно меняя лошадей, могут преодолеть этот путь за три-четыре дня. Отряд Эрхарда, хоть и поторапливался, лошадей загонять не собирался. Кроме того, разбитый копытами и колесами тракт промерз и не плыл под ногами, в кои веки делая путешествие даже отчасти приятным. Бледное, почти белое солнце светило целыми днями, редко прячась за облаками. Впрочем, тепла оно больше на давало, дни и ночи становились все холоднее и холоднее, и отряд со смешками натягивал предусмотрительно захваченные с собой в дорогу меховые полушубки.

Конан наслаждался неторопливо проплывающими мимо пейзажами. По обе стороны дороги долгое время тянулся густой ельник, покрытый голубоватой изморозью, тихо звеневшей на ветру. Но через два дня высокие разлапистые красавицы-ели сменились унылыми низкорослыми дубами, с узловатыми, причудливо переплетенными ветвями, на которых мотались последние уцелевшие листья. Варвар перестал глазеть по сторонам, разговаривая с Селеной или прислушиваясь к незатихающей перебранке Веллана и Эртеля. Кажется, эта парочка всерьез задалась целью переболтать друг друга, но пока ни один не имел видимых преимуществ.

На третий день пути небо затянули низкие прозрачно-серые тучи и повалил первый в этом году снег. Мягкий и пушистый, он медленно, но верно засыпал черную извилистую ленту дороги, притихшие деревья, ложился на коротко стриженные лошадиные гривы… Сквозь все усиливающуюся круговерть снегопада с трудом различались возникшие на горизонте острые, как волчьи клыки, пики уже близкого Грааскаля.

Тракт привел десяток изрядно замерзших путников в большую деревню с неизменным постоялым двором на главной площади. Поселение, носившее имя Хезер, было последним на пути к горам. Ближе люди селиться не решались, опасаясь призраков, будто бы все еще бродивших на развалинах бывшего капища поклонников Бога с Черным Лицом. Конан про себя посмеивался над подобными страхами, хотя уже не раз на собственной шкуре убеждался, что мертвые враги порой могут быть куда опаснее живых. Впрочем, как там говаривала блаженной памяти Белит? Мертвецы не кусаются…

Спешившиеся воины привязали лошадей возле длинной коновязи у дверей трактира, символично названного «Последний приют». Подбежавшим любопытным мальчишкам Эрхард небрежно швырнул горсть серебряной мелочи, сопроводив ее приказанием:

– Позаботьтесь о лошадях!

В просторном и чистом зале трактира, освещенном несколькими чадящими плошками с маслом, было на удивление пусто, лишь двое-трое типов, по виду – местных завсегдатаев – потягивали из огромных глиняных кружек дешевое местное пиво.

Ввалившийся отряд с шумом расселся на тяжелых лавках, окружавших самый большой стол в трактире. На бряцание снимаемого оружия и перебранку из распахнутой двери кухни степенно вышел, скрестив руки на груди, важный грузный мужчина, длинноволосый, с окладистой темной бородой. Он внимательно оглядел поздних гостей, а затем гулким басом осведомился:

– Что угодно господам королевским стражникам?

– Много пива, потом много жратвы, а потом опять пива! – заорал Эртель, стуча кулаком по столу. – И девочек, если найдутся!

Хозяин трактира слегка улыбнулся, что было заметно только по легкому шевелению бороды, и поспешил разочаровать Эртеля:

– Первое и второе сейчас будет, а шлюх не держим. Невыгодно…

– Это несправедливо! – немедленно возмутился Эртель. – Значит, этому неотесанному варвару достанутся все удовольствия, а нам – шиш? Я что, рыжий?

– А что, нет? – сидевший рядом Веллан протянул руку и взъерошил соломенную шевелюру приятеля.

– Веллан, если ты не способен различать цвета…

Зарождавшуюся перепалку прервал мелодичный перезвон оловянных кружек. К столу, соблазнительно покачивая бедрами, подошла симпатичная пухленькая служанка с подносом в руках. Умелыми движениями она поставила перед каждым из гостей по кружке, водрузила в центре стола вместительный бочонок и так же неторопливо удалилась. Эртель, восхищенно присвистнув, попытался было приобнять ее, но схлопотал увесистым подносом по рукам. Отдернув ушибленную кисть, он с обидой посмотрел на девушку, но та, не удостоив его даже взглядом, с гордо поднятой головой уплыла на кухню. Воины расхохотались, отпуская язвительные замечания и советы в адрес Эртеля. Тот глядел волком и изредка огрызался, сразу потеряв часть своей веселости.

Вернувшийся в зал хозяин поставил на стол два больших деревянных блюда – одно с жареным мясом, другое с ячменными лепешками – и вполголоса произнес:

– А моих служанок, господа стража, лучше оставьте в покое. Они все замужем, а у муженьков кулаки крепкие и родичей – с полдеревни…

– Мы и сами не слабаки, – снисходительно хмыкнул Веллан, поглаживая рукоять прислоненного к столу меча.

– Потому и говорю, – пожал плечами хозяин. – Кровопролитие мне здесь ни к чему, – он повернулся и неторопливо отошел, скрывшись за кухонными дверями. Веллан явно собрался что-то крикнуть ему вслед и даже привстал, однако не учел, что рядом с ним сидит Конан. Варвар, не долго думая, зажал неугомонному болтуну рот рукой. Веллан возмущенно замычал, задергался, но если уж киммериец хотел кого-то удержать на месте, то этот кто-то вряд ли мог вырваться. Поняв это, бритуниец прекратил изначально бесполезные попытки обрести свободу и знаком показал, что будет молчать. Варвар недоверчиво покосился на

него, точно решая, стоит ли доверять этому обещанию, но все же разжал руки.

– Дикарь, а попросить нельзя было? – слегка возмущенный и помятый Веллан залпом выпил кружку пива и налил еще.

– Не стоит ссориться со всеми подряд, – серьезно ответил киммериец, выбирая на блюде кусок мяса побольше. – А просить тебя заткнуться бесполезно – это я уже давно знаю.

– Он прав, – поддержал варвара Эрхард. – Вы двое, да-да, ты, дорогой племянничек, нечего строить невинную рожу, и ты, Веллан, попридержите-ка свои языки на привязи.

– И руки тоже, – проворчал Хальмун. По рыжей бороде ванира стекала густая мясная подливка, белые зубы с треском рвали сочное мясо.

– Успокойтесь, парни, – продолжал сотник. – Девки никуда не денутся, вернемся и погуляем в «Короне и посохе» так, что надолго запомнят…

– Ага, ве-ечная па-амять… – замогильным голосом затянул на мотив похоронного марша мрачный Эртель, а Веллан добавил:

– Вот-вот, в живых бы остаться…

– Заткнитесь! – на редкость дружным хором заорали остальные, но настроение у воинов было испорчено.

Конан украдкой оглядывал соратников, пристально вглядываясь в лицо каждого и подозревая, что кому-то из них, возможно, последний раз в жизни довелось пообедать вот так – среди друзей, под крышей, в надежном и теплом доме.

Вальсо поперхнулся и бросил на стол недожеванный кусок мяса, уставившись на него, словно на кровного врага.

– Не могу есть, в горло не идет, – его голос был мрачным и тихим. – Нехорошее у меня предчувствие…

– У меня тоже, – еле слышно прошептал Веллан, но его никто не услышал – все наперебой кинулись успокаивать зингарца.

– Предчувствия – ерунда! – кричал Эртель почти в самое ухо Вальсо. – Вот со мной был случай… Мне как раз шестнадцать стукнуло, просыпаюсь и чувствую – потеряю сегодня что-то важное, а что – непонятно. Целый день мучился, из дома выходил, так с собой только кошелек брал и тот четырьмя шнурками к поясу привязывал. Ну, и что ты думаешь? Вечером надоело все, пошел и с горя напился крепкого ячменного пива, а пока был без памяти, меня девчонки побойчее затащили на сеновал… – Эртель сделал многозначительную паузу, хитро поглядывая на заинтересовавшихся товарищей. – Вот мое предчувствие и сбылось – потерял я ее, девственность то бишь…

Таверна вздрогнула от громового хохота, даже Вальсо слегка улыбнулся бледными губами.

– Так что не горюй, может, и с тобой что-нибудь приятное случится, – заключил повествование Эртель и хлебнул пива. Зингарец рассеянно кивнул в ответ и уставился с свою кружку с шапкой пышной пены.

Никто не заметил, что сидевший напротив Вальсо бритуниец побледнел и, часто облизывая губы, неотрывно смотрит на товарища. Но сейчас Веллан не видел ни трактира, ни собратьев по оружию, он, словно обкурившийся желтого лотоса курильщик, грезил наяву. Перед ним вставала большая поляна у обочины заброшенной лесной дороги. Фигуры сражающихся людей, мечущиеся кони без седоков, звон мечей, Вальсо, неуклюже падающий на истоптанный и окровавленный снег… Нет!

Зыбкое видение сгинуло и несколько томительно долгих мгновений Веллан точно плыл

по непроглядно черной реке, а затем перед ним возникла новая картина – заснеженный горный перевал и какие-то огромные твари, напоминающие зубастых ящериц, покрытых густой белой шерстью. Они неслись вниз по склону, ловко огибая торчащие из снега черные камни…

Веллан застонал сквозь плотно стиснутые зубы, сидевший рядом и услышавший непонятные звуки Конан оглянулся, с тревогой посмотрев на него. Бритуниец сидел, вытянувшись, как кхитайский божок, вздрагивал, точно в приступе лихорадки, на скулах горели красные пятна, а чуть расширенные и потерявшие разумность глаза пристально всматривались в обшарпанные бревна стены напротив. Варвар озадаченно помотал головой и решил пока не трогать Веллана, а посмотреть, что будет дальше.

…Место, от которого веет черным, древним злом, трупы людей и оборотней на занесенных редким снегом щербатых гранитных плитах, блики тусклого зимнего солнца вспыхивают на длинных клинках… Стынущие на морозе ручейки пролитой крови… Двое странных существ кружат возле какого-то возвышения в полутемном мрачном зале… Свет, проклятый ослепляющий свет, черно-багровые мертвенные лучи… Больно!

– Больно… – хрипя и захлебываясь хлынувшей горлом кровью, Веллан тяжело повалился на стол, переворачивая стоявшие рядом кружки и миски. Вскочившие воины недоуменно наклонились над ним, Конан приподнял голову бритунийца и отвесил ему несколько оплеух. В глазах Веллана на мгновение появилось осмысленное выражение, а затем он окончательно потерял сознание. Варвар осторожно опустил его на пол, на торопливо расстеленные плащи, и бросил сотнику:

– Придется здесь ночевать. Веллан без памяти, не можем же мы его бросить…

Если бы бритуниец не валялся под столом бесчувственным кулем, он бы закричал:

«– Ни в коем случае! Время уходит, мы опаздываем!..»

И дальнейшие события приняли совершенной иной оборот. Но Веллана унесла темная река его опасного и непредсказуемого дара, а Эрхард согласно кивнул:

– Идет. Хозяин! У тебя сколько комнат свободно?

– Четыре, – отозвался из кухни гулкий бас.

– Так, – начал считать Эрхард. – Гандеры – раз, Вальсо и Хальмун – два, я, Эртель и Веллан – три, Конан и Селена – четыре… Берем все!

– Хорошо, – хозяин соизволил высунуться в зал. – Три серебряных талера за день. Мой сын покажет, где находятся комнаты.

Сотник многозначительно посмотрел на Конана, чья награда в тысячу золотых была уже наполовину пропита и проиграна. Киммериец достал из кошеля на поясе три монеты и бросил их на стол:

– Это за ужин и за жилье.

Блестящие кругляшки тотчас исчезли в кулаке расторопно подбежавшего паренька лет четырнадцати, такого же темноволосого и крепко сложенного, как и отец.

– Конан, Хальмун, отнесите Веллана наверх, – командовать Эрхард любил всегда, но с повышением в должности эта любовь угрожающе перерастала в болезненную страсть.

* * *

Два силача без труда подняли отнюдь не легкого бритунийца и не спеша потопали за раздувающимся от гордости мальчишкой. На второй этаж постоялого двора вела скрипучая деревянная лестница, расположенная в глубине зала напротив входной двери. Поднявшись по ней, мальчик повернул направо и, прошагав по полутемному коридору мимо трех одинаковых дверей, остановился.

– Вот ваши комнаты, две слева и две справа, – ломающимся голосом сказал он, для верности показав рукой. Киммериец пинком распахнул ближайшую створку. Маленькая комнатка с единственным узким окном, плотно закрытым ставнями, грубо сработанный деревянный стол с пятнами жира и пролитого пива на исцарапанной столешнице. К нему придвинуты три таких же колченогих стула, на полу вдоль стен брошены четыре замызганных тюфяка, наводящих на мысль о полчищах обитающих в них «домашних любимцев», то есть вшей, блох и клопов. Покосившаяся на один бок и чуть теплящаяся бронзовая жаровня и горка угля рядом. Больше в комнате ничего не было.

– Эй, парень, в этих матрасах ничего не водится? – осведомился Конан, тыкая тюфяк носком сапога.

– Не-а, – замотал головой мальчишка. – Мы их только вчера на мороз выносили.

– Это радует, – пробормотал киммериец. – Кладем.

Они осторожно положили Веллана возле левой стены, накрыв несколькими плащами. Паренек подбросил в жаровню углей, отчего в комнате стало несколько теплее, и вся троица спустилась в зал. Мальчишка получил от варвара медную монетку, благодарно кивнул и умчался помогать на кухне.

За столом все еще обсуждали внезапное недомогание Веллана. Эртель считал, что его приятель перепил, но большинство не согласилось с этим предположением – все пили то же самое пиво из того же бочонка, и ничего! Конан этот разговор был не особо интересен – что случилось, то и случилось, Веллан очухается и сам все расскажет, а домыслы – дело неблагодарное. Поэтому варвар забрал свою кружку и направился к стойке – широкой доске, положенной на две бочки – с намерением поговорить с хозяином и, если повезет, выяснить кое-что полезное.

Содержатель постоялого двора как будто прочитал намерения киммерийца, и, когда тот стукнул пустой кружкой о доску стойки, предложил:

– Выпьем по одной? Я угощаю.

Конан никогда в жизни не отказывался от дармовой выпивки, а потому радостно отсалютовал трактирщику потяжелевшей кружкой:

– Твое здоровье!

– И за твое, – кратко отозвался хозяин.

Они отхлебнули пива и принялись молча изучать друг друга. Молчание совершенно не входило в планы варвара и он, протянув руку, предложил:

– Может, познакомимся? Я – Конан из Киммерии, наемник.

– То, что ты из Киммерии, видно за лигу, – с легкой усмешкой буркнул трактирщик. – Меня зовут Ревальд, и моя родина здесь, в Пограничье, – он крепко стиснул ладонь варвара своей волосатой лапой. – Давай за знакомство, что ли…

Они сдвинули звякнувшие кружки и некоторое время наслаждались темным пивом с приятным ароматом хмеля. Первым опять заговорил Конан, в душе сетуя, что Ревальд из тех людей, которые неохотно болтают с незнакомцами.

– Как у тебя дела-то идут, в такой глуши? Я и не представлял, что кто-то решит открыть трактир так далеко от поселений.

– На жизнь хватает, – пожал плечами Ревальд. – Деревенские заходят ближе к вечеру пропустить кружечку-другую, караваны иногда останавливаются.

Конан не хотел сразу же переводить разговор на интересующие его вещи, боясь, что и без того не особо разговорчивый трактирщик замкнется или пошлет его подальше, но все же рискнул спросить:

– А в последнее время у вас не происходило чего-нибудь… странного?

Ревальд насторожился и с подозрением покосился на варвара.

– Чего это тебя так интересует?

– Королевская служба. Только тс-с, – заговорщицки прошептал Конан, поднося палец к губам.

– Так бы сразу и сказал, – нисколько не удивился, а даже обрадовался трактирщик. Он допил остававшееся в кружке пиво и поудобнее облокотился о стойку, сделав киммерийцу знак наклониться поближе.

– Странное, говоришь? Было дело… Началось все с полмесяца назад. Ты ведь знаешь, что Хезер – последнее поселение на Гиперборейском тракте? Дальше, до самого Грааскаля тянутся лишь леса да пепелища. Так вот, зачастили в ту сторону одиночные всадники. Сначала по одному, по двое, а дня три назад хлынули сплошным потоком. Но что непонятно – сегодня, кроме вас, никто по дороге не проезжал!

– Да? – прикинулся донельзя удивленным Конан, ликуя в душе. Сведения не врали, след, еще теплый, был прямо перед охотниками…

– Чистая правда! – приложил руку к сердцу Ревальд и, опасливо покосившись на потолок, добавил: – Порази меня Митра, если брешу!

– Рассказывай дальше, – перебил его киммериец, видя, что трактирщик готовит целую клятвенную речь. Ревальд на некоторое время замер с открытым ртом, затем тряхнул головой, собираясь с мыслями, и продолжил:

– Едут, значит… Почти все у меня останавливались, я даже считал – семь десятков и шесть. Сами надменные, слова лишнего не скажут, плащи, как на подбор, черные… Тьфу! – он в сердцах сплюнул на стойку, и, тут же опомнившись, вытер плевок тряпкой. – Пиво пили, ужинали, на чаевые не скупились, но все одно противно…

– Понятно, – протянул Конан и хотел уже было вернуться к столу, но вспомнил кое-что и вернулся:

– Ты говорил, дальше по тракту никто не живет? Почему?

Трактирщик оглянулся и сделал охраняющий жест:

– Грааскаль – дурное место. Там, высоко в горах, полно разрушенных и заброшенных храмов давно позабытых богов. Говорят, у гномов там копи… Раньше в предгорьях селились люди, но после появления Чернолицых они частью сгинули, частью бежали в Бритунию. Поселения заброшены… – Ревальд сокрушенно махнул рукой. – И в них обитает всякая нечисть. Не советую туда лезть. Из десяти рискнувших сунуться в брошенные деревни только один возвращался живым, и из десяти вернувшихся – только один сохранил разум. Самое безобидное из той дряни, что там обитает – ящерицы дрохо. Здоровенная тварь длиной шага в три-четыре, шкура белая, мохнатая…

– Мохнатая? – вот теперь Конан действительно удивился, о волосатых ящерицах ему раньше слышать не доводилось.

– Ну да, длинный густой мех. Чего туда люди-то лезут, на прогулку что ли? – ухмыльнулся Ревальд. – Шкуры на рынках идут один к одному – сколько потянет на вес, столько и золота получишь. Да и мясо дрохо ничего. Они теплокровные, а на вкус почти не отличаются от хорошей свинины.

– Полезные животные, ничего не скажешь, – согласился Конан.

– Единственная помеха, – вкрадчивым голосом сообщил трактирщик, – у дрохо полон рот зубов размером с хороший кинжал и дружелюбием, насколько известно, они не отличаются.

– А-а, – поднял брови киммериец. – Тогда ясно… Давай еще по кружечке?

По-зимнему быстро темнело. Начавшийся еще утром снегопад усиливался, крупные белые хлопья кружились в стылом воздухе, садились на крупы лошадей и таяли, сбегая вниз ручейками воды. Животные недовольно дергали шкурой, фыркали, переминаясь с ноги на ногу и помахивая хвостами.

Конан, случайно глянув в приоткрытую кем-то из служанок дверь, выругался:

– Кром! Наши лошади! Они же замерзнут!

Воины переглянулись. Они уже наелись и напились до отвала, впав в сонливое состояние. Все понимали, что варвар прав, но никому не хотелось вставать и вылезать из теплого трактира наружу, в холод и снеговерть. Гандеры потупили взгляды и молча вертели в руках недопитые кружки. Хальмун положил голову на руки и сделал вид, что крепко спит, для пущего правдоподобия тихонько похрапывая. Эрхард пристально следил за ползущей по стене полудохлой осенней мухой. Эртель, ухмыляясь до ушей, показывал пальцем на Конана: мол, ты предложил – ты и делай.

Лишь один человек не отвел взгляда – невозмутимый Эмерт. Боссонец молча поднялся, отодвинув кружку и тарелку с недоеденным жарким, набросил полушубок и вышел на улицу. Конан последовал за ним.

Порыв ветра швырнул им в лица пригоршню мокрого, липкого снега. Варвар расхохотался и утерся рукавом. Разгулявшийся снегопад опять напомнил ему Киммерию.

Каурый конек, названный Конаном Вихрем, встретил хозяина радостным ржанием и ткнулся теплой мордой в ладони – не принес ли чего вкусненького? Варвар протянул ему кусок захваченной с собой лепешки, и конь, благодарно покосившись на человека огромным темным глазом с хитрыми искорками, аккуратно, одними губами взял угощение, аппетитно зачмокав.

Не успели Конан и Эмерт отвязать и двух лошадей, как дверь трактира хлопнула и на улицу выскочили Гильом и Гарт. Виновато поглядывая на киммерийца, они начали распутывать поводья.

Отведя всех животных на конюшню и насыпав в ясли овса, Конан и его спутники вернулись в зал, и, пропустив напоследок по кружечке, решили отправиться на боковую.

…Варвар долго устраивался на своем тощем тюфяке, ворочался и проверял, не накинется ли на него различное шестиногое кусачее зверье. Несмотря на его в общем-то справедливые опасения, ничего подобного не происходило. Сынок трактирщика сказал правду – тюфяки оказались чистыми.

После обильной пищи и не менее обильных возлияний у киммерийца не было никакого желания заниматься чем-либо, помимо сна. И потому, когда Селена, стянув рубашку, обнажила свои упругие груди с торчащими сосками и, зазывно покачивая бедрами, подошла к его ложу, Конан развернул ее и легонько шлепнул по пышным ягодицам:

– Иди поспи, моя милая, и мне дай отдохнуть.

Селена обиженно надула губки, но спорить с варваром не решилась и гордо удалилась в свой угол.

«Деревенская девчонка, а походка как у заправской шлюхи,» – вяло подумал Конан и, повернувшись к стене, мгновенно заснул.

* * *

Ревальд вытолкал из трактира уж больно засидевшихся пьяниц и вышел на крыльцо. Снегопад прекратился, тучи разошлись и пустынную деревенскую площадь заливал бледный свет новорожденной луны. Только что выпавший снег переливался тысячами радужных звезд, а деревья казались жилищами причудливых, неуловимых существ…

Трактирщик снял изрядно заляпанный жиром фартук и скрестил заросшие густой шерстью руки на груди, покрытой кожаной безрукавкой со сложным узором из ярко-красных шнуров. Он любил порой, перед закрытием трактира, постоять вот так на крыльце, смотря на спящую деревню и близкие горы за ней.

Откуда-то слева донесся перестук копыт скачущей лошади, смягченный пушистым снежным ковром. Звуки приближались и Ревальд насторожился – кто это едет в столь поздний час?

На площадь выехал всадник, так уверенно сидевший в седле, что на мгновение в душе трактирщика мелькнул суеверный ужас – ему показалось, что в деревне появился сказочный кентавр.

«Кентавров не бывает,» – всплыл в голове уверенный чуть надтреснутый старческий голос.

«Учитель Деккен!» – едва не вскрикнул вслух Ревальд. Перед его глазами появилась давно забытая картина – он сам и еще пяток ребят слушают, раскрыв рты, старого, морщинистого как печеное яблоко, старичка. «И драконы бывают, и вампиры, и демоны, и много другой всякой нежити…» С годами Ревальд не раз убедился в правоте слов наставника, и всегда бежал от подобных тварей, нисколько не стыдясь своего страха.

Правда, когда в Хезере объявился вурдалак, повадившийся пить кровь у младенцев, именно трактирщик первым взял в руки осиновый кол и предложил проверить свежие могилы на лесном погосте. Оказалось – безобразничал недавно отдавший концы старый пьяница шаман. Когда его раскопали, все в ужасе отшатнулись – могила была до краев заполнена кровью… Ревальд уже занес свой кол, чтобы навсегда прикончить тварь, но не успел – на лицо мертвеца упал солнечный луч. Он раздавшегося воя заложило уши, а когда он стих – в черной яме лежал лишь скелет с обрывками полуистлевшей плоти на пожелтевших костях.

Неизвестный всадник тем временем рысью выехал на площадь. В своем черном плаще с низко опущенным капюшоном и мрачно поблескивающими глазами он напоминал бесплотного призрака из страшных детских сказок. Ревальд на всякий случай сделал охраняющий знак, быстренько повернулся и юркнул за дверь, предусмотрительно заложив ее на внушительного вида засов.

Не успел трактирщик облегченно вздохнуть, как на дверь один за другим обрушились три тяжелых удара. Ревальд вздрогнул, прочистил горло и как можно спокойнее спросил:

– Кого там принесло? У нас уже закрыто!

– Свои, – голос был невозмутим и зловещ.

– Свои все дома сидят, пиво пьют, – попытался отшутиться Ревальд, которому было вовсе не до смеха.

– Открывай, кому говорят, – в голосе появились нотки раздражения.

– А если не открою? – робко поинтересовался трактирщик, утирая подрагивающей ладонью потный лоб и на всякий случай отступая на пару шагов от двери.

Из-за створки донесся едкий смешок:

– Ну, если ты не хочешь потерять то хозяйство, что болтается у тебя между ног, можешь не открывать…

Ревальд некоторое время поразмышлял над услышанным и пришел к утешительным для себя выводам. Во-первых, человек за дверью один, а в трактире достаточно народу, даже королевские стражники имеются; во-вторых, хозяйства лишаться вовсе не хочется. Может, у этого типа за дверью сотня неподалеку припрятана, которая только и ждет сигнала, чтобы взять штурмом несчастный «Последний приют». При одной мысли о том, что может случиться потом, у Ревальда похолодело в паху. Ладно, откроем…

Незнакомец перешагнул порог, но дальше не пошел, и капюшона не скинул. Горящие глаза быстро осмотрели пустой, только что прибранный зал, и остановились на хозяине, скромненько переминавшемся с ноги на ногу прямо перед поздним посетителем.

– Надо бы тебе отрезать кое-что, – в руке незнакомца сверкнул длинный ильбарский кинжал, – да оружие пачкать не хочется. Принеси мне кружку пива, да побыстрее!

Услышав слова гостя, Ревальд внутренне возликовал и, торопливо отвернувшись, чтобы скрыть ухмылку, почти побежал к стойке. Как бы не был угрожающ тон незнакомца, он не более чем хвастун и зазнайка. Его заставили на крыльце стоять, а он даже по роже не двинул замешкавшемуся хозяину. Господа королевские гвардейцы, – трактирщик поежился, – за такое обхождение не только морду набили, но и ногами бы еще попинали всласть, потом напились бы пива до зеленых демонов, причем самого лучшего, разломали все, что попадется под руку, и уехали, не заплатив и медяка.

Незнакомец, так и стоявший возле приоткрытой двери в лужице талой воды, натекшей с его плаща, взял принесенную Ревальдом кружку, сделал несколько крупных глотков и удовлетворенно вздохнул:

– Почти неделю пива не пил! Пожалуй, я даже заплачу тебе за него и за ответ на один вопрос, – он внимательно посмотрел на Ревальда, но трактирщик пялился на него столь искренним и преданным взглядом, что, казалось, почтенный владелец сейчас высунет язык и начнет лаять. Гость чуть заметно скривился, допил пиво и грохнул кружку о косяк двери. Ревальд охнул, но ничего не сказал.

– Слушай внимательно, – вполголоса, хотя вокруг никого не было, начал поздний приезжий. – Мимо твоего заведения сегодня не проезжал небольшой отряд – восемь мужчин и девица?

– Да они у меня ночуют, – легкомысленно махнул рукой трактирщик и тут же прикусил язык, но было поздно.

– Отлично! – в холодном голосе незнакомца промелькнула радость. – А теперь слушай еще более внимательно. Ты ничего не скажешь им обо мне и моих вопросах, ты вообще ни

словом не обмолвишься о том, что ночью кто-то заходил в трактир. Иначе… – гость сделал понятный любому жест, обозначавший быструю, но весьма болезненную кастрацию. Ревальд сглотнул и испуганно закивал.

– Вот и умница. Держи за пиво и кружку, – гость швырнул хозяину приятно увесистый мешочек, развернулся и вышел, с грохотом захлопнув за собой дверь. Со второго этажа донесся чей-то гневный вопль:

– Ревальд, хорош дверьми громыхать, а то сейчас спущусь и твоей мордой постучу о стену!

Трактирщик не обратил на это предупреждение никакого внимания. Он стоял, внимательно прислушиваясь к удаляющемуся стуку копыт. Лишь когда он окончательно затих вдалеке, Ревальд решился распустить завязки мешочка и запустить туда руку.

– О, Митра, – тихо простонал он, увидев на своей ладони тускло блестящие монеты. Поздний гость в черном плаще расплатился чистым золотом, столь редким в землях Пограничного королевства…

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
в которой происходит резня на тихой полянке

Утро выдалось тихое и морозное, в бледном небе сияло алое мохнатое солнце, тихо поскрипывал снег под сапогами деревенских жителей, снующих туда-сюда по площади. Конан проснулся и некоторое время просто лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к звукам начинающегося дня. Где-то заливисто прокричал петух, в соседнем хлеву низко промычала корова, из конюшни при постоялом дворе доносилось тихое ржание их собственных лошадей. В правом углу комнаты мирно посапывала Селена, иногда постанывая во сне. За соседней стенкой богатырски храпел Хальмун. Варвар усмехнулся про себя, вспомнив старую поговорку: «Храп ванира способен поднять мертвеца из могилы или разрушить крепость». Странно, что эта деревянная лачуга еще не раскатилась по бревнышку. Внизу Ревальд шепотом переругивался со служанками, но разобрать, по какому поводу, было невозможно.

Наконец Конану надоело валяться на жестком тюфяке и захотелось пива. Поэтому он поднялся, блаженно потянувшись и зевнув, и по узкой шаткой лестнице прогрохотал в зал. Там уже завтракали гандеры и Эртель, уплетая яичницу-глазунью с беконом и зеленым луком. От ароматного запаха у киммерийца немедленно потекли слюнки и заурчало в животе, и он, толкнув пробегавшего мимо хозяина, потребовал:

– Кувшин светлого пива и яичницу, как у них, но из пяти штук.

– Сейчас, – рассеянно пробормотал Ревальд, у которого перед глазами все еще стоял вчерашний пугающий гость. Трактирщик так и не сказал о нем ни слова, хотя Эртель все утро язвил по поводу хлопавших ночь напролет дверей и наперебой с гандерами строил самые невероятные объяснения этому чрезвычайному происшествию.

Уже перед самым отъездом, когда оседланные кони ждали на площади своих хозяев, вышедший на крыльцо Ревальд бросил:

– Ну, удачи вам, заезжайте еще… И будьте осторожны.

– Да мы всегда осторожны, – хмыкнул Эртель. – Потому еще живы.

Веллана при этих легкомысленных словах приятеля точно кольнуло возле сердца, перед глазами пронеслись вчерашние туманные картины… Сколько бритунийца не расспрашивали, что с ним случилось, он молчал, как чернолицый на допросе или кратко отвечал, что ничего не помнит. В конце концов от него отстал даже Эртель, недовольно заметив, что дело так скоро может дойти до старческого слабоумия. А за примером, чем это грозит, далеко ходить не надо, он всегда перед глазами. К счастью для племянника, Эрхард с утра был достаточно добрым и ограничился вялой руганью.

Вскоре деревня Хезер осталась позади, а дорога нырнула в густой, дремучий лес. Въехав под его мохнатый, закутанный снегом полог, воины невольно придержали коней.

Зрелище высоких заснеженных елок, весело искрящихся под лучами холодного зимнего солнца, доставило отряду большое удовольствие и все глазели по сторонам, охая и ахая, будто никогда не бывали в зимнем лесу. За тропой следил один Эмерт, не имевший привычки отвлекаться по пустякам, а Конана постоянно дергала за рукав Селена, возбужденно указывая то на разлегшуюся на ветках огромную змею из снега, то на промелькнувшего оленя, то на бахрому причудливых сосулек. Киммериец был уже сыт красотами природы по горло и начинал сурово хмуриться, но девушка настолько увлеклась, что не замечала этого.

Потому-то Конан и проморгал показавшийся впереди подозрительный просвет. Эмерт предостерегающе крикнул, однако конь ехавшего первым Эрхарда уже ступил на огромную открытую поляну, залитую солнцем. Дорога пересекала ее и снова погружалась в голубоватый полусумрак, исчезая за стеной неподвижных деревьев. Поляна пустовала, так что сперва Конан подумал – зря боссонец поднимал тревогу.

В конце цепочки плелся Веллан, за ним неторопливо трусил конь Хальмуна. Мрачные предчувствия не давали бритунийцу ни мига покоя, а когда он увидел снежное поле, крик сам, помимо воли, рванулся наружу:

– Бежим!

Остальные удивленно обернулись, смотря на его перекошенное и побледневшее лицо, и начали встревоженно озираться, ища причину тревожного вопля или возможного врага.

И тут позади отряда на дорогу с тяжким скрипом-стоном обрушилась огромная ель. Взгляды завороженно следили за медленным величественным падением дерева. Раздался глухой удар, от которого с близстоящих деревьев с шорохом посыпался снежный покров. Тут уже к воплю присоединились Эмерт и Конан, но опоздали – дальнейший путь вперед перекрыло точно такое же дерево.

– Вот дерьмо, – сплюнул Эртель, выразив общее мнение, и тут до его ушей долетел приглушенный всхрап. Звук шел из густых зарослей на краю поляны, усиливаясь с каждым мгновением, и вскоре, взрывая пушистый снег, на открытое пространство выехали не меньше трех десятков всадников, кольцом охватив отряд охотников на оборотней. На всех были одинаковые черные плащи с капюшонами, только днем они показались Конану не зловещими, а смешными. Но варвар не засмеялся – положение не располагало. Поляна угрожала вот-вот превратиться в поле боя, исход которого мог стать для десятка весьма плачевным. Пока же будущие противники настороженно разглядывали друг друга. Королевские стражники тоже построили круг, укрыв в центре Селену.

Чистый морозный воздух над поляной внезапно показался Конану наполненным удушливыми испарениями кушитских болот; казалось, он сгустился и, став осязаемым, распирал наполненные до отказа легкие. Что-то недоброе повисло над лесом. Может, сам Черный Эрлик, бог мертвых, посмеиваясь, смотрел на своих слуг, готовившихся собрать для него кровавый урожай…

Это было испытание выдержки, и Эртель его проиграл. С парня слетела вся спесь, он вертелся в седле, озирался по сторонам и, явно потеряв самообладание, выкрикнул, срываясь на петушиный вопль:

– Эй, какого демона?! Дайте нам проехать!

По черному кругу прокатился тихий смешок:

– Проезжай, кто ж тебе не дает…

Эртель беспомощно оглянулся – дядя смотрел на него с нескрываем презрением, а Конан раздраженно цокал языком. Внезапно черные плащи упали на снег, открыв блестящие кольчуги и шлемы.

– Нергалово дерьмо, это же три первых десятка из стражи внешних стен! – выругался ошеломленный сотник, сдвигая шлем и почесывая затылок. – Что происходит?

У остальных был не менее удивленный вид. Они таращились на врагов, узнавая в их по-прежнему молчаливых рядах кое-кого из знакомых. Не то чтобы друзей, и все же… Конан осторожно вытянул меч из ножен до половины. Клинок был спокоен и даже не мерцал. Значит, оборотней поблизости нет. И на том спасибо.

– Вы еще спрашиваете, что происходит? Так я вам сейчас растолкую, – будь здесь Ревальд, он сразу же бы признал этот спокойный и сладко-вкрадчивый голос. – После того, что вы сотворили, вас стоит казнить трижды и наиболее мучительным способом!

Нестройный хор возмущенных голосов выразил горячее желание узнать, за какие такие провинности им полагается столь жестокое наказание. Конан же подумал, что если не удастся сразу же решить дело миром (а все к тому и идет…), то ему и его товарищам придется несладко. Впрочем, «несладко» – мягко сказано. Конечно, не так давно они без особых трудов справились с толпой, в двадцать – если не больше! – раз превосходившей числом маленький отряд. Однако толпу составляли обычные кмети, неуклюжие, незащищенные и плохо вооруженные. Сейчас превосходство было всего лишь тройным, но противники были почти равны в воинском умении.

«Нет, вряд ли кто-нибудь из этих черноплащных мерзавцев стреляет метче Эмерта, умеет биться двумя мечами лучше Гильома или сможет противостоять двуручнику Веллана… не говоря уже о секире Хальмуна! Да и сам я чего-нибудь стою, раз до сих пор остался в живых, – скромно похвалил сам себя киммериец. – Но это если драться один на один. А когда полезут трое на одного…»

Тут варвар был уверен только в себе и сильно беспокоился за остальных, а особенно за Эртеля, умевшего хорошо трепать языком, но, в отличие от такого же болтуна Веллана, не так хорошо сражавшегося. В сознании киммерийца прочно угнездилась невеселая мыслишка о том, что вечером они недосчитаются кое-кого. А может, даже считать-то будет некому…

Тем временем донельзя возмущенный нахальством десятка предводитель черных плащей продолжал:

– Вы же и есть убийцы женщин, детей и стариков! Кроме того, вы подозреваетесь в нападении на дворец в ту трагическую ночь, – он молитвенно поднял глаза к небу, – когда безвременно погиб Его величество Дамалл. Мы – орудие мести в руках Создателя!

Конан насторожился – совсем недавно он уже где-то слышал нечто подобное. Эрхард же разъяренно заорал:

– Да пошел ты… к Нергалу в задницу! Кто тебе забил уши таким дерьмом? Все – вранье, от первого до последнего слова! Найдем шутника – за яйца повесим! Такое придумать, а?..

Поток брани прервал глухой ропот в рядах воинов, взявших поляну в тесное кольцо. Стоявший впереди командир властно поднял руку, заставив подчиненных заткнуться, однако Конан успел заметить, что каждый из противников подвинул оружие поближе к себе. Так… Пять арбалетов, ни одного лука, зато у всех копья или, скорее, короткие пики с закругленным наконечником и лохматым темляком красно-черной расцветки. Кольчуги обычные, шлемы, легкие круглые щиты – отражать стрелы, отводить копья и скользящие удары мечей – простые деревяшки, обтянутые кожей. Мечи средней длины, удобные для рубки с седла, хотя Веллан, например, действовал двуручником одинаково хорошо и стоя на земле, и сидя в седле. У нескольких за пояс заткнуты кистени, а у одного даже тяжелая короткая булава с острыми треугольными шипами. В общем, держитесь за свои драгоценные задницы, защитники Пограничья… Нет, надо было ехать в Аквилонию! Или в гости к Мораддину!

– Я не собираюсь с вами спорить, да это и не к чему, – холод в голосе предводителя пробирал до костей. – Вы просто умрете. Вперед!

* * *

По сигналу командира солдаты наклонили пики и одновременно пришпорили коней. Окруженный десяток, ругаясь на все лады, выхватил оружие и приготовился к самой опасной за последнее время стычке.

Свистнули первые стрелы – арбалетчики черных плащей стреляли на скаку, а потому ни один из тяжелых болтов не попал в цель. В ответ протяжно дзинькнула, распрямляясь, тетива огромного боссонского лука, и первый противник расстался с жизнью. Тело с пробитым горлом завалилось набок и повисло, запутавшись в стременах. Некоторое время скачущий конь волочил его за собой, оставляя на чистом снегу полосу разбрызганной крови.

– Пристрели главаря! – крикнул лучнику Конан. Эмерт спокойно кивнул и крученая тетива вновь щелкнула по иссеченному кожаному браслету с красными змейками, украшавшему левое запястье стрелка. Предводитель легко свел неотвратимую жалящую смерть на нет, отведя ее вовремя подставленным щитом, и издевательски захохотал. На невозмутимом лице боссонца появилась тень неудовольствия, и следующую стрелу ему пришлось всадить в глаз воину, чьи пика находилась в опасной близости от груди лучника.

В следующий миг раздался слитный вопль, заглушивший глухие удары и скрежет железа по железу.

Позже, вспоминая этот день, Конан пришел к выводу, что десяток спасло от смерти во время первого же столкновения только то обстоятельство, что у нападавших были легкие тонкие пики, а не тяжелые боевые копья наподобие пуантенских, с широкими плоскими наконечниками.

Киммериец спокойно встретил летевшего на него врага и опустил меч только в последний момент. Добрая половина копья вместе с навершием улетела под ноги коню, а ошеломленный лишением оружия солдат не успел натянуть поводья. Конан поймал его шею на сгиб локтя и слегка дернул к себе. Вылетевший из седла как пробка из бутылки парень рухнул на снег. Уже мертвый.

Не всем повезло так, как опытному и привыкшему к таким сражениям варвару. Гарт принял пику на грудь, понадеявшись на крепость кольчуги, и отправился на свидание с матушкой-землей, прямо в истоптанный лошадьми снег. О торс Хальмуна сломали аж четыре древка, а ваниру хоть бы хны. Один из нападавших в сердцах выкрикнул: «Словно в скалу метать!» Ему повезло – секира обрушилась на него сзади, разрубая коню хребет, а вот трем другим нападавшим пришлось гораздо хуже. Первому свистящий в воздухе изогнутый топор снес голову, второго развалил от ключицы до паха, а третьему снизу вверх вскрыл живот. Еще одного врага прикончил Веллан, пропустив несущегося во весь опор воина мимо себя и мимоходом приласкав его мечом по спине.

Под Гильомом убили коня и тот, падая, придавил своей тушей ногу гандера. К счастью, атакующие слишком разогнались и не смогли сразу остановиться, чтобы добить его.

Стоны, крики, хруст снега и лязг железа смешались в жуткий шум. Конан, бросив быстрый взгляд по сторонам, с радостью отметил, что из десятка никто, кроме гандеров, не пострадал, отделавшись легкими царапинами, да Эртелю распороли левый рукав.

Зато противник в первой же атаке потерял семерых. Пока они перегруппировывались да доставали мечи, опомнившийся Эрхард скомандовал:

– Рассыпаться! Хальмун, прикрой Гильома! Селена, марш в лес! Эмерт, давай за ней и стреляй побольше!

Девушка послушно стегнула лошадь и галопом понеслась к упавшему дереву, перекрывшему выход с поляны. В своей маленькой ладони она сжимала рукоять кривой туранской сабли, легкой и прочной. На ее пути оказался лишь один враг, и ухмылка на его лице ясно говорила об участи пленницы в его лапах.

Ухмылка, впрочем, тут же сменилась гримасой боли. Селена не церемонилась, и, когда противник попытался схватить ее за руку, просто перебросила саблю в левую руку и молниеносно ударила сверху вниз. Рука нападавшего внезапно перестала ему подчиняться и, отрубленная по самое плечо, повисла, продолжая цепляться за рукав полушубка Селены. Девушка брезгливо смахнула ее, как ядовитое насекомое, и помчалась дальше, оставив тихо воющего врага сползать с лошади и умирать на грязном снегу.

– Вот это девчонка! – восхищенно заорал ей вслед Конан. – Восемь, Эрхард, восемь! Теперь осталось по два ублюдка на каждого из нас! Глядишь, мы еще и победим!

Селена бросила лошадь у загородившего путь ствола, перелезла через него и исчезла из виду.

Хальмун, слезший с коня, приподнял тушу погибшей лошади и помог Гильому выбраться. Тем временем Эртель приводил в чувство Гарта. Гандер кашлял и с трудом дышал, его брат прихрамывал и тоже выглядел неважно. Залезать в седла они оба отказались наотрез, предпочтя сражаться пешими.

Эмерт, отъехав поближе к кустарникам на краю поляны, время от времени пускал стрелы, но особого успеха не достиг – оцарапал двоих или троих.

Уцелевшие враги собрались в кучу и что-то ожесточенно обсуждали. Десяток, повинуясь приказу Эрхарда, расползся по поляне, всем своим видом призывая черных плащей сделать то же самое. Но планы тех, видимо, были несколько иными – игнорируя самых опасных бойцов, то есть Хальмуна, Конана и Веллана – они помчались на пеших гандеров, одиноко маячившего далековато от всех Вальсо и Эмерта.

Почуявшие опасность гандеры рванулись в разные стороны – Гарт побежал по направлению к Хальмуну и остальным всадникам, Гильом понесся к близкому лесу.

Стрелы боссонца наконец-то отыскали жертв. Первые двое рухнули с пробитыми навылет сердцами. «Кольчуги плохие», – бесстрастно отметил Эмерт, выбирая следующую цель, но тут что-то с силой ударило его висок и он, выпустив лук, провалился в непроглядную тьму.

Конан успел увидеть, как скачущий несколько в стороне воин в черном плаще поднимает арбалет, а потом – валящегося из седла боссонца. Трое спешивших на помощь не успевали.

Вальсо, оставшийся в одиночестве, поднял саблю, готовясь к поединку, но мчавшийся на него противник лишь усмехнулся, нажимая на спусковой крючок арбалета. Болт ударил зингарца в живот, чуть пониже солнечного сплетения, прошил кольчугу, как иголка – тонкую ткань, и глубоко ушел в тело, разрывая внутренности. Боль нахлынула гигантской, поглощающей все волной, но усилием воли Вальсо удержал сознание на грани бездонной пропасти, а тело – в седле, а даже сумел парировать первый обрушившийся на него удар.

«Был бы Эмерт жив…» – зверея, подумал киммериец, безжалостно нахлестывая скакавшего через глубокий снег коня.

…Противник издевательски захохотал и выбил тяжелую абордажную саблю из

слабеющих рук Вальсо.

«Друзья, где вы?» – мысленно позвал зингарец. Один раз они уже спасли его от смерти, но сегодня никого не оказалось рядом… Вальсо поднял тяжелеющую голову и увидел за нападающими пять знакомых лиц, искаженных ужасом и болью.

«Не бойтесь, я с вами,» – мысленно произнес он. На лице зингарца появилась странная, по-детски открытая улыбка, последняя в его жизни. Меч опустился на его незащищенную шею справа, взметнулся и ударил слева… Все с той же улыбкой Вальсо медленно повалился вперед, ткнувшись лицом в густую гриву своего коня. По рыжей шерсти животного побежали вниз тонкие струйки ярко-красной и оттого более ужасной крови.

– Не-ет!!! – надрываясь, закричал Веллан. Противники обернулись на крик. Перед ними был лес и тело упавшего с лошади лучника, позади – преступники. Отступать было некуда.

Гильом, сумевший беспрепятственно добежать до заиндевевших кустов, подхватил бесчувственного Эмерта и оттащил под ближайшую елку, скрывшую их под раскидистым шатром развесистых лап. На щеке гандера повисла одинокая слезинка. Сегодня на его глазах погибли, были жестоко убиты двое его друзей, а его мечи все еще не напились крови… Нет, этого не может быть!

Насторожившийся Гильом наклонился к самому лицу боссонца. Да, Эмерт действительно дышал. Правда, дыхание было еле заметным, но все же он остался жив! А ублюдки еще поплатятся за содеянное! Гандер почувствовал, что звереет и больше не может сдерживаться. В последний раз оглянувшись на надежно укрытого под ветвями Эмерта, он выскочил наружу, держа мечи наготове.

Гарт медленно, с трудом преодолевая каждый шаг по рассыпчатому снегу, добрел до поваленной ели, преграждавшей дорогу обратно, и, привалившись к ней спиной, стал ждать. Он был равнодушен к собственной боли и возможной близкой смерти, и сожалел лишь о том, что не может помочь друзьям. Гарт хрипло дышал и, прищурившись от резавшего глаза солнечного света, завороженно следил, как два отряда столкнулись в смертельной схватке.

Они неслись убивать. Пять человек, пригнувшиеся к гривам лошадей, скачущих в сияющих облаках снежной пыли. Они казались телесным воплощением смерти, и может поэтому заглянувшие в их лица противники попытались придержать коней, тем самым затормозив атаку и создав небольшую свалку, в которую смертоносными косами врубились пятеро.

И сразу же на истоптанный снег с короткими предсмертными воплями рухнули пятеро воинов в черных плащах. Остальные попытались вырваться из образовавшейся толпы, а мечи и секира снова и снова взлетали вверх… Это была работа для мясников.

Перед Конаном мелькнуло когда-то надменное, а теперь перепуганное лицо командира черных плащей, мелькнуло и сгинуло, залившись кровью. Рангильдор, кажется, уже действовал сам по себе, увлекая за собой сжимавшую его руку. Солоноватый запах крови пьянил не хуже старого вина и вселял уверенность в победе.

Может, уверенность и сыграла дурную шутку, но остававшаяся в живых дюжина противников вдруг начала бешено сопротивляться. Руководил ими убийца Вальсо. Увидев его, Конан издал нечленораздельный яростный вопль и пнул лошадь каблуками, поднимая ее на дыбы и бросая в самую гущу боя. Кому-то из врагов не повезло, чертивший в воздухе блестящую дугу кончик длинного меча мимоходом коснулся жилы на его шее…

Хальмун в очередной раз взмахнул огромной секирой. Единственный глаз ванира бешено сверкал, придавая ему сходство не то с каким-то чудовищем в людском образе, не то

с богом войны, сошедшим на землю. Замах оказался слишком широким, ванир непредусмотрительно открыл бок и этим немедленно воспользовались. Шипастая булава ударила его справа, разорвав звенья кольчуги. В горячке боя Хальмун даже не почувствовал, что ранен, обрушивая секиру на голову противника, но тот ловко увернулся. Снова взмах, и снова тяжелая булава ударяет в незащищенный бок… Хальмун взревел от ярости и боли, и ударил топором по обладателю булавы. Тот успел только вскрикнуть, прежде чем стальное лезвие развалило череп до основания шеи. Но дело было сделано – по ногам текла горячая липкая кровь, и с ней ванир начинал терять силы.

Неуловимый враг все еще вертелся перед ним, пытаясь тонкой сабелькой парировать удары боевой секиры. Хальмун так и не понял, каким образом легкая сабля смогла разрубить толстое, окованное для крепости железом дубовое топорище, однако рукоять вдруг стала почти невесомой, а два лезвия, прощально сверкнув, вонзились в снег. Рука ванира легла на кинжал, именно легла – он потерял слишком много крови и не мог тягаться в быстроте с нападавшим. Лицо Хальмуна выражало безграничное удивление, когда сабля пролетела совсем близко от него. Удар вышел на славу, с оттяжкой, располосовав физиономию северянина. Ванир заревел от боли и обиды, и нетвердой рукой метнул кинжал. Противник без труда уклонился и, привстав на стременах, нанес удар сверху вниз, вложив в него всю силу и свалив великана на землю.

Почти сразу коротко вскрикнул Веллан, которому в свалке распороли бедро. Гнедой Вихрь киммерийца споткнулся и грузно повалился на передние ноги. Варвар кубарем свалился на землю и тут же вскочил, с легкостью отразив направленный в голову сабельный удар. А вот ответного удара не получилось, усталая рука дрогнула и вместо того, чтобы поразить всадника, Конан с хряском подрубил ноги бедной лошади.

Киммериец был уверен, что раздавшееся пронзительное ржание, напоминающее человеческий крик, будет теперь преследовать его всю оставшуюся жизнь. «Старею, – с грустью констатировал Конан. – Старею…»

Всадник успел соскочить с повалившегося набок коня и, едва обретя под ногами твердую землю, очертя голову кинулся на варвара. Тому оставалось только выставить перед собой меч. Противник всем телом навалился на острие, Конан от неожиданности отступил на шаг назад, пытаясь сохранить равновесие и запнулся о тело бьющейся в агонии лошади. Уже умирающий враг с хриплым воем бросился на варвара, насаживаясь на клинок, как медведь на рогатину, и они оба опрокинулись в снег. При этом Конан хорошо приложился затылком о чей-то шлем.

Последнее, что он услышал, был хриплый тоскливый волчий вой. А может, это ему только показалось.

* * *

Придя в себя, варвар ощутил тупую, ноющую боль в затылке и тяжелую свинцовую усталость, заполнившую, казалось, все тело. Кто-то – скорее всего, Селена – обернул его раскалывавшуюся от боли голову тряпкой со снегом, но все равно…

Конан с трудом приоткрыл глаза. Над ним было ярко-синее и, вне всякого сомнения,

утреннее небо. Выходит, он провалялся без сознания целую ночь? Они победили, но какой ценой? Кто остался жив?

– Се-ле-на, – вяло позвал киммериец, даже не пытаясь встать. Почти сразу же небо заслонило знакомое милое и встревоженное личико.

– Я здесь, – тихо сказала девушка. – Лежи спокойно, у тебя голова разбита.

– Кто выжил? – с замиранием сердца задал Конан единственный интересующий его вопрос.

– Погиб только Вальсо, – с горечью отозвалась Селена. – У Эмерта здоровая шишка на виске и он не помнит ничего после нашей ночевки в Хезере. Гарту, кажется, сломали ребро, он еле дышит. Гильом сильно хромает, а так с ним все в порядке. Веллану распороли бедро и бок, а Эртель и дядя отделались парой порезов.

– А Хальмун?

Девушка помолчала, вздохнула и неохотно ответила:

– Он жив, но очень плох – его почти изрубили на куски. Наверное, он не дотянет даже до вечера… – она еле слышно шмыгнула носом.

– Не хнычь, – мрачно сказал Конан и с трудом поднялся на непослушные и предательски дрожащие ноги. Голова кружилась, деревья, растущие вокруг поляны, прыгали с места на место, но варвар все же устоял – хотя и с помощью Селены – и огляделся по сторонам. Поляна выглядела ужасно – чистый белый снег был истоптан и стал красноватым от пролитой крови. То тут, то там валялись трупы. Много трупов, почти три десятка…

– Они все здесь? – спросил Конан у подошедшего Эрхарда, заранее зная ответ.

– Все, – кивнул сотник и вполголоса добавил: – Я рад, что тебе лучше. Пойдем, Хальмун умирает. Он говорил, что хочет тебя видеть.

Ванир лежал на груде елового лапника, накрытого плащами, и почти ничем не отличался от мертвецов на снегу. Только время от времени на рассеченных губах пузырилась розовая кровь, доказывая, что безжалостно изрубленный человек еще дышит. Его лицо напомнило варвару события почти двадцатилетней давности. Жаркие барханы Туранских пустынь и человек по имени Хассек с разрубленным точно так же лицом валится на белый блестящий песок, чтобы никогда с него не подняться…

Руки ванира сжимали обломки секиры. Когда он ненадолго пришел в сознание, то, кашляя кровью, попросил, чтобы ему принесли его оружие.

Конан не плакал – он не умел – но душа его рыдала. Только сейчас, прожив на свете почти четыре десятка лет, он начал понимать подлинную цену чужой жизни. Особенно если это жизнь твоего друга.

Внезапно огромное тело дернулось. Многочисленные наспех наложенные повязки сразу пропитались кровью. Сидевший у изголовья Эмерт наклонился, прислушался и, поднявшись на ноги, отрицательно покачал головой, почти беззвучно пробормотав:

– Это конец.

Единственный налитый кровью глаз Хальмуна медленно открылся и увидел того, кого хотел увидеть.

– Конан, – в горле ванира клокотала и булькала кровь, но слова звучали внятно. – Я не попрощался только с тобой. Я ухожу к Имиру и вижу тебя в последний раз. Наши боги не слишком жалуют друг друга, но теперь мне на это наплевать… Прощай, Конан. Для киммерийца ты был неплохим парнем.

Варвар печально усмехнулся:

– Прощай, Хальмун. И ты был хорошим человеком для ванира.

Лицо Хальмуна начало быстро сереть, потухший взгляд остановился на вершинах заснеженных елей. Отряд молча стоял вокруг, никто не решался сказать хоть слово или протянуть руку и закрыть единственный глаз умершего товарища. Неожиданно Конан поднял голову к пронзительно-синему небу и протяжно закричал, не в силах сдержать горе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
в которой отряд ночует в подозрительной деревушке, а маг показывает фокусы

– Эрхард, а как вам удалось с ними расправиться? Что вообще произошло после того, как я грохнулся?

Сотник хмыкнул и пригладил усы, прежде чем начать неторопливое повествование о минувшем сражении:

– Ты еще не успел упасть, как откуда-то высочил Гильом. Он орал как бешеный, а рубился так, словно в него демон вселился. Именно он расправился с убийцей Вальсо и Хальмуна, а мы с племянником – Веллан к тому времени уже не мог держаться в седле – насели спереди. Оставшиеся в живых не выдержали и бросились в разные стороны. Их осталось всего пятеро. Один по дурости попытался проскочить между мной и Эртелем. Мы сделали из него три куска мяса. На другого бросился Гильом, стащил с коня и перерезал горло. Еще один счел Гарта легкой добычей… Два меча убедительно доказали, что это не так. Прежде чем свалиться, он прошел несколько шагов, волоча за собой кишки… Четвертого зарубила Селена, когда он попытался перелезть через дерево и удрать. Последний на счету Веллана. Наш остряк свалил его коня, и парень просто вылетел из седла, свернув себе шею.

– Исчерпывающий рассказ, – Конан оглянулся назад. Зловещая поляна была теперь лишь туманным просветом между высокими деревьями. Отряд, уменьшившийся на двух человек, медленно ехал по занесенной снегом дороге, направляясь к угрюмым клыкам Грааскаля, возвышавшимся совсем рядом и сверкавшим немыслимо чистой белизной. Позади над притихшим лесом вилась еле различимая струйка сизого дыма – догорал очередной погребальный костер.

Настроение в отряде было подавленным. Веллан еле держался в седле, то и дело морщась от боли в раненом бедре. Гарт часто кашлял, сплевывая кровь, и тревожно поглядывал на брата, выглядевшего изрядно помятым. На обычно бесстрастном лице Эмерта застыло недоумение. Память к нему возвращалась медленно, обрывками, и боссонец то и дело растерянно покачивал головой. Конана мучила постоянная боль в затылке. Бледная Селена ехала рядом с ним и никак не могла свыкнуться с мыслью, что собственными руками лишила жизни двух человек. Дядя и племянник грустно вздыхали и помалкивали.

Погода тоже не способствовала улучшению настроения. Ясное с утра небо к середине дня затянули густо-серые тучи, с полуночи подул промозглый холодный ветер. К вечеру повалил мокрый липкий снег.

Ночевать пришлось в лесу. Отряд разыскал небольшой овраг, в котором можно было укрыться от наступающего бурана. Перед тем, как заснуть, Конан долго вглядывался в хмурое ночное небо и несущееся в нем неисчислимое количество снежинок. Иногда в разрывах туч выглядывала похожая на скалящийся череп луна. Где-то далеко протяжно завыл волк (или оборотень?). Ветер подхватил тоскливые звуки, выдавая их за свои, но чуткое ухо киммерийца сразу уловило отличие. Он насторожился, но звук больше не повторялся, и варвар, повернувшись на бок, заснул тревожным сном.

Утром снегопад не прекратился, но решено было продолжить путь, пока дорогу совсем не замело. На завтрак пришлось довольствоваться кусочками копченого мяса и половинкой

лепешки. Желудок варвара, не желая мириться со столь скудной порцией, громко требовал добавки.

Эрхард, спрятавшись под деревьями от ветра и снега, развернул карту. У перевала, за которым лежало ущелье с развалинами капища Чернолицых, было обозначено селение Бринвелктон. Наверняка там сейчас никто не живет, но в пустых домах можно будет укрыться и переждать метель. Если верить карте, до деревушки оставалось около лиги.

Когда наконец сквозь плотную занавесу снега показались темные очертания домов, почти все воины из отряда вздохнули с облегчением – дорожка выдалась не из легких. Лишь киммерийцу, выросшему как раз в таком климате, было все нипочем. Он даже радовался резкому порывистому ветру, швырявшему в лицо пригоршни мокрых снежных хлопьев.

Село давно вымерло – это было ясно с первого взгляда. Мертво глазели пустые окна, хлопала где-то рассохшаяся дверь, некогда добротно срубленные избы покосились и почернели, в крышах виднелись рваные дыры. Некоторые строения и вовсе превратились в груды гнилых бревен…

Пригнувшись к холкам коней, воины медленно продвигались вперед. Очередной порыв ветра залепил глаза липким снегом, временно ослепший Конан потряс головой, поморгал. Вытираться рукой не имело смысла – рукавицы покрывал толстый слой налипшего снега. Зрение постепенно вернулось само, правда, глаза слезились и поначалу киммерийцу показалось, что они его обманывают – следующая пара домов была совершенно целой! Окна затянуты слюдой, дверь плотно прикрыта, драночная крыша в полном порядке…

– Мне, наверное, миражи видятся, – озадаченно сказал Конан, поворачиваясь к Эрхарду.

– Тогда у меня тоже самое, – буркнул сотник. – Я вижу целый дом, а ты?

– Эй, ребята! – восторженный крик Эртеля перекрыл даже неумолчный вой ветра. – Мы спасены! Чур, я сплю на печке!

Дома и вправду оказались в порядке. Внутри было ненамного теплее, чем на улице, но зато не дул ветер. Конан, войдя, удивленно покосился по сторонам, по-прежнему не доверяя собственному зрению. В единственной просторной комнате дома царила идеальная чистота. На полах – цветные тканые половики, лавки вдоль стен застланы медвежьими и волчьими шкурами, в центре комнаты расположился длинный обеденный стол, поверх него красуется льняная скатерть, расшитая красными петухами. В противоположном от двери углу высилась огромная печь, побеленная известкой, возле нее находилась аккуратная кучка березовых поленьев.

– Не нравится мне все это, – протянул Веллан, нехорошо прищуриваясь и не решаясь войти в комнату.

Конан стянул замерзшую рукавицу, нагнулся и провел рукой по желтым, словно только что обструганным доскам пола. Пальцы оказались чистыми.

– Кто-то мыл пол не далее сегодняшнего утра, – уверенно заявил он. – Ни пылинки.

– Может, тут охотник какой поселился? – предположил Эртель. Никто ему не ответил. Эрхард поглядел на потолок и задумчиво спросил, ни к кому не обращаясь:

– Любопытно, что на чердаке?

– Я в сенях видел лестницу, можно слазить и проверить, – пожал плечами Конан. – Давайте отведем лошадей на конюшню, а потом осмотримся как следует. По мне так лучше остаться здесь, чем торчать на улице.

– Конечно, – подумав, согласился Веллан. – Только подозрительно это все…

В конюшне царил такой же порядок, как и в доме. Поставив удивительно спокойных

животных в стойла, люди насыпали им последние фунты овса. Глядя, как они жадно уплетают его из торб, Эртель печально произнес:

– Как бы нам не пришлось глодать ваши косточки… Жратва-то и у нас заканчивается.

Конан решил заглянуть в соседний дом. Чистая пустая комната, словно хозяева только что вышли… Варвар был уверен, что и в остальных уцелевших домах поселка творится то же самое. На всякий случай он вытянул из ножен меч – клинок не светился. Значит, оборотнями поблизости не пахнет. Кром, ну почему меч обнаруживает только их? Киммериец не мог отделаться от ощущения, что все они сидят по шейку в выгребной яме, но у всех почему-то дружно заложило но у всех почему-то дружно заложило носы и никто не ощущает разлитого вокруг отвратительного запаха.

Так ничего толком и не выяснив, Конан вернулся обратно. Гандеры успели слазить на чердак, но не обнаружили там ничего интересного или подозрительного. Обычный старый хлам да пара огромных сундуков, окованных позеленевшими медными полосами и крепко запертых. Один такой стоял в комнате, Гарт хотел порыться в нем, но Эрхард запретил ломать замки. Вдруг и в самом деле хозяева вернутся, а в их вещах уже благополучно покопались…

Печку же было решено немедленно затопить. Веллан быстро покидал в топку заготовленные поленья и застучал кремнями. Вскоре в дымоходе ровно загудело веселое пламя, и от печи поплыли пока слабые, но ощутимые волны тепла. В доме, как ни странно, ни нашлось ни крошки съестного, так что пришлось притащить оставшиеся запасы и довольствоваться черствыми лепешками и с трудом разогретыми полосками копченой оленины.

После обеда (который с большой натяжкой заслуживал подобного наименования) воины начали расползаться по углам и подыскивать местечко для сна. Эртель, как и обещал, полез на лежанку и долго препирался с Велланом, который тоже был не прочь поспать на теплых шкурах поверх раскалившихся кирпичей. Собственно, места на широкой лежанке хватило бы на четверых, но Эртель из принципа спихивал бритунийца вниз, пока не вмешалась Селена, стукнувшая братца кулаком в бок:

– Прекрати, а то в конюшню спать пойдешь!

Ее поддержал Эрхард, выразительно посмотрев на племянника и погрозив ему кулаком. Эртель, вынужденный смириться, недовольно выругался, но подвинулся, уступив место с краю довольному Веллану.

Селена, устроившаяся на двух сдвинутых вместе и накрытых медвежьей шкурой лавках, призывно махнула Конану, но тот отрицательно покачал головой:

– Милая, я еще не настолько устал. Место тут какое-то… нехорошее. Я посижу, покараулю.

Девушка разочарованно вздохнула и улеглась, а варвар уселся во главе стола, подперев голову кулаком.

Братья-гандеры подвинули одну из лавок поближе к печке и, завернувшись в плащи, почти мгновенно заснули. Эрхард в раздумье походил по комнате, подбросил дров в печку, а затем сел за стол, заявив:

– Знаешь, я тоже спать не хочу, так что составлю тебе компанию.

Некоторое время в комнате стояла относительная тишина, нарушаемая посапываниями и похрапываниями. Конан сидел, уставившись невидящими глазами в стену напротив, и прикидывал, как им одолеть большую шайку оборотней, которая наверняка встретит отряд в

заброшенном капище. Не считая Селены, их осталось семеро. Семеро – против шести с лишним десятков одержимых убийц! Конечно, некоторое преимущество дает меч Крома – если это действительно он, однако отряд могут просто задавить числом. Есть еще шанс прикончить вожака из Бритуни, о котором рассказывал Джареф, может, остальные тогда разбегутся. Призрачный, конечно, шанс, что и говорить.

Тогда спрашивается, на что же мы все надеемся? Ответа на свой вопрос киммериец не находил, и чем дальше, тем безумнее и невыполнимее казалось задуманное ими предприятие…

Из раздумий его вывело сдержанное покашливание сотника, которому надоело смотреть на глубокомысленно пялящегося в стенку варвара.

– Слушай, Эрхард, ты знаешь что-нибудь об этом месте? Расскажи, а? – окончательно вернулся на землю Конан. Сотник только этого и дожидался, киммериец даже слегка испугался, увидев, как довольно вспыхнули маленькие серые глазки. Эрхард довольно потер руки, и Конан с запоздалым ужасом понял, на что обрек себя необдуманной просьбой. Рассказ наверняка предстоит долгий, небось до самой ночи, или, упаси Кром, до утра. Что ж, придется терпеть…

– Я думаю, погода к вечеру улучшиться и завтра мы сможем продолжить путь, – прозаически начал сотник. Конан даже слегка удивился. – Ну, а до вечера времени у нас много, так что готовься слушать.

Последние жалкие надежды киммерийца растаяли, как масло на горячей сковородке, он обреченно вздохнул и кивнул:

– Начинай.

* * *

– Бринвелктон раньше, лет пять назад, был процветающим поселением, – неторопливо заговорил Эрхард. – Через него проходила дорога к вам, в Киммерию. Горцы часто спускались по ней, продавали меха и великолепное оружие. Вернее, не продавали, а меняли – обычно на предметы домашнего обихода, в голодные же годы – на еду. Конечно, их безбожно обманывали, а купцы, торговавшие с ними, становились богатыми после одной-единственной удачной сделки. Скажем, давали в обмен за превосходный меч мешок ячменя или пшеницы.

– Да никогда в жизни ни один киммериец не поменяет оружие на мешок паршивых зерен, даже если будет подыхать с голоду! – вскинулся Конан. Эрхард пожал плечами:

– Возможно, я слегка ошибаюсь, но дело обстояло примерно так. Самый известный случай – когда король Бритунии Элдаран заплатил пятнадцать тысяч золотых крестьянину из Бринвелктона за меч киммерийской работы. Интересно, во сколько этот меч обошелся крестьянину? В мешок картошки? Ладно, не злись, всякое случается… Так вот, жизнь в поселке шла своим чередом, пока за перевалом не обосновались Чернолицые, – Эрхард замолк, давая возможность Конану задать вопрос, но киммериец продолжал сидеть, потирая все еще нывший затылок. – Когда же мы выяснили, что здесь творится, для деревни все было кончено. В живых осталось не более четверти жителей, остальные либо погибли, либо

бежали на полдень, в более безопасные края. Бринвелктон так больше и не возродился, год назад его покинула последняя семья. С тех пор поселок осталась лишь на картах, а в народе его с легкой руки Стефана величают Ло-Салимом.

– Что еще за Стефан? – поинтересовался Конан. Где-то он уже слышал это имя…

– О, Стефан – живая легенда Пограничного королевства, – со скрытым восхищением протянул Эрхард. – Обычно его называют Стефаном Королем Историй, а точнее – ужасных историй. Он дворянин, младший сын барона Вольфера из Замковой Скалы. Есть тут такое местечко, к восходу от Врат Черепа. Посмотреть издалека – так чистый замок, с башнями, бойницами, стенами, только создан не людьми, а природой… Младшенький отпрыск барона с детства обожал истории о демонах, духах и всякой нечисти, а в няньки ему досталась бывшая актриса, которая эти байки могла рассказывать дни и ночи напролет. И вот, когда Стефану стукнуло восемнадцать, он, вместо того, чтобы поддерживать воинскую славу баронов Замковой Скалы на турнирах и войнах, попросту сбежал из дома и отправился в путешествие по Пограничью и окрестным странам, собирая страшные истории. Со временем он начал сочинять собственные, рассказывая их по трактирам и постоялым дворам. Людям они нравились – кто же не хочет послушать про чудовищ, сидя в теплом доме у огонька? Стефана везде встречали с радостью, вести о его славе достигли даже королевских ушей. Его принимали и Нимед, и Элдаран Бритуниец, а в Аквилонии нашлись любители, которые записывают его истории и платят золотом за каждую новенькую сказку… Да только их слушать надо, а не читать!

– А ты слышал? – хмыкнул варвар. Теперь он вспомнил – год назад в Кордаве трепались о каком-то парне из Пограничья, складывающем жуткие рассказы. Тогда они все дружно посмеялись, пребывая в глубоком убеждении – жизнь порой бывает куда страшнее самых кошмарных сказок и преданий.

– Однажды, – с гордостью сказал Эрхард. – Года три назад, в «Короне и посохе». Представляешь, трактир был забит народом, и хоть бы одна муха прожужжала, пока Стефан рассказывал! Он тогда сочинил историю о старой ведьме и ее маленьком внуке…

– Ты начал про Бринвелктон, – решительно напомнил Конан.

– Я как раз к этому и подхожу! – обиделся сбитый с мысли Эрхард.

– Что-то непохоже, – буркнул киммериец.

– Похоже, похоже. Дело в том, что у Стефана есть повествование о заброшенном городке под названием Ло-Салим. Я его на ночь глядя рассказывать не буду, слишком оно жуткое, – сотник оглянулся по сторонам и на всякий случай притронулся к оберегу, висевшему на груди. – Суть его в том, что городок лишь казался заброшенным. С наступлением ночи на охоту выходили его подлинные хозяева – вампиры…

– Ну-у, – пренебрежительно протянул варвар. – Какие ж это сказки! Был я как-то в подобном городе, Джанайдар называется. Пришлось деру давать, как хозяева проснулись… А настоящие вампиры живут в Рабирийских горах, только их почти не осталось.

Конан неожиданно поймал себя на мысли, что с сожалением вспоминает о необычной встрече почти десятилетней давности в маленьком заморийском городке возле предгорий Кезанкии. Название городка за прошедшие годы напрочь позабылось, зато сохранилась память о хитрой желтоглазой девчонке, родившейся столетие назад в Рабирах и верно служившей короне Немедии. Собственно, и в Нумалию варвара занесла надежда повидаться с немедийской Ищейкой и еще кое с кем из давних знакомых, помнящих былые лихие денечки… А в итоге он теперь сидит где-то в заброшенной деревне, заваленной

непролазными снегами, и слушает болтовню старого сотника!

– Как рассказывают, – невозмутимо продолжал между тем Эрхард. – Стефан как-то проезжал мимо Бринвелктона, как раз когда тот опустел. Проехался по улице, посмотрел вокруг и рассмеялся. Чисто, говорит, мой Ло-Салим. С тех пор и пошло – Ло-Салим да Ло-Салим…

– А ты уверен, что здесь не живут настоящие хозяева? – нарочито зловещим шепотом спросил Конан. Эрхард осторожно кашлянул и укоризненно посмотрел на веселящегося киммерийца:

– Все бы тебе посмеяться… А порядок в доме меня, честно говоря, пугает.

– В домах, – поправил варвар, посерьезнев. – Я был в соседнем, там все так же. И я уверен, что в любом из уцелевших домов мы обнаружим чистоту и пустоту.

– Погано, – мрачно подытожил Эрхард. В теплом доме сразу стало как-то неуютно, и все слышанные страшные истории, над которыми беззаботно смеешься при свете дня, начали обретать устрашающую реальность. Конан поближе придвинул к себе меч, а Эрхард обвел комнату пристальным взглядом, точно пытаясь выяснить, не прячется ли кто в темных углах и под лавками.

– Слушай, – нарушил повисшую в доме тишину киммериец. – Как думаешь – подвал здесь есть?

– Наверняка, – кивнул Эрхард. – А что?

– Рабирийским гулям все равно – ночь или день, хотя они предпочитают охотиться ночью, а днем прятаться, – медленно проговорил варвар. – Хозяева Джанайдара могли вылезать наружу только ночью и ждали ее наступления в каком-нибудь надежном укрытии, куда не проникает свет.

– Да брось, – отмахнулся сотник. – Зачем тогда дома стоят открытыми нараспашку, а на лавках шкуры разложены?

– Заманивать таких дурней, как мы, – бросил Конан. – Пустые избы, полные добра, и ни одной живой души вокруг… Где, спрашивается, хозяева?

– Заткнись, – сердито рыкнул Эрхард. – И без тебя тошно!

– Да пожалуйста…

Сотник не ошибся. Пока они разговаривали, погода и в самом деле немного улучшилась. Перестал надрывно завывать ветер, почти прекратился снегопад – редкие хлопья медленно кружились, присоединяясь к своим собратьям, толстым слоем укутавшим землю. Тучи рассеялись, открыв черное ночное небо с мерцающими огромными звездами и неторопливо плывущей круглобокой луной почти белого цвета. Вышедший на крыльцо Конан с наслаждением вдохнул холодный свежий воздух, прилетевший с близких гор, и озабоченно подумал, что если в деревне снегу нападало почти по колено, как же обстоят дела на перевале? Они же просто не смогут перебраться через него! Может, Крома попросить, чтобы буран не повторился? Киммериец хмыкнул про себя – да никогда в жизни суровый бог не опустится до выполнения жалких просьб смертных. Ну и ладно, сами как-нибудь перебьемся…

Варвар перевел взгляд на темнеющие горы и почему-то вспомнил Ревальда и его предупреждение относительно мохнатых ящериц-дрохо. Посмотреть бы, что они из себя представляют…

«Взглянешь,» – пришла откуда-то твердая уверенность. Конан скривился и еще раз глянул на очистившееся от облаков небо. Как назло, полнолуние, время всякой нечисти…

Его размышления прервал донесшийся из дома громкий треск и отчаянный вопль ужаса. Выругавшись, Конан крутанулся на месте, выхватил меч и со всех ног рванулся обратно.

Стефан Рассказчик, доведись ему увидеть зрелище, представшее перед киммерийцем, наверняка сложил бы замечательную историю, заставив не раз содрогнуться своих слушателей, а у варвара просто зашевелились волосы на голове и захотелось немедленно удрать отсюда как можно дальше.

Дощатый пол посредине комнаты вздыбился и трещал. Из рваного пролома высунулась зеленоватая лапа с отвратительными пятнами, похожими на проказу, с желтыми толстыми ногтями, обломанными у самого основания, и принялась целеустремленно обламывать доски. Что-то рвалось из подвала наружу. По-видимому, это и были отсутствовавшие хозяева.

Эрхард с ненавистью рубанул лапу по запястью, но меч со звоном отскочил, едва не вывернув сотнику кисть.

Клинок Конана по-прежнему не светился, но удар варвара, подкрепленный разъяренным воплем, оказался более действенным – ему удалось надрубить запястье. Из глубокой раны толчками потекла густая желто-зеленая жидкость, больше напоминающая гной. Тварь, скрывавшаяся под полом, взревела и рванулась наверх. Расщепленные доски фонтаном брызнули во все стороны и в комнате появился первый вампир.

Ничем другим, по-видимому, это существо являться не могло. Вид его не был особенно ужасен, но довольно неприятен: человек с зеленой, точно пораженной паршой, а потому пятнистой кожей, красными глазами и идиотской ухмылкой, демонстрирующей ряд длинных кривых клыков. Вдобавок от пришельца смердело, как от кучи свежего навоза. Конан поневоле попятился, зажимая нос. Тварь потрясла раненой рукой, недоуменно посмотрела на тяжелые тошнотворного вида капли, срывающиеся с нее, затем оглянулась, пронзительно взвизгнула и бросилась на стоявшего поближе киммерийца, протягивая лапы к горлу. Из дыры в полу тем временем выбиралось новое чудовище.

Конан поймал тварь на меч и взмахом отправил за спину. Вампир врезался головой в стену и мешком с отрубями сполз на пол.

Проснувшиеся от криков и визга гандеры запрыгнули на лежанку к остальным, и печь превратилась в ощетинившуюся мечами крепость. Правда, вампиры не особо боялись стали, а из пролома вылезал уже третий…

Конан посмотрел на поднимающегося на ноги противника и лихорадочно попытался вспомнить, чего боятся вампиры. Первое, что пришло на ум – осиновый кол – не годилось. Где сейчас прикажете разыскивать осину, да и не растет она в горах… Чеснок? Брали с собой, но весь съели… Что еще?

– Серебро! – внезапно заорал киммериец и полез в кошель. Вампиры недовольно зашипели. Две твари попытались залезть на печку, но получили решительный отпор. Еще один, плотоядно ухмыляясь, поглядывал на Эрхарда. Его и сотника разделял только стол. А из подпола все лезли и лезли новые…

Конан наконец выхватил из кошеля тяжелую монету и щелчком послал ее в ближайшего монстра. Талер угодил опешившей твари в переносицу, легко пробил череп и звонко ударился о стену. Вампир тонко взвизгнул, задергался и, не удержавшись на ногах, шлепнулся на пол, на глазах изумленных людей растекаясь дымящейся лужей гнойного цвета. От повисшего в избе запаха киммерийца едва не вывернуло наизнанку.

Комнату огласили победные вопли и предсмертные взвизгивания. Веллан высыпал все содержимое своего кошеля на тварь, упрямо лезущую на печку, и на пол она стекла уже

гноем. Эрхард наотмашь ударил монстра снятым с шеи серебряным оберегом и с удовольствием проследил за превращением чудовища в вонючую лужу на чисто выскобленном полу.

В дыру щедро сыпанули горсть серебра. Судя по раздавшимся пронзительным воплям, кому-то не повезло. Больше из подвала никто не высовывался. Воины, не обращая внимания на вонь, столпились вокруг пролома. Гильом поджег головню и бросил ее вниз. Тусклый огонек осветил большое пустое помещение с каменными сводами, зеленоватые лужи на полу… Конан, захватив десяток монет, спрыгнул вниз. Подвал, к его глубоком сожалению, оказался пуст – ни сундуков, ни положенных гробов с кладбищенской землей, ни вампиров. Варвар еще раз огляделся, разочарованно присвистнул и, подпрыгнув, ухватился за края пролома. Его ухватили за куртку и помогли выбраться.

– Фу-у, – вытер со лба испарину Эртель. – Я чуть в штаны со страху не наложил, когда эти полезли. Если бы не караульщики…

– Да брось, – перебил Веллан. – Эта мерзость так ломилась и выла, что и мертвого разбудила бы. А в штаны ты всегда наложить успеешь и без всяких вампиров.

– Похоже, дом теперь действительно полностью в нашем распоряжении, – подвел итог Эрхард. – С местными хозяевами мы расправились, но подобные зелененькие клыкастые ребята наверняка прячутся в каждом подвале. Что будем делать?

– Дождемся рассвета и рванем к перевалу, – ответил за всех Конан. – А сейчас кто-нибудь сядет караулить, а остальные лягут спать, – и, подавая пример, первым улегся на лавку, накрылся шкурой и мгновенно уснул.

Варвару приснился на редкость дурацкий сон – будто он стоит на причудливого вида скале, напоминающей замок, внизу прыгает толпа голодных завывающих на все лады вампиров, а на соседнем уступе сидит человек средних лет и хитро спрашивает: «Ну, и как ты теперь будешь выкручиваться? Ты же герой на все времена и обязан придумать выход!»

– Никогда не рвался в герои, – зло крикнул неизвестному собеседнику Конан. – А ты кто такой? И чего ухмыляешься?

– Я Стефан, – человек слегка наклонил голову. – Рассказчик историй. А быть героем, уж извини – твоя судьба. Так что ты будешь делать?..

* * *

Конан так и не узнал, чем кончился этот странный разговор на скале – его разбудил Эрхард, неласково пихнув в плечо:

– Вставай, уже солнце взошло, ехать пора.

Желудок киммерийца урчал, как рассерженный кот, требуя завтрака, но есть было нечего. Вопрос провианта был сейчас самым насущным – как они будут сражаться голодными? И так-то едем на верную смерть, но умирать с пустым желудком – как-то не в пример обиднее…

Лошади оказались в порядке – на них никто не покушался и они хорошо отдохнули. Чего нельзя было сказать об их хозяевах – гандеры и Эртель точно просидели всю ночь напролет на страже, ожидая нового нападения, и теперь клевали носами.

Отряд вывел животных из стойл, оседлал и рысью поскакал по главной – она же единственная – улице поселка, некогда носившего имя Бринвелктон, а теперь известного под прозванием Ло-Салим. Мимо проносились дома – целые и разрушенные.

– Смотрите, площадь, – предостерег ехавший впереди Эрхард.

Дома расступились всадники вылетели на свободное пространство и натянули поводья, в ужасе оглядываясь по сторонам. Вокруг вымощенного камнем круга толпились вчерашние ночные посетители – зеленые и клыкастые. Конан бросил взгляд через плечо – так и есть, улицу тоже занимали вампиры, замкнув круг.

А посреди площади, опираясь на длинный черный посох с навершием в виде оскалившейся змеиной головы, стоял… стигиец.

Конану показалось, что на этот раз глаза его точно обманывают. Во имя всех богов, откуда в такой дыре, как Пограничное королевство, взяться стигийцу, да еще, судя по всему, и магу? Однако одетый в черную хламиду и подбитый мехом плащ смуглый человек не собирался развеяться дымом и на самом деле стоял посреди площади брошенного городка, с интересом рассматривая оцепеневший на месте отряд и пока ничего не предпринимая.

Воины, наконец, справились с собственным изумлением, здраво решив принимать вещи такими, каковы они есть, и тронули коней, медленным шагом потопавших через площадь. Конан все еще не мог поверить увиденному. Ну хорошо, пусть бы это был гиперборейский колдун, из той же треклятой Белой Руки, или пиктский шаман… Но стигиец?

Отряд поравнялся с незнакомцем и Эрхард придержал лошадь.

– Эй, парень, что тут происходит? – несколько растерянно осведомился сотник. Стигиец поднял на него взгляд, а затем быстро оглядел остальных. Когда он встретился взглядом с варваром, тот почувствовал, что сейчас его либо хватит удар, либо он окончательно сойдет с ума. Черные блестящие глаза молодого человека в темной одежде излучали вполне понятное любопытство… и доброту. Добрый стигиец. С тем же успехом можно сказать «живой труп» (хотя такое как раз встречается…), «честный заморiец» или «благовонное дерьмо». Конану с каждым мигом становилось все хуже и хуже.

Стигиец тем временем удовлетворился осмотром и заговорил:

– Меня зовут Тотлант, и я тут занимаюсь практической магией…

– Чего? – не понял Эрхард. – Какой-какой магией?

– Практической, – невозмутимо повторил маг.

– А-а, – с видом знатока протянул сотник. – Ну тогда мы поедем?

– Подождите немного, – вежливо попросил стигиец.

– Чего подождать? – осторожно поинтересовался Веллан.

– Атаки моих вампиров, разумеется, – весело хмыкнул Тотлант.

– А может, обойдемся без нее? – на редкость дружным хором заныли Эртель и Веллан.

– Нет-нет, – мотнул головой стигиец. – Не обойдемся. Вперед! – последний приказ относился к переминающимся с ноги на ногу и скалящимся тварям. Те только того и ждали, воздух над площадью огласился ушераздирающим визгом и кольцо чудовищ начало быстро сжиматься.

– Они у меня солнцеустойчивые! – с гордостью за дело рук своих сообщил Тотлант, наблюдая за приближающимися к отряду зелеными вопящими монстрами.

– Да хоть дерьмоустойчивые! – ругнулся Эрхард. – Сколько серебра извести придется из-за такого придурка, как ты! И откуда ты только свалился на наши головы?

Первая шеренга вампиров была шагах в десятки, когда на их предвкушающие вкусный

обед морды обрушился серебряный дождь. Результат оказался таким же, что и ночью – отчаянный визг и вонючие дымящиеся лужи.

– Неплохо, – покивал стигиец. – Но в этом случае мы работаем вот каким образом…

Он направил свой посох на ближайшую живую тварь, из навершия ударил тонкий синий луч, на миг окутав чудовище туманным облаком. Когда оно рассеялось, монстр изменился – тело усохло, кожа посерела и напоминала старый пергамент, так что тварь походила на ходячий скелет. Тотлант удовлетворенно хлопнул в ладоши:

– Из вампира мы делаем ходячего мертвеца, которому не страшно серебро!

Луч быстро забегал по остальным вампирам. Воины не стали дожидаться, пока превращения закончатся, стегнули коней и, прорвав цепь изменяющихся монстров, галопом понеслись по глубокому снегу вон из проклятой деревни.

– Куда же вы? – ехидно крикнул им вслед стигиец. – Мы еще не закончили!

Естественно, что никто не остановился, только Эртель, обернувшись, выкрикнул какое-то ругательство. Воскресшие мертвецы некоторое время пытались преследовать удирающих людей, но потом завязли в снегу и безнадежно отстали.

Конан облегченно вздохнул, когда кони вынесли их на дорогу, ведущую к перевалу. Ну и местечко! Надо будет на обратном пути специально заглянуть сюда и сжечь все до основания!

– Ну как, тебе понравилось представление? – поинтересовался у Эртеля Веллан.

– Дерьмо все! – огрызнулся тот. Потом мрачно добавил: – И почему все неприятности – именно для нас? Вампиры, живые покойники, а в довершение – стигийский маг в Пограничье! Честное слово, я обрадуюсь простым и знакомым оборотням!

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул бритуниец. – Поглядим…

Кони тяжело шли в гору, и скоро всадникам пришлось спешиться и идти рядом, ведя устало пыхтевших лошадей под уздцы. Впереди маячил долгожданный перевал, но идти до него было еще ох как далеко…

…Стигийский маг Тотлант проводил взглядом улепетывающий отряд, а затем от души рассмеялся. Пока он смеялся, деревню окутало облако белого колышущегося тумана. Когда же он рассеялся, на белой равнине остались одни развалины давно заброшенных домов и ничего больше. Никаких пустующих изб, никаких вампиров и бродящих по земле мертвецов.

Тотлант перестал смеяться, натянул на голову капюшон плаща и уверенным шагом двинулся вслед ускакавшим всадникам, продолжая на ходу улыбаться своим мыслям.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
в которой защитники Пограничья встречаются с мохнатыми ящерицами, а затем куда-то проваливаются…

Через три дня после ночевки в брошенной деревушке Бринвелктон отряд поднялся на перевал. Поднялся пешком – всех лошадей пришлось прирезать. Зато мяса теперь было вдоволь и Конан вновь почувствовал себя человеком, самодовольно поглядывая на приунывших и с трудом тащившихся по глубокому снегу товарищей. С полным желудком киммерийцу было не страшно ничего, а тем более горы. К тому же небо было ясным, ветер – слабеньким, и поход выглядел просто прогулкой.

– Ну все, – еле выдохнул Эрхард, когда они взобрались на заметенный снегом и обледеневший перевал. – Теперь еще поллиги почти ровной дороги – и вниз. Когда капище громили, стояло лето и мы туда за один день добрались. А теперь ползем как черепахи, только ты скачешь, ровно горный козел… Слушай, Конан, раз тебе делать нечего, пробегись вперед, посмотри, что там.

– Нашли дурака – носиться туда-сюда! – от души расхохотался варвар. – Лучше уж я пойду впереди, а если кто выскочит – успею предупредить.

Остальные не видели в этом ничего смешного и с явным неудовольствием косились на жизнерадостного киммерийца.

– Шел бы ты действительно вперед, – проворчал Эртель, дыша на замерзшие руки. – А то здесь от тебя никакого толку.

– И пойду, – не обиделся на подначку Конан. – А вы пошевеливайтесь!

Он быстро двинулся вперед, вскоре оторвавшись от отряда шагов на триста. Именно поэтому варвар первым встретился с дрохо, да и то по чистой случайности. Белоснежная шерсть ящерицы почти полностью сливалась со снегом, ее выдали только яркие блестящие глаза.

Вообще-то воинам Пограничья в тот день крупно не повезло. На перевале охотилась стая из семи дрохо. Любой бывалый охотник, услышав об этом, уверенно сказал бы, что семь ящериц на восемь человек – верная гибель для последних…

Ушедший далеко вперед Конан остановился передохнуть, прислонившись к высокому камню и наблюдая, как семь черных фигурок медленно тащатся по его следам. Странноватое движение позади отряда заставило варвара насторожиться и до боли в глазах всмотреться в ослепительно-белую гладь.

«Только не это… Похоже, мое желание все-таки сбылось. Дрохо.»

Вслед за воинами, прячась за сугробами и камнями, осторожно кралось крупное белое существо. Конан как следует осмотрелся вокруг и заметил двух других ящериц, как опытных стратегов, заходивших с флангов. Четвертая зверюга, даже особенно не скрываясь, приближалась с дальнего конца перевала. Ну, с ней-то он справится.

– Эрхард! – как можно громче завопил киммериец. – Вас окружают дрохо! Резвей!

Сотник услышал Конана. Отряд прибавил шагу, пытаясь перейти на бег. Со стороны их усилия напоминали бег на месте, но, по крайней мере, они теперь не плелись, запинаясь о собственные ноги.

Дрохо, увидев, что добыча пытается ускользнуть, тоже быстрее заработали лапами,

нагоняя, но Эмерт быстро отбил у снежных ящериц желание немедленно набрасываться на людей. Не вовремя высунувшаяся из-за камня преследовательница заработала стрелу в глаз и судорожно забилась на снегу, а фланговые, получив парочку чувствительных уколов, яростно зашипели и остановились.

Воины добрались до валуна, возле которого недавно отдыхал Конан, и без сил повалились в снег. Все, кроме Эмерта – боссонец, хоть и пошатывался, продолжал стрелами удерживать хищников на расстоянии. Киммериец же спустился на дорогу, решив разобраться с той тварью, что подходила со стороны долины.

Огромная ящерица с черными немигающими глазами и зубастой пастью настолько привыкла к безоговорочному бегству любого живого существа, забредшего в ее охотничьи угодья, что несколько оторопела, когда небольшое двуногое существо, с воплем размахивая блестящей штучкой, бросилось наперерез. Дрохо шипела и потихоньку пятилась, не зная, чего ожидать от нового необычного врага.

Конан наконец добежал до пригнувшейся к земле белой мохнатой твари и с оттяжкой рубанул по длинной морде. В блестящих глазах ящерицы появилось до смешного удивленное выражение – на нее напали, ее поранили!

Получив еще пару ударов, дрохо не выдержала – развернулась и неуклюже понеслась вверх по склону, здраво рассудив, что жизнь дороже добычи. Варвар не стал гнаться за безмозглой зверюгой и вернулся к камню. Отряд сидел возле валуна, а неподалеку кружили две дрохо, время от времени издавая рассерженное шипение.

– Ну, что? – спросил у киммерийца Эрхард.

– Ничего хорошего, – пожал плечами Конан. – Надо сматываться. Одну тварь я отогнал, но кто знает, сколько их здесь прячется?

Воины медленно двинулись по дороге, а ящерицы на почтительном расстоянии следовали за ними, уже успев понять, что такое лучные стрелы. Снега на дороге постепенно становилось все меньше, идти становилось легче, однако дрохо по-прежнему не отставали. Попытки атаковать их не увенчались успехом – сообразительные твари быстро отбегали на безопасное расстояние, а затем снова упорно продолжали преследование.

– За вон тем камнем начинается спуск, – устало сообщил Эрхард, вытирая пот со лба. – Почти пришли.

За указанным сотником камнем людей уже поджидали. Мирный большой сугроб внезапно обернулся скользнувшей вперед дрохо, чьи зубы лязгнули почти у самого лица Эрхарда.

– Там еще одна! – заорал Веллан, указывая куда-то налево, где из-за камней неторопливо вылезало очередное снежное чудовище.

– Окружили… – сдавленным голосом пробормотал Эртель.

Не меньше пяти ящериц теперь наступало во всех сторон. Судя по мордам, звери уже предвкушали сытный и обильный ужин из свежей человечинки.

– Давайте к скалам! Попробуем отбиться, – скомандовал Конан. Отряд выстроился полукругом у основания высокой гранитной скалы, выставив вперед мечи. Дрохо медленно, но неумолимо приближались. Они были твердо уверены, что теперь уж добыча никуда не денется.

– Конан, – негромко окликнул киммерийца Эрхард. – Тебе не кажется, будто под нами что-то хрустит?

Варвар прислушался – несомненно, откуда-то снизу доносился негромкое и отчетливое

пощелкивание.

– Ну и что? – недоуменно откликнулся Конан. – Нам бы самим сейчас не захрустеть…

– Как-то подозри…

Тихий, едва заметный звук сменился громким треском, и на глазах изумленных ящериц их законная пища с воплями провалилась под землю.

* * *

Сначала были стоны. Они были разной громкости и, если так можно выразиться, разного качества. Постепенно стоны сменились охами и, наконец, членораздельной человеческой речью.

– Все живы? – дрожащий голос, задавший вопрос, похоже, принадлежал Веллану.

Конан, неудачно приземлившийся на правый бок, в котором что-то отчетливо хрустнуло, в данный момент не был до конца уверен в своей жизнеспособности, а потому ответил честно:

– Почти…

– Как это – почти? – недоуменно донеслось из темноты. – Частично живой – это как?

– Давайте устроим перекличку, – предложил здравомыслящий Веллан. – Конан?

– Я здесь, – варвар старательно массировал бок.

– Эрхард?

– Туточки, – прокряхтел страдальческий голос. – Только чья задница на мне громоздится?

– Наверное, моя, – отозвался из противоположного угла голос Эртеля.

– Нет, ты сидишь на мне, – успокоил его Веллан. – Сделай одолжение, слезь. Гарт, Гильом…

– Здесь, здесь, – вразнобой откликнулись гандеры.

– А, так это Гарт устроился на моей спине? – проворчал сотник.

– Извините, командир. Так получилось… – виновато пробормотал Гарт.

– Эмерт!

– Здесь, – голос боссонца был по-прежнему спокоен.

– Селена?

– Да жива я, жива, – сердито откликнулась девушка.

Вскоре Конан почувствовал себя гораздо лучше. Его глаза попривыкли к темноте, которая была вовсе не такой кромешной, как показалось сперва – сверху в дыру падали лучи неяркого солнца.

И вот что увидел варвар: отряд находился на дне большого, грубо вырубленного колодца, с единственным смутно чернеющим выходом, ведущим неизвестно куда. Ощупав стену, киммериец понял, что подняться по ней не удастся никому, даже ловкому Веллану – под пальцами был отшлифованный до зеркальной гладкости камень, без единой трещины, за которую можно зацепиться. Ну что ж, могло быть и хуже. Например, внизу могло оказаться озерцо расплавленной лавы или логово дрохо. А так очень похоже, что люди свалились прямиком в заброшенную гномью выработку. Хорошо бы, если где-нибудь неподалеку

оказались живые люди (то есть гномы…)

Конан прежде встречался с подгорными обитателями. Про первую встречу он вспоминать особенно не любил, так как напоролся на такого же начинающего авантюриста, каким в те времена был и сам, а совместная попытка двух жуликов обчистить гномьи кладовые не увенчалась успехом.

Во второй раз дело вышло более удачным, если не считать того, что за три дня было грубо нарушено спокойное существование мирного торгового города Султанапура и перебита куча подвернувшегося под руку народу. Киммериец тогда по чистой случайности ввязался в историю с поисками похищенного сокровища горного племени, вылившихся в итоге в сплошные неприятности как для него лично, так и замешанных в этом людей. Правда, была в этой истории и одна хорошая сторона – варвар познакомился с полугномом по имени Мораддин, бывшим капитаном тайной гвардии туранского царя, разжалованным из-за интриг завистников в надсмотрщики на медных рудниках. Мораддин был по мнению Конана, самым лучшим бойцом от Вилайета до Западного океана… Сдружившись, варвар и потомок гномов довольно долгое время путешествовали вместе.

Когда приятели расстались (а было это никак не меньше десяти или двенадцати лет назад), Мораддин остался в Бельверусе при дворе короля Нимеда. Конан прекрасно знал, что сын старейшины Гройна из Кезанкии занимает там достаточно высокую должность и снова трудится в Тайной Службе. Люди поговаривали, будто Мораддин стал одним из наиболее приближенных к королю придворных и отвечает за безопасность трона и государства. Что ж, способности у него были всегда. Особенно хорошо Мораддин дрался на мечах, да и в голова полугнома варила получше чем у заурядного рубаки…

Ладно, это дела прошлые. Вопрос в том, как поступить сейчас? Пойти по уводящему в глубины горы коридору, надеясь наткнуться на кого-нибудь из местных обитателей? Гномы, бесспорно, недолюбливают незваных гостей (особенно людей), однако вряд ли станут проливать кровь в родном доме. Вытолкать взашей – это пожалуйста, но вдруг удастся с ними договориться? Особенно если до здешнего поселения дошли слухи о той давней истории в Туране…

Короче, чего зря ломать голову, делаем факел и топаем вперед, а там видно будет, как и что.

– Эй, факелы у кого? – поинтересовался Конан.

– У меня, – отозвался Гильом и, судя по звукам, полез за ними в мешок. К тому времени, как киммериец добрался до него, спотыкаясь о разбросанные повсюду булыжники, гандер уже высек искру и на кончике промасленной тряпки затрепетал яркий оранжевый огонек. Конан взял факел, поднял его над головой и ядовито поинтересовался:

– И долго вы собираетесь валяться?

Слова киммерийца подействовали. Кряхтя и постанывая, воины один за другим поднимались на ноги, разбирали зажженные факелы и выстраивались в шеренгу. Последней встала Селена и, прихрамывая, замкнула строй. однако столь ответственное место в арьергарде ей не доверили, пихнув в середину. Замыкающим стал Веллан.

– Все готовы? – осведомился киммериец.

– Готовы… – нестройный хор голосов был пугающе подавленным, но сейчас это не имело особенного значения.

– Тогда вперед, – и отряд зашагал в неизвестность по гладкому отполированному полу, сопровождаемый гулким эхом собственных шагов.

Долгое время прямой сводчатый коридор был единственным, но затем его стали пересекать другие. Из одних проходов тянуло жаром кузни, на потолках мелькали багровые отблески далеких огней, и Конан, прислушавшись, даже различал отчетливые удары молота. Из других, наоборот, веяло ледяным холодом. Возможно, они выводили куда-то на поверхность, но воины не рискнули соваться в них – вдруг туннель заканчивается на скальном карнизе, прилепившемся над бездонной пропастью?

По расчетам киммерийца, они прошли уже не менее четверти лиги, так никого и не встретив. Варвар уже начинал с тревогой подумывать о том, что придется сворачивать и самим искать способ выбраться из пещер. Пропустив несколько дышащих жаром туннелей, он свернул в выглядевший вполне обычным. Идти пришлось недолго – примерно шагов через пятьдесят коридор плавно свернул, перешел в лестницу и закончился в полукруглом пустом зале, освещенном закрепленными на стенах масляными лампами. В зал выходили пять окованных железом массивных дверей. Конан озадаченно посмотрел на грубоватые притворы и обернулся к Эрхарду:

– Пришли… Знать бы только, куда. Ну что, постучимся, как приличные люди? В которую?

– Выйдут хозяева и надают нам по шее, – немедленно влез Эртель.

– Заткнись, – буркнул сотник. – Не все ли равно, куда стучать? Ну давай хотя бы в правую.

Киммериец подошел к выбранной Эрхард двери и решительно ударил по ней рукояткой меча. Дверь отозвалась гулким звоном, но открываться явно не собиралась. Варвар, поколебавшись, постучал снова. Глухие они там, что ли? Или никого нет дома?

– И чего это ты молотишь в мою кладовую, человек? Думаешь, она сама тебя впустит?

Восемь голов одновременно повернулись назад и восемь пар глаз уставились на незаметно подошедшего подгорного обитателя. А в том, что впереди стоял гном, никто не сомневался.

Высокий – его макушка доставала Конану до груди. Почти квадратный, с могучими, перевитыми мышцами волосатыми руками, свисавшими почти по колен, заросший густой черной бородой, сливающейся с такого же цвета нечесаной копной волос, в одном кожаном фартуке со следами огня и кучей блестящих инструментов, распиханных по многочисленным карманам. Короче, гном выглядел очень внушительно, заставив людей невольно попятиться.

– Как вы вообще сюда попали? – удивленно осведомился подземный житель. – Впрочем, об этом вы еще успеете рассказать. Раз уж вы здесь – будьте моими гостями. Дверь в центре – обеденная комната. Располагайтесь, а я переоденусь и подойду.

Конан слегка удивился подобной встрече – он был уверен, что их сейчас же сбежится целая толпа гномов и незваных гостей выкинут из подземелий – но последовал совету-приказу. Тяжелая толстая дверь легко повернулась на смазанных петлях, пропуская людей. Они неловко расселись вокруг овального каменного стола на каменных же скамьях, оставив место во главе стола для хозяина дома. Предметы обстановки были рассчитаны на представителей подгорного племени – для людей они оказались низковаты. Впрочем, пережить это неудобство было нетрудно.

Не успели люди повертеться на жестких камнях, пытаясь пристроиться поудобнее, да перекинуться хоть парой словечек о том, что им делать дальше, как на пороге появился гном. Он выглядел настолько франтовато, что Селена даже тихонько охнула.

На подземном жителе красовался темно-синий кафтан, расшитый золотыми листьями,

перетянутый широким поясом с мерцавшими на пряжке разноцветными камнями. Синие же штаны, на ногах – кожаные туфли с загнутыми носами, а на причесанных волосах – лихо надвинутый берет с длинным пером. В каждой руке гном торжественно нес по подносу с блюдами. Поставив их на стол, он снова скрылся, вернувшись с двумя новыми подносам. Теперь стол бы накрыт полностью.

– Если вас не затруднит, то вон в том шкафчике тарелки, ложки и бокалы, – невозмутимо обратился хозяин к гостям. Пока Веллан, Гарт и Селена бегали к шкафчику и обратно, на столе появились три внушительных размеров бутыли из желтоватого стекла, наполненных какой-то прозрачной жидкостью. Конана, как и всех, несколько озадачило содержимое бутылей, но варвар не подал виду.

– Ну, гости, давайте знакомится, – гном уселся во главе стола и стянул с головы берет. – Меня зовут Фрам, сын Дарта, по прозвищу Мрачный…

Люди по очереди представились.

– Тут просто напрашивается тост за знакомство, – ухмыльнулся гном, откупоривая бутыль и разливая непонятную жидкость по бокалам. Конан осторожно понюхал – запах походил на аромат крепкого белого вина, только во много раз сильнее. Что же здесь пьют?

– Что это, почтенный Фрам? – поинтересовался киммериец.

– Водка, – последовал краткий, но не совсем вразумительный ответ. – У вас наверху разве такого не делают?

– Нет, только вино и пиво…

– Вам не повезло, – сочувственно покачал головой гном. – Кстати, о пиве…

Он поднялся, ушел в глубь комнаты и вернулся с небольшим бочонком.

– Кто хочет – попробуйте этого. Ваше, человеческое, из Бритунии. Между прочим, вашей женщине лучше водку не пить.

Селена открыла рот, чтобы возразить, но встретилась взглядом с дядей и промолчала, довольствовавшись пивом. Остальные подняли бокалы с прозрачным незнакомым напитком.

– Последний совет – пейте залпом, – сказал Фрам. – Ваше здоровье! – и он опрокинул бокал. Люди, проследив за его действиями, повторили…

Конану показалось, что он по недоразумению хлебнул раскаленного олова или чего похуже. В горле вспыхнуло обжигающее пламя, дыхание перехватило… Киммериец закашлял и потянулся к ближайшему блюду за куском мяса.

– Еле отдышался, – признался он немного погодя. – Как такое можно пить?

– Привычка, – сообщил гном, бодро уплетавший занимавшую стол снедь. – А вот теперь давайте рассказывайте, как вы сюда попали.

– Сначала скажи, чем ты нас напоил, – жалобным голосом потребовал Эртель, у которого даже слезы на глазах выступили. – Отрава какая…

– Я же говорю – обыкновеннейшая водка. Сгущенное вино, попросту. – Удивленно повторил гном. – Берешь один фунт сахару на фунт хорошей пшеницы и варишь, потом оставляешь перебродить, потом очищаешь, ну и так далее…

– Зачем гномам такой яд? – поинтересовался с трудом пришедший в себя Веллан.

– Пиво нас плохо берет, – покачал головой Фрам. – Мне, например, чтобы захмелеть, этого бочонка не хватит. А водка крепкая, хватает полбутыли. И приятно все-таки, чувствуете тепло?

Они чувствовали. Откуда-то из желудка поднимались медленные ленивые волны, окутывая людей ленью и сонливостью. Конан, поняв, что сейчас непременно захмелеет,

набросился на еду. Пока он ел, Эрхард рассказывал Фраму, как они очутились в подземельях. Выслушав рассказ сотника, гном раздраженно хлопнул себя по бедру:

– Я ведь сколько раз повторял – надо крепить заглушки в старых шахтах! Так нет же – надежно, надежно! – Фрам явно передразнил кого-то. – Вам повезло, что костей себе не переломали… Давайте еще по одной – за ваше спасение!

На этот раз Конан предусмотрительно налил себе поменьше – половину бокала. Выпили, закусили, Фрам продолжил расспрашивать:

– А чего вас понесло бродить по Грааскалю да еще зимой?

– У вас слышали о Чернолицых? – вопросом на вопрос ответил Эрхард, язык которого уже слегка заплетался.

– Слышали и видели, – кивнул гном. – Раньше неподалеку стоял их храм, но год назад капище разрушили люди.

– Разрушить-то разрушили, но в нем обосновалась другая нечисть – оборотни.

– А-а, эти, – Фрам скривился. – Шастают туда-сюда, воют ночь напролет, работать мешают… Ух, и злы на них наши старейшины!

Хмель с Эрхарда как рукой сняло.

– А вы… – осторожно начал сотник. – Вы не помогли бы нам расправиться с ними?

– Это не у меня надо спрашивать, – пожал широченными плечами гном. – Вам лучше пойти к старейшинам. Но туда я вас отведу завтра, а сейчас… Давайте еще по одной?

Конан чувствовал, что засыпает. Голова была тяжелая и все время норовила упасть на грудь, но киммериец мужественно выпил в третий раз… После чего ему стало все равно.

Следом за ним прямо возле стола задремали и остальные. Фрам взял наполовину опустошенную бутыль и тремя крупными глотками осушил ее, после чего тоже пристроился возле стола и погрузился в сон. Могучий храп гнома с легкостью перекрывал все остальные звуки.

* * *

Первое, что ощутил Конан, проснувшись и с трудом открыв глаза – жуткую головную боль. Такого похмелья ему давненько не доводилось испытывать – даже пьянки в «Короне и посохе» не шли ни в какое сравнение – и не хотелось испытывать в будущем. Вдобавок к головной боли его слегка поташнивало.

В тайной надежде пошарив правой рукой вокруг, киммериец нащупал горлышко кувшина. В нем, слава всем богам, сколько их ни есть, оказалось пиво. Пара глотков – и шумевшая голова начала проясняться. Варвар обнаружил, что лежит, укрытый белой пушистой шкурой, подозрительно напоминавшей шкуру дрохо, в незнакомой комнате. То, что он напрочь не помнил, как сюда попал, его уже не удивило. Впрочем, события вчерашнего ужина тоже плавали в похмельном тумане. Чем же их напоил мерзавец-гном?

После следующей пары глотков Конан сумел с трудом сесть и осмотреться. В комнате обнаружилось еще три ложа, на одном постанывал во сне Эрхард, на другом бесчувственным мешком с костями валялся Эртель, на третьем тихо посапывал Эмерт. Возле изголовья каждой постели стоял кувшин с пивом. Предусмотрительный хозяин позаботился о своих

гостях.

Прикладываясь время от времени к пиву, киммериец, пошатываясь, выбрался из комнаты, попав в знакомый полукруглый зал. Проснувшийся желудок варвара громко запротестовал против того, чтобы его с утра пораньше заливали пивом без закуски, и Конан отправился искать, где бы можно позавтракать.

В обеденной комнате, где вчера так весело праздновали знакомство, за столом сидел Фрам, поглощавший обильный завтрак и явно обрадовавшийся появившейся компании. Однако отрываться от своего занятия он не стал, лишь помахав Конану в знак приветствия и жестом указав на соседнюю скамью. Киммериец был за такое гостеприимство глубоко благодарен – разговаривать он сейчас был не в состоянии. Лишь расправившись с несколькими кусками свежего поджаренного мяса и тарелкой пышных лепешек, варвар утер губы рукавом и блаженно рыгнул:

– Вот теперь можно жить дальше…

– Тогда поговорим, – предложил гном, извлекая откуда-то из-под стола полный кувшин пива. – Ты ведь киммериец, насколько я понял? Ваш народ славится искусными кузнецами. Может, и тебе известно что-нибудь, могущее пригодиться мне?

– Почти ничего, – честно признался Конан. – Мой отец был довольно хорошим кузнецом, мальчишкой я помогал ему, но это было слишком давно. С тех пор я ни разу не бывал дома, шлялся по разным городам и странам. Я ведь наемник…

– Понятно, – протянул слегка разочарованный Фрам. – Ну ладно… Хочешь взглянуть на брошенный храм о котором говорили вчера?

– А он что, недалеко? – Конан прикинул, сколько они вчера успели пройти. Выходило, что до капища Чернолицых еще не меньше двух лиг пути.

– Мы пойдем не к самому храму, а к смотровому окну, из которого он хорошо виден, – пояснил гном, вставая. – Это совсем рядом.

Они вышли в тот же коридор, по которому вчера пришел отряд (как сказал Фрам, этот туннель именовался Главной дорогой).

– Вы свалились в шахту под вечер, когда работа уже почти везде закончилась, – на ходу объяснял Фрам. – Потому никого и не встретили. Обычно тут полно народу.

Словно подтверждая его слова, мимо то и дело проходили группки спешащих куда-то подземных обитателей. Некоторые задерживались поздороваться с Фрамом, косились на сопровождавшего его варвара, однако особого удивления не высказывали, точно шляющийся по пещерам человек был здесь самым обычным явлением. Когда недоумевающий Конан высказал свое недоумение вслух, гном удивился еще больше человека:

– И за кого ты нас считаешь, за диких зверей, что ли? Между прочим, твои сородичи немало нам крови попортили, особенно те, что постоянно пытаются пробраться в наши кладовые…

– Извини, почтенный, я не подумал… – пробормотал слегка пристыженный киммериец, подумав, что и сам как-то был в числе интересующихся содержимым гномьих сокровищниц, пока не понял, что дело это изначально безнадежное и лучше уж наведываться в хранилища, принадлежащие людям.

– Да ладно, – поморщившись отмахнулся Фрам. – С кем не бывает. Нам направо.

Они свернули в боковой коридор и шагов через триста оказались в маленькой комнате, освещенной косыми солнечными лучами, падавшими через прорубленные в потолке узкие окна – видимо, комната располагалась где-то на самом склоне горы. У одной из стен стояло

хитроумного вида устройство, поблескивающее начищенными медными и бронзовыми частями. Из недр сооружения высовывались две толстые деревянные трубки, схваченные медными кольцами. Одна уходила куда-то в каменную стену, возле другой торчал незнакомый рыжебородый гном, зачем-то пристально заглядывая внутрь. Фрам вежливо, но твердо отодвинул сородича, сам заглянул в трубу и начал вертеть привинченные сбоку маленькие колесики, отчего труба плавно двинулась влево.

– Так, так, ага… – бормотал себе под нос Фрам. – Вот он! Иди, смотри.

Конан недоверчиво поднес глаз к трубе, внутри которой, как выяснилось, поблескивало что-то стеклянное.

Не может быть!

На мгновение ему показалось, что его каким-то чудом перенесли за пределы горы, но, когда он оглянулся, все было по-прежнему – и маленькая комната, и Фрам, и непонятная блестящая штуковина. Однако, заглянув в нее, киммериец снова близко увидел расположенные вдалеке черные руины.

В небольшой долине, заваленной высокими снегами, торчали закопченные каменные останки не то небольшой крепости, не то храма. Изначально сооружение имело четыре невысокие башни, соединенные стенами и ограждавшие большое, крытое куполом здание. Деревянные перекрытия купола давно выгорели и он обрушился внутрь. Некоторые уцелевшие балки торчали наружу, как выломанные ребра издохшего животного. Передняя стена рухнула, также как и одна из башенок. Остальные находились на различных стадиях разрушения. Над развалинами кружила стая каких-то крупных темных птиц, но каких – разглядеть было невозможно.

Что-то смущало Конана в этой невеселой картине общего запустения. Недоставало какой-то важной детали, вот только какой?

– Кром! – он наконец сообразил, чего именно. – Они ушли!

– Кто? – спросил Фрам, тоже заглядывая в трубу.

– Оборотни, конечно! – раздраженно ответил киммериец. – Смылись, мерзавцы! Где теперь прикажете их разыскивать?

– Не волнуйся, – успокоил варвара гном. – Они не переходили через перевал, значит, наверняка прячутся неподалеку, в горах.

– Утешил! – огрызнулся Конан. – Грааскаль – он такой маленький, за день можно обежать!

– Не кипятись понапрасну, – остановил варвара Фрам. – Из этой долины ведут два пути – на полночь и на восход. Идти на полночь – верный способ самоубийства даже для оборотня. Там нет никакого зверья для охоты, зато полно пропастей, ползущих ледников и возможностей сорваться в расселину или утонуть в глубоком рыхлом снегу. Ставлю граненый алмаз против рваного сапога, что они подались на восход. Выше в горах сохранилось еще несколько развалин, неизмеримо более древних, чем та, что торчит внизу. Мы не ходим туда – в тамошних руинах чувствуется какая-то спящая Сила, злая и беспощадная. Думаю, ваши оборотни, если они как-то пронюхали, что за ними идет погоня, рискнули спрятаться именно там.

– Будем надеяться, – буркнул огорченный киммериец. Вот тоже замечательное развлечение – скакать по предательским зимним горам в обществе дрохо и иных прожорливых гадин, разыскивая, в какую щель юркнули поганые твари!

– Пойдем обратно, – предложил гном. – Ваши, наверное, уже проснулись. Сегодня будет

совет старейшин, они наверняка согласятся как-то помочь людям уничтожить зло в наших горах. Торир – глава совета – очень зол на оборотней, они недавно разыскали один из тайников его семьи и вычистили до самого дна, даже самого маленького камешка не оставили… Торир потом дней десять зеленый от злости ходил, – Фрам тихонько хихикнул себе в бороду.

* * *

Отряд действительно давно проснулся и в полном составе сидел в обеденной комнате, допивая остатки пива, доедая завтрак и страдая от похмелья. Впрочем, оно быстро прошло, особенно когда Фрам сообщил о предстоящем походе к старейшинам подземного народа.

Гном принарядился, аккуратно нацепил берет и вежливо попросил людей оставить оружие здесь, так как к правителям принято являться с чистыми помыслами, а людям, как гостям пещер, ничего не угрожает. Душа Конана громко протестовала даже против краткого временного расставания с Рангильдором, однако варвар со вздохом положил перевязь с мечом и кинжалом на каменную скамью. «Подождите меня здесь, ребята,» – грустно подумал он. Чистых помыслов варвар, несмотря на расставание с оружием, так и не ощутил.

В том же мрачном настроении он шагал слева от показывавшего дорогу Фрама по полутемному коридору. Мысленно Конан был уже в Аквилонии, на границе Пиктских пустошей, где все просто и понятно, нет никаких оборотней, гномов и прочей пакости. А еще виделся удобный и красивый дом Мораддина, что в окрестностях немедийской столицы…

Шаг за шагом отряд и его проводник углублялись в толщу горы, приближаясь к сердцу гномьего поселения. Главная Дорога не стала краше – все тот же полированный серый камень и ответвляющиеся темные проходы. Люди и гном шли довольно долго, пока Фрам наконец не свернул куда-то влево и не начал спускаться по широкой лестнице. Они прошли под огромной аркой, напоминающей переплетенные ветви двух наклонившихся деревьев, и вошли в зал, называемый гномами Залом Семи Королей.

Первое, что бросилось в глаза остановившимся на пороге людям – мягкий зеленоватый свет, испускаемый многочисленными светильниками. Стены зала были отделаны малахитом, двойной ряд темно-красных яшмовых колонн подводил посетителей к огромному постаменту из цельной базальтовой глыбы, на которой уступами, по два в ряд, располагались шесть деревянных тронов, покрытых искусной резьбой и позолотой. Седьмой трон – вырубленный из серого с желтыми прожилками гранита и без всяких украшений – стоял на самом верху.

Все троны занимали гномы преклонного возраста с длинными седыми бородами. Их живые, внимательные глаза пристально оглядывали незваных гостей. Фрам и пришедшие с ним люди поклонились. Старейшины в ответ слегка опустили головы, давая понять, что знаки уважения ими приняты. Первым заговорил гном, сидевший в нижнем ряду на левом троне:

– Что вы хотите от подгорного народа, люди?

– Вообще-то ничего, – по общему решению ведение переговоров предоставили Конану,

потребовав только одного – чтобы варвар сперва хоть немного думал, а затем говорил. – Мы случайно попали в ваши подземелья, но, узнав, что вас тоже преследуют неприятности от обосновавшихся на поверхности оборотней, хотели предложить совместные действия против этих тварей, – и киммериец как бы невзначай добавил, зная, чем можно привлечь на свою сторону любого гнома: – Мы слышали, будто оборотни ограбили вас…

Лицо гнома, занимавшего верхний трон, слегка передернулось, и он резко спросил:

– И что ты предлагаешь, человек? В горах скрывается не менее шести десятков волков, превращающихся в людей, а вас… – он окинул маленький отряд снисходительным взором, – всего восемь.

– Мы собирались отыскать убежище оборотней и с помощью ваших превосходных воинов уничтожить их раз и навсегда! – Конан здраво решил, что немного лести никогда не повредит, а молва о непобедимом гномьем войске-хирде ходила по всем странам – от восхода до заката. Другое дело, что вот уже лет двести, как никто не видел этого самого хирда в действии.

– Нам нет дела до государств людей, – решительно заявил старейшина гномов, и, не обращая внимания на вытянувшиеся лица охотников за оборотнями, продолжил: – Однако свои владения мы будем защищать всегда и везде.

Некоторое время в зале стояла напряженная тишина. Все ждали решения предводителя подгорного племени, занимающего гранитный трон. Конан мысленно посочувствовал ему – неудобно же столько времени сидеть на холодном камне. И задница потом наверняка болит…

– Сколько воинов вам потребуется? – неожиданно задал вопрос гном. Конан даже не задумывался над ответом:

– Полсотни. Или побольше. Но, думаю, мы справимся и таким числом.

– Мы выделим сотню хирдманнов, – вынес решение старейшина. – И дадим вам Глаз. Когда вы обнаружите логово оборотней, вы с помощью Глаза сможете немедленно прислать нам просьбу о помощи. Войско пройдет подземными тоннелями в нужное место, так что вам будет больше не о чем беспокоиться.

Старейшины подняли свои посохи и трижды одновременно стукнули ими о базальтовый пол. С последним ударом глава Совета провозгласил:

– Да сбудется сие именем предвечного Кователя и Великого Длиннобородого Отца, нашего прародителя!

– Пусть сбудется, – буркнул вполголоса Конан. Конечно, получить от гномов обещание помощи – это замечательно, но прежде следует отыскать среди засыпанных снегом гор самих полулюдей-полуволков!

Аудиенция на том закончилась, а у выхода из зала отряд ожидал пожилой сгорбленный гном, сжимавший в руках небольшой ларец из темного дерева, инкрустированный драгоценными камнями. В ларце оказалось матово-серебристое яйцо, размерами чуть побольше куриного, сделанное из какого-то загадочного материала, похожего то ли на камень, то ли на жемчуг, то ли вообще на металл.

– Это Глаз, – прошамкал гном, вручая людям блестящее яйцо. На ощупь оно оказалось чуть теплым и слегка вибрировало, словно внутри находилось нечто живое. – Берегите его. Когда доберетесь до места – разбейте. Но ни в коем случае не раньше!..

Странный предмет с подобающими предосторожностями переложили в кожаный мешочек, пообещав не спускать с него глаз ни днем, ни ночью.

Отряд возвращался тем же коридором, обсуждая, насколько облегчится или, наоборот, усложнится их задача, когда Конан внезапно запнулся на полуслове, остановился, а на его лице появилось выражение, предшествующей чьей-то неминуемой (и, скорее всего, мучительной) смерти.

Навстречу людям двигались два дюжих гнома, волоча за собой упирающегося и истерично хихикающего человека. Впрочем, на человека это оборванное и грязное существо с сумасшедшим блеском в глазах мало походило. И все же, несмотря на то, что некогда аккуратная и ухоженная бородка клинышком превратилась в густую спутанную мочалку, а сам человек выглядел, как распоследний опустившийся нищий, киммериец безошибочно узнал его.

– Омал… – беззвучно выдохнул варвар, чувствуя, что звереет, нет, просто сходит с ума от ярости. – Омал!!! – теперь это уже был дикий рев, заставивший всех шарахнуться в стороны. – Убью! Выродок Сета!!!

Охранники попытались заслонить своего пленника от несущегося на них разъяренного человека, но с тем же успехом можно было попытаться остановить лавину. Конан двумя ударами отшвырнул в стороны отнюдь не слабых гномов и сомкнул руки на тощей шее бывшего начальника охраны каравана.

– Отправляйся к Нергалу, ублюдок!

В глазах туранца появилось осмысленное выражение, сменившееся диким ужасом. Киммериец не шутил, угрожая задушить его голыми руками. Омал захрипел, затрепыхался, как вытащенная на берег рыба, тщетно пытаясь вырваться, затем безвольно обвис, вывалив наружу посиневший язык. Конан уже собирался последним рывком свернуть ему шею, когда на затылок варвара обрушился чей-то огромный кулак. Через несколько долгих мгновений руки киммерийца разжались и он, качнувшись, завалился назад. Выпущенный Омал, хрипя и кашляя, осел у стены, сжавшись в комок.

– Да-а, – простонал один из пострадавших гномов, потирая челюсть, на которой после встречи со стеной уже багровел огромный кровоподтек. – Откуда взялся этот бешеный? Он бы сейчас просто задушил пленника!

– Почтеннейший Фрам, а ты его не убил? – озабоченно спросил Эрхард, присев возле потерявшего сознание варвара.

– Чтобы такого убить или хотя бы слегка покалечить, нужен по меньшей мере удар моей кувалдочки, – отмахнулся гном. – Сейчас вскочит и снова полезет в драку. Интересно, почему киммерийцу так не приглянулся этот тип?

Словно подтверждая слова Фрама, Конан пошевелился, что-то невнятно пробормотал и открыл глаза, спросив:

– Ребята, а что, уже утро?

– Давно день настал, – ласково сказал гном. – Обедать пора… Эй, держите его!

Но с киммерийца уже слетели остатки беспамятства. Как и предсказывал Фрам, Конан снова рванулся к скорчившемуся на полу Омалу, потащив за собой и намертво вцепившегося в одежду гнома. Сообразив, что дело принимает плохой оборот, Эрхард и Веллан повисли на плечах варвара, общими усилиями сумев удержать Конана на месте. В варвара словно демон вселился – он брызгал слюной, бессвязно ругался, обещая всех на ремни порезать, пусть только дадут ему вырваться… Фрам озадаченно подумал – не врезать ли обезумевшему северянину еще разок. Впрочем, никакая голова, даже киммерийская, не в состоянии два раза подряд выдержать удар гномского кулака.

Положение спас Эрхард, неожиданно с силой встряхнувший варвара и заставивший его обернуться и замолчать.

– Слушай, Конан, – очень спокойно и внушительно проговорил сотник. – Если ты немедленно не прекратишь буянить, мы тебя свяжем. Можешь поверить, у нас хватит на это сил. А потом попросим наших уважаемых хозяев запихнуть тебя куда-нибудь в брошенную шахту, чтобы ты посидел там денек-другой и успокоился. Ну?

– Давно пора, – еле слышно пробурчал Эртель. – Только не на денек. Лучше вообще не выпускать до самой смерти. Спокойнее будет…

Конан дернулся, посмотрел на Эрхарда ненавидящими глазами, затем внезапно перестал вырываться и мрачно потребовал:

– Отпустите. Ладно, не буду я его убивать. Пока…

– Вот и умница, – похвалил киммерийца сотник. – Только ты, почтеннейший Фрам, подержи его еще чуток. На всякий случай.

Эрхард и Веллан осторожно отступили назад, но варвар не тронулся с места. Омал, на протяжении всей этой сцены жавшийся к стене, точно пытаясь слиться с ней, неуверенно поднялся на ноги, шатаясь, подошел к Конану и снизу вверх заглянул в лицо. Киммериец зарычал сквозь зубы:

– Уберите эту падаль, а то я за себя не ручаюсь…

Омал по-прежнему пристально смотрел на варвара, хотя гномы-охранники тянули его за собой, и вдруг торопливо забормотал:

– Я тебя знаю, ты ищешь оборотней. Таких больших мохнатых тварей с горящими глазами, с острыми зубами и когтями… Они прячутся в горах, Омал видел, где… Хочешь, мы пойдем туда?

Конан опешил. Похоже, спятивший туранец откуда-то знает, где логово тварей. В таком случае месть можно отложить и на потом…

– Ты знаешь, где живут оборотни? – не веря своим ушам, повторил киммериец. – Ты можешь проводить нас туда?

Омал энергично закивал головой – сумасшедший или нет, он однако отчетливо понимал, о чем его спрашивают – с немытых волос градом посыпались вши. Несколько мерзких насекомых упали на штаны Конана и тот брезгливо смахнул их ладонью.

– Фрам, хватит меня держать. Я кажется сказал, что не трону его!

Гном, поколебавшись, разжал руки. Конан прошелся взад-вперед по коридору, разминая мышцы и подчеркнуто не обращая внимания на бормочущего что-то Омала.

– Где вы его взяли? – поинтересовался у охранников Эрхард. – И что собираетесь с ним делать?

– Он шел через перевал, – откликнулся один из гномов. – Но, сколько мы его не спрашивали, он не говорит, откуда пришел и как вообще оказался в горах. А сейчас мы его вымоем и подстрижем, он же вшивый, как бродячая шавка!

– Приведите его потом к Фраму, – попросил сотник. – Кажется, этот человек может нам пригодиться.

– Ладно. Пошел, пошел! – и стражники, подталкивая пленника в спину, повели переставшего сопротивляться и притихшего туранца дальше по коридору.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,
в которой Конану плачется брошенный всеми бог

Над Граскаалем всходило солнце. Неприступные горные пики холодно сверкали в его колючих лучах. Конану, только что шагнувшему из мягкого сумрака гномьих подземелий на заснеженную землю долины, где стоял покинутый храм, они показались просто ослепительными. Он прищурился и злобно посмотрел на светило. Сегодня хорошая погода его совершенно не радовала.

– Веллан, смотри, варвар на солнце злится, – как всегда, из-за спины раздался едкий голос Эртеля. У киммерийца с утра было плохое настроение, и он резко повернулся к насмешнику с намерением пнуть его как следует. Однако ухмылявшийся до ушей Эртель уже успел предусмотрительно отскочить на безопасное расстояние.

– Давай в догонялочки? – предложил он, оглядываясь и высматривая возможный путь к отступлению. – Спорим, не догонишь?

Конан скрипнул зубами и, наклонившись, набрал пригоршню снега.

– Делать мне больше нечего – за тобой бегать… – пробурчал варвар, а его руки тем временем слепили приличных размеров снежок. Эртель подозревал, что против него замышляется какая-то гадость, но увернуться не успел. Киммериец с гнусной ухмылочкой почти без замаха метнул свой снаряд, выждав момент, когда неугомонный насмешник отвернется. Лицо Эртеля оказалось залеплено мокрым снегом, а сам он, от неожиданности сделав пару шагов назад, не удержался на ногах и рухнул в сугроб. Оттуда немедленно донеслись неразборчивые ругательства, заглушенные громовым хохотом и советами:

– Эмерт, отдай варвару свой лук, он лучше тебя стреляет!

– Конан, отчего ж ты вампиров снежками не закидал? Талант скрывал, да?

– Эртель, как тебе там? Эй, смотрите, он даже сказать ничего не может!

Эртель наконец сел, яростно отряхиваясь, и согнул руку в неприличном жесте.

…Прошлым вечером Фрам вызвался пойти вместе с людьми. Его долго и на разные лады отговаривали, стращали возможными опасностями, но гном остался непреклонен. Откуда-то из своих бездонных сундуков он вытащил мягкую и гибкую кольчугу, сработанную из блестящего, напоминающего серебро, металла. Веллан немедленно поинтересовался, зачем гному серебряная кольчуга – от злых духов? Фрам загадочно улыбнулся в бороду и сказал, что доспехи сделаны совсем не из серебра, но на посыпавшиеся вопросы не ответил ничего.

Затем гном вооружился жуткого вида топором на длинной рукояти, выглядевшим еще страшнее памятной многим секиры Хальмуна. Ехидный Эртель тут же присоветовал хозяину пещеры прихватить с собой знаменитую «кувалдочку». Фрам слегка удивился и задал вполне разумный, но совершенно неуместный в разговоре с великим болтуном вопрос – «Для чего?»

Эртель только того и ждал. Он скорчил задумчивую физиономию и снисходительным тоном начал объяснять:

– Смотри, почтенный, своим топором ты уложишь не меньше пяти человек, а кувалдочкой отправишь в преисподнюю еще не меньше десяти… Насколько выгоднее иметь два вида оружия!

Гном, безусловно, понял, что над ним издеваются, но вроде не обиделся. Наоборот, вежливо поблагодарил Эртеля за полезный совет и попросил позволения пожать ему в благодарность руку. Не заметивший лукавых искорок в глазах гнома Эртель с гордой

ухмылкой протянул ему свою пятерню. Гном легонько стиснул казавшиеся тонкими пальцы человека в своей волосатой лапе.

Эртель внезапно прекратил улыбаться, побледнел и закусил нижнюю губу, пытаясь не закричать. А закричать ему очень хотелось. Пальцы гнома, привыкшие с легкостью гнуть железные заготовки, без особого труда могли раздавить человеческие кости и держали крепко, не давая шутнику вырваться. Гном смотрел Эртелю в глаза и сжимал руку все сильнее и сильнее.

– П-пощади… – наконец выдавил непослушными губами Эртель, и Фрам разжал пальцы.

– То-то. Думай впредь, прежде чем болтать.

Шипящий Эртель тряс рукой, бормоча что-то себе под нос. После этих слов гнома он не выдержал и сорвался на крик. Поток бессвязной брани захлестнул подгорного жителя, едва не утопив.

– Ты, урод каменный! Думаешь, самый умный, да? Пошел к Нергалу в задницу, сволочь подземная! Да я… Да я… – дальше последовали такие забористые выражения, что Веллан удивленно хмыкнул, наклонился к Конану и прошептал:

– Знаешь, когда ты потерял на поляне меч, я был уверен, что слышал уже все возможные ругательства. Оказывается, я ошибался.

Конан согласно кивнул. На лице Фрама явственно читалось безмерное удивление. Когда Эртель наконец выдохся, гном с непритворным страхом огляделся:

– Слава Кователю! Я думал, горы сейчас обрушаться. От стыда…

– Эртель, ты перещеголял даже меня, – усмехнулся киммериец, пробуя пальцем остроту Рангильдора. Клинком по-прежнему можно было бриться.

– Тебя бы так! – огрызнулся Эртель. – Послушал бы я, что ты скажешь! – и он, злой как тысяча голодных демонов, отвернулся и принялся копаться в своем дорожном мешке, продолжая ругаться, но теперь уже еле слышно.

Конан довольно подумал, что теперь хоть на какое-то время Эртель угомонится. Жаль только, что это будет очень короткое время…

Действительно, насмешник дулся и молчал только до выхода из пещер. Едва лучик зимнего солнца коснулся его мрачного лица, как оно повеселело, заулыбалось, а уже спустя несколько мгновений Эртель начал подшучивать над Конаном и снова заработал снежок в лицо.

– Ну, киммериец, – прошипел Эртель, едва ему удалось вылезти из сугроба и выплюнуть попавший в рот снег. – Сейчас ты у меня получишь!

Шутник напоминал взъерошенного и мокрого, но готового броситься в драку петуха. Конан хмыкнул, с хрустом расправил плечи и поразминал кулаки.

– Неужели я удостоюсь чести сразиться с тобой, о великий? – вычурный слог стран восхода варвар усвоил еще со времен давней службы в туранской гвардии и при случае мог блеснуть.

– Чего? – недоуменно переспросил Эртель, даже переставший отряхиваться. Прислушивавшийся к перебранке Веллан откровенно захихикал. Киммериец, проклиная в душе скудоумие окружающих, загубивших такое произведение словесного искусства, рявкнул:

– Драться будешь, скотина, или нет?

– А-а, так бы сразу и сказал, – протянул Эртель. – А то – «удостоюсь чести»… Будто я не

знаю, что сам ты до такого в жизни додуматься не мог.

– За это ты еще и добавку огребешь, – пообещал варвар, нагибаясь за очередной порцией снега.

– Ладно-ладно, – замахал правой рукой Эртель, явно не желавший получать «добавку». Левую руку он почему-то продолжал держать за спиной. – Не буду я с тобой драться. Я еще с ума не сошел.

– Понятно… – разочарованный киммериец отвернулся и меланхолично отряхнул снег с ладоней. Стоявший неподалеку Эрхард укоризненно посмотрел сначала на варвара, затем на племянника.

– Взрослые мужики, а как дети, честное слово, – проворчал он. – Пошли, надо еще капище осмотреть. Дел по горло!

– Хорошо, дядя, – смиренно потупился Эртель и неожиданно выбросил вперед левую руку. – Получай!

Киммериец, ожидавший подобной пакости, с легкостью увернулся, слегка отклонившись влево.

Из горла Эртеля вырвался раздраженный крик, сменившийся на вопль неподдельного ужаса. За Конаном стоял Эрхард, и его лицо было залеплено мокрым снегом. Резкими движениями сотник отряхнулся и злобно посмотрел на племянника. Если бы взгляды убивали, от Эртеля осталась бы только кучка истлевших костей.

– Дядя, клянусь Митрой, я не хотел… – под грозным взглядом Эрхарда шутник побледнел и попятился. Он не забыл тяжелую руку старшего родича и его голос ощутимо дрожал: – Я хотел в этого, в варвара…

– Заткнись, – ровным голосом прошипел еле сдерживающийся сотник. – Все быстро построились в колонну по двое и за мной шагом марш! – он встал первым, за ним посмеивающийся про себя Конан и Эмерт. Дальше следовали молчаливые гандеры, притихший Эртель с Селеной, Веллан и Фрам. Омал сначала плелся, пуская слюни и бормоча бессмыслицу, позади, на некотором расстоянии от отряда, но затем сотник позвал его, а Веллан помог добраться хорошим пинком. Такие же пинки бритуниец время от времени отвешивал и плетущемуся впереди Эртелю, справедливо полагая его виновником всех утренних несчастий. Эртель оборачивался, бросая на Веллана угрюмые взгляды, но выругаться или дать сдачи не решался. Сотник был зверски зол и вполне мог, не разбираясь, кто начал первым, всыпать непослушному и вредному племяннику по первое число…

Веллан не обращал на угрожающие взгляды Эртеля никакого внимания, с невинным видом поглядывая на ярко-синее небо и белые кучевые облака, иногда укоризненно смотрел на Эртеля честнейшими голубыми глазами – мол, как ты мог даже предположить такое? – и косился на шагавшего рядом широкоплечего коренастого гнома. Эртель на кажущуюся честность приятеля не купился, украдкой показав бритунийцу кулак.

Это не помогло. Стоило ему отвернуться, как его мягкое место пониже спины снова пострадало от подкованного железом сапога. Эртель едва не взвыл, но вовремя вспомнил о тяжелой руке дядюшки, и лишь скрипнул зубами. Ну все, бритуниец, жить тебе до первого привала… Там уж я с тобой за все посчитаюсь…

Перед мысленным взором Эртеля пронеслись живописные картины под общим названием «Десять страшных смертей Веллана». Там была и «Собственноручное удушение проклятого бритунийца», и «Веллан на колу» и даже «Отсечение головы коварного приятеля тупым мечом»… Чем дальше, тем более жестокими и изобретательными становились казни.

На лице Эртеля появилась хищная улыбка. Он так замечтался, что не заметил, как отряд остановился, и с размаху ткнулся носом в полинялый плащ Гарта. Гандер обернулся и, видя, что никто не смотрит в их сторону, отвесил Эртелю сочного щелбана, прошипев:

– Чтобы о бабах не думал, когда идешь!

«Ты тоже поплатишься, щенок», – мрачно подумал Эртель, озираясь.

* * *

Оказалось, что пока он мысленно расправлялся с Велланом, они уже дошли до развалин и стояли перед чудом уцелевшим входом.

Храм сильно пострадал после случившегося год назад пожара, устроенного воинами короля Дамалла. Купол обрушился, завалив обломками досок и каменных глыб главный зал и расположенный в нем алтарь. Развалины двух передних башенок перекрывали узкие галереи, ведущие к двум задним. Некогда белый мрамор почернел от копоти.

Все это Конан обнаружил, едва ступив под свод арки бывших ворот и пройдя десяток шагов по внутреннему двору. Над воротами висела сохранившаяся маска из обсидиана – символ Бога с Черным Лицом. Бога, не сумевшего защитить своих почитателей…

– Каюсь. Не смог, – произнес чей-то тихий, удивительно приятный баритон. Конан аж подпрыгнул на месте от удивления и быстро огляделся по сторонам. Никого. «Наверное, показалось, или наши разговаривают», – успокоил сам себе варвар.

– Нет, не показалось, – произнес все тот же тихий и печальный голос. Конан снова обернулся. Его спутники по-прежнему мялись снаружи, не решаясь ступить под обгорелые камни арки. Нет, они все вроде молчат. Тогда кто же разговаривает?

– Эрхард! Кончайте там топтаться, как трусливые мулы! – раздраженно крикнул киммериец. – Обойдите здание, поищите следы. Если получится, залезьте в башни. А я пока осмотрю здесь все.

Эрхард согласно махнул рукой, и, разделив своих подчиненных на две части, вместе с Эмертом, Селеной и Фрамом ушел направо. Остальные свернули налево.

Тут Эртель и отомстил, с лихвой вернув Гарту его щелбан. Не успел возмущенный гандер сделать шаг вперед, как главный паскудник отряда ловко подцепил его ногу своей, подтолкнул… и Гарт полетел головой в снег, а виновник его падения с гордо поднятой головой прошел мимо, посоветовав ему сперва научиться как следует ходить.

Взбешенный Гарт вскочил, стиснув кулаки, но Гильом удержал его за плечо, спокойно бросив: «Не стоит связываться», а Веллан ободряюще хлопнул по спине: «Не бойся, весна придет, дерьмо уплывет. Придет и на нашу улицу праздник. Когда-нибудь.»

Младший гандер досадливо дернул плечом и пробурчал, что ко времени наступления такой радости он наверняка станет седым стариком, если не будет покоиться в уютном гробу.

Эртель тем временем скрылся за обломками стены и оттуда долетел его недовольный голос:

– Ну скоро вы там? Кто мне спину прикрывать будет, а?

– Уж я тебе прикрою, не сомневайся, – оскалился Гарт, похрустывая костяшками пальцев. – Уж так прикрою, мало не покажется…

– Хватит, – неожиданно твердо сказал Гильом. – Ты его первым задел, он только вернул тебе долг. Сейчас не время для дрязг. Мы – один отряд, а вы с Эртелем начинаете копить обиды друг на друга. Вот покончим с оборотнями – и можешь ему морду набить, а пока – вперед!

После такой длинной для него речи Гильом резко повернулся и быстрыми шагами ушел догонять Эртеля. Гарт смотрел ему вслед, приоткрыв рот. Веллан скривил недовольную рожу и проворчал:

– Все равно мне никто не помешает хорошенько пошутить.

– А-а, – отмахнулся Гарт. – Пойдем лучше. Может, он и прав…

Они переглянулись и побежали вслед за Гильомом, прыгая через обгорелые камни бывшей стены храма.

Конан, убедившись, что его товарищи ушли, осмелился поинтересоваться у окружавших его закопченных стен:

– Кто тут шуточки шутит? А ну, покажись!

Может, он все это зря сказал и не стоило тревожить старых призраков, но что сделано, то сделано…

После его слов настала тишина, а затем голос робко и чуть смущенно спросил:

– Ты действительно хочешь посмотреть на меня?

Киммериец слегка удивился странному поведению здешних призраков и твердо заявил:

– Конечно! Не люблю разговаривать со стенами.

Из покрытых сажей камней прямо напротив варвара появился немолодой бритоголовый человек с лицом, измазанным углем (во всяком случае, так поначалу показалось Конану). При жизни призрак носил простую черную рясу до пят и без рукавов, подпоясанную простой льняной веревкой. В правой руке неизвестный сжимал тяжелый посох без всяких украшений.

Некоторое время человек и призрак молча рассматривали друг друга. «Совсем как живой», – удивленно подумал киммериец, пристально изучая незнакомца. У варвара появились смутные сомнения… и ему захотелось прикоснуться к привидению. Так, на всякий случай.

– Не стоит, – прервал затянувшееся молчание призрак. – В некотором роде я еще жив и, коснувшись меня, ты почувствуешь плоть…

– Дай-ка мне самому убедиться, – недоверчивость, как известно, родилась задолго до киммерийцев. Призрак недовольно поджал губы и молча протянул Конану левую руку, как для поцелуя. Варвар хотел было обидеться, потом плюнул (мысленно), прикоснулся к сухой старческой коже и тут же с шипением отдернул кисть, тряся ею в воздухе. Рука незнакомца была обжигающе холодна, пальцы Конана сразу же покрылись снегом и скрючились. Киммериец выл и ряс обмороженной ладонью, пока призрак не коснулся ее своим посохом. Снег мгновенно растаял, боль прошла, рука снова стала здоровой и теплой.

– Я же предупреждал, – печально сказал призрак, виновато поглядывая на варвара.

– Ты не живой, – вынес свое решение Конан. – Ты же холоднее льда!

– К сожалению, ты ошибаешься, – призрак покачал головой.

– Ну да, рассказывай сказочки! – мотнул головой киммериец. – Я уже сам убедился.

– Не перебивай меня, – сухо попросил призрак. – Я знаю, зачем вы забрались сюда, в мой дом, знаю и о цели вашего похода. Я хочу… немного помочь вам.

– Не может быть, – издевательски сказал Конан, делая вид, что пристально разглядывает

грязную стену за спиной призрака.

– Кажется, я просил не перебивать, – спокойно повторил незнакомец. За деланным спокойствием скрывалась нарастающая ярость, и Конану показалось весьма разумным на время заткнуться. А то кто его, холодного, знает… Еще обнимет ненароком. Превращаться в ледяную статую киммериец пока совершенно не желал.

– Молчу, молчу, – примирительно сказал он, поднимая руки и обращаясь в слух.

– Вот интересно, – откровенно ехидным голосом проговорил призрак. – Отчего, если с людьми обращаешься по-хорошему, они тебя не слушают, и готовы плюнуть или закидать… м-м… тухлыми яйцами. Но стоит пригрозить, прикрикнуть – и пожалуйста! Все во внимании, можно сказать, в рот заглядывают… А, киммериец, почему?

Конан, переминаясь с ноги на ногу и уставившись в каменный, весь в извилистых трещинах, пол, начал что-то мямлить, неуверенно пытаясь оправдаться перед призраком за весь людской род.

– Чего? – переспросил призрак. – Не слышу. Подними голову и скажи громко и четко.

– Отвяжись, – не выдержал киммериец. – Ты же можешь мысли читать, вот и посмотри! И вообще, мы, люди, так устроены!

– Ладно, – кивнуло привидение. – Так вот, о чем я говорил? Я помогу вам, чем смогу…

– Чем сможешь! – вполголоса буркнул Конан.

– …А ты выслушаешь мою историю, так сказать, исповедь, – не обращая внимания на реплику варвара, закончил призрак. – Согласен?

– Идет, – отозвался киммериец.

– Чтобы нам не помешали, мы сейчас отправимся в одно тихое местечко. Ты даже сможешь там поесть-попить…

– Меня хватятся, – вспомнил варвар, оглядываясь, не появился ли кто из отряда. Но внутрь храма никто не заходил, и даже голосов не было слышно.

– Не беспокойся, – успокоил призрак. – Даже если мы будем беседовать целый год, ты вернешься сюда, не успеет солнце сдвинуться на один палец.

– Так быстро? – непроизвольно удивившись, Конан почувствовал себя полнейшим дураком.

– Идем, – призрак шагнул к стене и исчез. Конан осторожно подошел и потрогал почерневший мрамор в том месте, где растворилось привидение. Пальцы не встретили никакого сопротивления и погрузились в камень, точно в воду.

– Колдовство, будь оно неладно! – магию Конан недолюбливал и имел для того все основания. Сколько колдунов полегло от его меча, начиная с Яры, к «благополучной» кончине которого он приложил руку… Если составлять список, он наверняка займет несколько длиннющих пергаментов. Варвар усмехнулся, его рука все еще оставалась наполовину погруженной в стену. Оказывается, каждый месяц к этому печальному списку прибавляется по одному чернокнижнику, а то и по двое… Откуда их столько берется?

Его размышления прервал резкий рывок за руку. Конан попытался упереться в стену, но и там оказалась пустота. Проклиная свою беспечность, варвар влетел в какой-то бесконечный и темный коридор.

Едва киммериец провалился в стену, как у входа под чьими-то быстрыми шагами заскрипел снег. Звуки приближались, и вскоре под свод вошел Эмерт. Боссонец подозрительно огляделся, зачем-то потрогал стену – холодная. Странно, вроде он слышал голос Конана, разговаривающего с кем-то, а здесь никого нет. Наверное, варвар решил

подняться на одну из уцелевших башенок, а раз они не встретились по дороге, значит, киммериец свернул налево, к Веллану и компании.

Эмерт повернулся и пошел к выходу, навстречу заглядывающему в покинутый храм солнцу. За его спиной звонко ударилось железо о камень. Боссонец обернулся – к нему быстрым шагом направлялся… Конан. Лучник недоуменно тряхнул головой и озадаченно почесал сломанный нос.

– Не пугайся, это я, – успокоил его киммериец, подойдя поближе. – Ты не поверишь, где я сейчас был!

– Не поверю, – Эмерта редко кто мог удивить, но проклятый варвар умудрился это сделать.

– Я и сам не верю, – честно признался Конан. – Ты послушай…

* * *

Конан летел через непроницаемую черноту, режущую глаза своей мрачностью. Вокруг не раздавалось ни единого звука, все чувства разом отказали. Конан успел подумать, что так, наверное, выглядит мир для новорожденного животного или человека, когда все внезапно закончилось. В глаза ударил ослепительный белый свет, и некоторое время варвар шарил вокруг себя руками, но пальцы ощущали лишь воздух. Наконец, зрение потихоньку восстановилось.

Киммериец оказался в большой светлой комнате, устланной мягкими коврами с ворсом по щиколотку и покрытых затейливыми многоцветными узорами. На стенах висели белые шкуры, раньше, похоже, принадлежавшие дрохо. В центре комнаты возвышался низкий длинный столик красного дерева («Вендийская работа», – отметил про себя Конан) с резными ножками в виде поднявших хоботы слонов. У столика напротив друг друга стояли два низких дивана, заваленных полосатыми подушками. На одном из них уже расположился хозяин.

Впрочем, «расположился» – не совсем подходящее слово. Призрак аккуратно присел на краешек, держа спину прямо, будто кол проглотил. Увидев Конана, мнущегося на «пороге», он приветливо, но несколько вяло махнул рукой, приглашая варвара занять свободное ложе.

Киммериец знал, что в Туране некоторые вельможи, да и люди попроще, предпочитали вкушать пищу лежа, но считал этот обычай глупым и собирался просто сесть. Пройти в подкованных и заляпанных грязью и снегом сапогах по нежному пушистому ковру он не решился и, быстро скинув их, зашлепал к столу босиком. Ворс приятно щекотал грубые подошвы варвара. На средине пути он нагнулся и пощупал ковер. Похоже, вещицу привезли из Иранистана, но таких рисунков киммериец никогда не встречал. Разноцветные квадратики, вложенные друг в друга… Интересно, они что-то обозначают?

Конан опустился на мягкие подушки и недоуменно посмотрел на неприятно голый стол перед собой. Черное лицо призрака слегка улыбнулось, он хлопнул в ладоши и на столе появились яства. После беглого осмотра варвар признал, что жратвы маловато, зато сам подбор ничего.

Прямо перед Конаном стояло большое блюдо с ломтиками жареной свинины, рядом с

ним вареная в меду форель отсвечивает серебристой с черными пятнышками спинкой. Два глиняных расписных горшочка – в одном, судя по запаху, суп с потрохами, в другом с бараниной, рисом и желтыми кружками моркови. Тарелка пшеничных лепешек и глубокая чашка меда к ним, несколько плетеных корзинок с фруктами… Бесцеремонно порывшись в них, варвар обнаружил апельсины размером с кулак, мягкие алые яблоки, медовые груши, грозди прозрачного винограда, длинные желтые плоды из Черных Королевств… Тамошние жители, как помнилось, называли их бананами. Конан вспомнил, как однажды дней десять питался только ими, удирая от людоедов Дарфара, и его передернуло. Кроме того, обнаружилась мисочка с солеными грибочками, а грибочки варвару весьма нравились… Единственное, что его огорчило – полное отсутствие вина. Он раздосадовано посмотрел на призрака, и тот невозмутимо проговорил:

– Стол я сервировал по собственному вкусу, но напитки ты можешь выбрать сам.

– Сев… Севри… Чего? – запнулся на незнакомом слове Конан.

– Накрыл, – пояснил хозяин. – Так какой сорт вина ты предпочитаешь?

Конан немедленно вспомнил прекрасный вкус «Старого короля», и, не успел он ни слова сказать, как перед ним появились две бутыли мутно-зеленого стекла в тростниковой оплетке, с узкими горлышками, залитыми красным воском. Варвар немедленно схватил одну и, не веря своим глазам, уставился на печать с датой укупорки.

– Этого не может быть, – после долгого молчания уверенно заявил киммериец. – Пятьсот лет!

– Я постарался достать самое старое вино сорта «Старый король», – подтвердил призрак. – Это первый разлив.

Конан только благоговейно вздохнул. Призрака слегка позабавило его восхищение, и, отложив посох, он взял небольшой кусок свинины, проследив, как мясо в его руках медленно превращается в ледышку.

– Можешь начинать трапезу, а я пока буду услаждать твой слух не слишком веселым рассказом, – с грустной усмешкой произнес призрак. – Я бы присоединился к тебе, да не могу, как видишь…

Конан, все еще не расставшийся с бутылью, попросил:

– Слушай, хозяин, а кружку ты можешь сделать? Нельзя ж такую ценность из горла хлебать…

– А, извини, – на столе тут же появилась простая глиняная кружка, и Конан с некоторым трепетом сорвал печать и налил вина, изготовленного в те времена, когда еще его прадеда не было на свете. На вкус напиток был чуть более терпким, чем хранившийся у Эрхарда, и слегка отдавал плесенью, но неповторимый букет пуантенского винограда, какой встречается только у хорошо выдержанного вина, с лихвой перекрывал все недостатки.

Конан некоторое время сидел, закрыв глаза, и наслаждался ароматом, а затем сделал маленький глоток. Таким вином киммериец напиваться вовсе не собирался. Поставив кружку на стол, он потянулся к мясу, а призрак начал свое неторопливое повествование.

– Позволь наконец представиться, мой юный друг…

Конан подумал, что он уже давно не юный (четыре десятка скоро стукнет, как никак!), да и в друзья всяким ледышкам не записывался, и уже хотел было возразить, но следующие слова хозяина заставили его прикусить язык.

– Я сказал «юный», потому что мне самому насчитывается тысячи и тысячи лет, и все смертные кажутся мне молодыми, даже самые глубокие старики. Зовут меня Раваал, люди же

прозвали Богом с Черным Лицом.

Что-то подобное Конан и подозревал, но поначалу ему показалось, что перед ним тень погибшего основателя культа. Однако после перемещения неизвестно куда и вина пятисотлетней давности, варвар сильно засомневался в своем первоначальном предположении. Потому он и не высказал сильного удивления, продолжая намазывать медом лепешки, как будто встречался с богами десять раз на дню.

– Неужели тебя нисколько не удивляет мысль об обеде с высшим существом? – спросил задетый за живое Раваал, который никогда не сталкивался с таким пренебрежительным отношением.

– А что тут такого особенного? – фыркнул киммериец. – Я видел за свою жизнь достаточно богов и божков, а после смерти буду целую вечность пировать с Кромом, – он подумал и добавил: – Надеюсь.

– Так это случится после твоей смерти! – настаивал Бог с Черным Лицом.

– Какая разница? – раздраженно ответил Конан. Бог почему-то напомнил ему маленького мальчика, переодевшегося привидением и очень удивившегося, что никто не испугался. – Может, я уже сейчас умер, погиб, пока сюда добирался, – с набитым ртом закончил свою мысль варвар.

– В чем-то ты прав… – задумчиво протянул Раваал.

– Насчет чего? – немедленно вскинулся киммериец, говоривший о собственной смерти в шутку.

– Да нет, ты жив, – успокоил призрак. – И обратно вернешься живым и невредимым. Если только не обожрешься, – задумчиво добавил бог, глядя, как стремительно исчезает с блюда свинина.

– Тогда ладно, – отмахнулся варвар, подвигая к себе горшочек с супом из требухи. – А обжираться тут нечем…

– Наглец! – Раваал хмыкнул, щелкнул пальцами и на столе появилось нечто отвратительное, похожее на огромную поджаренную гусеницу. Конан аккуратно отодвинул ее подальше от себя и продолжил работать ложкой. – Может, стоит сделать из тебя украшение моих покоев?

– Не стоит, – заверил киммериец, покончив с супом и протягивая руку за рыбой. – Да, кстати, ты не мог бы убрать это дерьмо? – он ткнул пальцем в гусеницу, кроме внешнего уродства еще и обладавшую на редкость мерзким запахом.

– Что убрать? Ах, извини, – Раваал снова щелкнул пальцами и смердящее блюдо исчезло. – Задумался…

Наступило безмолвие, почти тишина, нарушаемая только хрустом мощных киммерийских челюстей, обгладывающих крупную жирную форель.

Конан вкушал, Раваал молчал, рассеяно водя пальцем по столу, вычерчивая какие-то сложные узоры и полностью уйдя в глубь своей древней души. Чтобы нарушить затянувшееся молчание, Конан поинтересовался, что означает узор на ковре, который безжалостно топтали его загрубевшие подошвы. Раваал не отозвался. Конан повторил вопрос громче и настойчивее. Бог очнулся, переспросил, и, махнув рукой, начал говорить что-то о высоких материях, применяя непонятные варвару слова. Все же киммериец уловил суть – странный рисунок обозначал бесконечность.

– Хватит. Ты вроде собирался излить душу, так начинай, а то у меня и без того дел хватает, – остановил поток непонятных слов Конан. Раваал замолчал на полуслове,

посмотрел на гостя взглядом, ясно говорившим: «А не превратить ли тебя во что-нибудь тихое?», но киммериец не обратил на это внимания. Он был занят составлением нового блюда из мяса, грибов и лепешек, и размышлял – полить результат медом или съесть так?

Пробормотав «О люди, люди…», Чернолицый наконец перешел к изложению своей истории:

– Так заведено Создателем, что любая высшая Сила, может существовать и творить только до того времени, пока существует хотя бы один истинно верующий в него или в нее. Если бог теряет всех поклонников, он становится тем, что можно назвать «холодным» и не может покинуть свой последний храм или место гибели своего последнего служителя. Так случилось с богами Лемурии и некоторыми богами Атлантиды.

– Значит, теперь ты того… холодный? – поинтересовался Конан, наливая себе еще одну кружку «Старого короля».

– Да, – печально подтвердил бог.

– Погоди, погоди, – варвар, казалось, что-то вспомнил. – Мы же тогда прихлопнули не всех Чернолицых, некоторые улизнули! Они что, перестали тебе служить?

– Они никогда мне не поклонялись, – покачал головой призрак. – Лишь использовали мое имя и символы для прикрытия. Пожалуйста, не задавай пока вопросов.

– Хорошо, – Конан пожал плечами. – Рассказывай дальше.

– Еще кое-что о богах. Их сила зависит от числа верующих. Митра, Иштар, Бел, Сет… В них верит огромная армия живущих на земле людей, и оттого их власть тоже огромна. У меня никогда не было и сотой доли такой силы. Мой культ зародился во времена Атлантиды, когда несколько жрецов спаслись с гибнущего континента. Им пришлось выдержать немало бедствий и лишений. Конечно, я как мог, помогал им, но в том-то и дело, что мог я мало… Во время зарождения Новых Королевств мне удалось обосноваться в Бритунии, но после того, как Митра помог тамошнему королю отомстить за похищенную дочь, все остальные культы там не приветствуются. Меня покинули все, кроме Валдоса. Он сумел перебраться сюда с нашей небольшой казной и построить здесь этот храм.

Какое-то время все шло хорошо. Мой культ распространился на близлежащие деревни и вскоре стал главенствующим в предгорьях Граскааля. Жрецы заключили договор с гномами, и те беспрепятственно пропускали в долину паломников. С помощью тех же гномов мои верующие справились со стаями дрохо и отогнали их выше в горы. Мне казалось – для меня наступило золотое время. Я стал беспечен, начал путешествовать по земле, наведываться в гости к другим богам…

И поплатился за это. Пока я отсутствовал, в мой храм однажды явились оборотни, бывшая Карающая Длань. Ты знаешь историю этого племени? – Конан молча кивнул, и бог продолжил: – Их было всего пятеро, но они быстро сбили моих верующих с пути истинного. Спросишь, как такое могло случиться? Очень просто. Твари оказались предусмотрительными и не пытались захватить храм силой. Они пришли как паломники, но принесли с собой лжеучение о Черном воплощении Раваала. И случилось самое страшное – им поверили. Некоторые боги действительно имеют несколько ипостасей – Хануман, например, – но со мной, к счастью, этого не случилось. Единственным человек, попытавшимся оказать сопротивление и не поверившим оборотням, оказался мой старый Валдос. Он и стал первой жертвой Черному Раваалу…

Я почувствовал, что теряю силу, холодею, и вернулся, но было поздно. Мои верующие либо погибли, либо отвернулись от меня. Каждый день на алтарь ложились все новые и

новые жертвы. Я мог только бессильно наблюдать. Среди тварей оказался колдун, очень сильный и знающий. Мне кажется, ему покровительствует сам Нергал, если не кто-то из Забытых Темных богов. Он не давал мне говорить. Я оказался заперт в статуе Черного Раваала и пробыл в ней до того дня, когда войска здешнего короля уничтожили обманутых и искалеченных людей и сожгли мой храм. С тех пор сюда никто не заходит, а я обречен на вечное одиночество и холод… – Раваал замолчал и грустно посмотрел на Конана. Киммериец ковырял длинным ногтем большого пальца в зубах и не выглядел особенно растроганным.

– Так чего же тебе от меня надо? – сразу перешел к самому главному вопросу варвар. – У меня есть бог, и его не собираюсь менять. Тем более на такого слабосильного, как ты.

Раваал печально вздохнул:

– Я знаю. Другого я и не ждал…

– Но я спрошу у друзей, может, кто-нибудь захочет тебе помочь, – обнадежил Конан и спросил: – Слушай, а зачем оборотням понадобился твой храм?

– Они искали подходящее убежище и место, где они могли бы собираться. Кроме того, обманутые ими крестьяне брали в руки оружие и убивали, ослабляя королевскую власть и войска. Тогдашний правитель Пограничья Невилл расстался с жизнью именно из-за них. Как я слышал, его преемник Дамалл тоже погиб?

– Погиб, – подтвердил Конан. – Оборотни напали на дворец и убили его. Теперь здесь правит Хьярелл, бывший советник Дамалла.

– Все же Дамаллу удалось навести некоторый порядок. Пусть мой храм сгорел, но шайки так называемых Чернолицых разогнали королевские солдаты… Но пока люди грызлись между собой, оборотни сколотили боевые отряды и больше не нуждались в помощи моих бывших верующих.

– А ты не знаешь, кто руководит оборотнями? – на всякий случай спросил Конан.

– Нет, – с сожалением ответил призрак. – Он находится где-то далеко, вне пределов моей силы. Вот если бы…

– …У тебя был хоть один верующий, – закончил киммериец. – Слышали уже. Кстати, а как бы ты смог справиться с оборотнями, успей ты вовремя вернуться в храм?

– Очень просто, – бог слегка улыбнулся. – Оглянись по сторонам. Узнаешь, чьи шкуры висят по стенам? Конечно, они мне не нужны, и, когда ты уйдешь, комната растает, а я опять буду плавать в пустоте, но шкуры не совсем простые. Снежные ящерицы – мое священное животное. Вроде коней Митры или змей Сета. Если постараться, я могу повелевать ими. Правда, на мой зов отвечают не все…

– Ты можешь приказывать дрохо? – обрадовался Конан.

– Могу. Именно это я и хотел предложить тебе. А также некоторые сведения об оборотнях.

– Какие? – быстро спросил киммериец.

– Твари не смогли устроить сбор здесь – храм слишком разрушен и на его восстановление понадобится долгое время. Это сделал я – не люблю оборотней. Я сделал бы все, чтобы выкинуть их из Пограничья! – в тихом голосе Раваала неожиданно прозвучали стальные нотки.

– Не все из них так плохи, – вынужден был признать Конан. – Однажды мне спасла жизнь вполне симпатичная троица. Кроме того, здесь их земли и многие из них были также одурачены, как твои поклонники.

– Но те, кто не может жить в мире, должны убраться отсюда! Убийцы, проклятые убийцы! – черное лицо бога исказила ярость. – Послушай меня. За долиной будет перевал, а над ним стоит старый храм. Он отлично сохранился. Оборотни сейчас там, их около шести десятков. Завтра, точнее, сегодня ночью, у них будет большое жертвоприношение. Идите и нападите утром, едва солнце лишь покажется над горами. Они устанут и не смогут оказать должного сопротивления. Я позабочусь о том, чтобы дрохо не тронули вас по дороге.

– Спасибо. За обед и за помощь – Конан сунул вторую, так и не початую бутыль «Старого короля» за пазуху и поднялся, сочтя, что разговор окончен. Раваал жестом попросил его сесть обратно.

– Подожди. Я хочу дать тебе несколько советов. Прикончи в первую очередь колдуна. Жди союзников и не доверяй внешности. Впрочем, об этом ты и сам знаешь, – Чернолицый подумал и робко предложил: – Возьми меня с собой.

– Как я тебя с собой возьму? – от удивления Конан даже перестал вылизывать опустевшую чашку с медом. – Ты же не можешь покинуть это место! И ты – призрак!

– Это довольно просто сделать. Я могу перевоплотиться в небольшую деревянную статуэтку. Пока она цела – я буду находиться в ней. Потом можешь отдать ее кому-нибудь или сжечь – тогда я опять вернусь сюда, – в голосе бога слышалось нечто, напоминавшее отчаяние, и киммериец решил прихватить его с собой – вдруг в самом деле пригодится.

– Хорошо, – согласился он. – Превращайся.

– Первая хорошая новость после трех тысяч лет беспросветного мрака! – обрадовался Раваал и поднялся: – Ты иди, а я пока все здесь приберу…

Конан натянул сапоги, хмыкнул, посмотрев на безжалостно разоренный стол, и уже привычно вошел в кажущуюся цельной стену. Мгновение беззвездной глухой полночи, и он снова оказался в коридоре разрушенного храма, а перед ним пробирался к выходу Эмерт…

– Расскажи кто другой – не поверил бы, – Эмерт был в тяжелом раздумье и отчаянно теребил сломанный нос. Даже показанная Конаном бутыль с печатью пятисотлетней не убедила его в правдивости рассказа до конца.

Тут варвар услышал тихий голос, донесшийся откуда-то сзади и снизу:

– Я здесь.

На полу у стены лежала неизвестно откуда взявшаяся статуэтка из черного палисандра длиной в половину человеческой руки, изображавшая старого бритоголового человека в рясе без рукавов, сжимавшего посох. Конан поднял ее и показал Эмерту.

– Дела-а… – боссонец недоверчиво покачал головой, протянул было руку – потрогать статуэтку – но не решился. – Ладно, пошли наружу. Похоже, здесь больше никого не осталось. Даже бог – и тот ушел…

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,
в которой к отряду присоединяется стигийский любитель фокусов

Затерянный в горах храм построили из черного обсидиана многие века, а может, тысячелетия назад. Его фасад украшали две уходящие к хмурым небесам тонкие башни, заканчивающиеся узкими иглами шпилей. Башни возвышались над основным зданием, слепо глядящим темными стрельчатыми окнами. По крыше храма во множестве расползлись жуткие обсидиановые твари, не имевшие ничего общего с миром живых. Бочкообразные, покрытые резной чешуей тулова, оскаленные зубастые пасти, кривые короткие лапы с длинными когтями, кожистые полуразвернутые крылья за спинами… Одно слово – нечисть.

Огромные ворота, ведущие внутрь храма, сейчас стояли распахнутыми. Стая оборотней с рычанием и визгом загоняла в здание вереницу рыдающих и кричащих пленников, чьей крови было суждено пролиться этой ночью.

К величественному главному зданию с боков лепились несколько низеньких корявых построек из серого песчаника, больше похожих на сараи.

«Похоже, среди здешних оборотней не нашлось ни одного приличного строителя», – подумал Конан, поудобнее устраиваясь на скальном карнизе, нависающем над храмом. Киммериец постелил на камни теплую белую шкуру дрохо и сейчас лежал на животе, следя за молчаливой громадой черного здания из-под приставленной ко лбу ладони. За варваром темнел вход в маленькую пещеру, возле которого сидели, лениво переругиваясь, Веллан и Эртель. Бритуниец пристроил голову на рукояти своего двуручника и шепотом вспоминал утро. Эртель, заложив руки за голову, также шепотом оправдывался.

В глубине пещеры гандеры суетились возле небольшого костерка из сушняка. Видимо, в этой пещерке когда-то останавливались путники. Во всяком случае, так было раньше. Теперь вряд ли кто сюда сунется. Уж очень опасное соседство.

Внизу оборотни завели всех пленных людей внутрь и начали закрывать двери. Огромные литые створки с грохотом, породившим в окрестных скалах многократное эхо, захлопнулись. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в камнях.

Конан слегка поерзал, затем перевернулся на спину и посмотрел на затянутое черными тучами небо. Еще утром стояла прекрасная погода, но к обеду, когда воины преодолели перевал, пустив вперед бормочущего туранца, поднялся сильный ветер. Хорошо еще, он дул в спину. Ветер унес белые пушистые облака, нагнав вместо них набухших туч свинцового цвета. Они вот-вот должны были разродиться нешуточным снегопадом.

Увиденное вовсе не обрадовало киммерийца. Снегопад, конечно, укроет их от посторонних любопытных взоров, но сильно затруднит спуск и само проникновение внутрь храма. Будь Конан один, он бы только обрадовался метели, но неопытные, не обученные воевать в горах стражники вряд ли смогут воспользоваться преимуществами снежной завесы, скорее наоборот… А уж о согласованности действий не может быть и речи. Хотя…

«Не стоит ничего загадывать заранее, – решил Конан и перекатился на живот. Что-то твердое надавило на его бедро, какая-то штука, лежащая в кошеле. – Нет, я точно старею! Забыл!»

Повозившись, варвар вытащил на свет тускло мерцающее яйцо, таинственный Глаз,

подаренный гномами. Повертев его в руках, киммериец поискал взглядом подходящий камень и с силой ударил по нему загадочным предметом. Матовое яйцо хрустнуло, внутри него на краткий миг полыхнул яркий свет, затем что-то жалобно звякнуло и гномье изделие рассыпалось в прах. Будем надеяться, что гномы каким-то образом услышали сигнал и придут вовремя. Тогда люди ударят сверху, подгорные жители – снизу, и в Пограничье наступят благословенные времена… Может быть.

…Эрхард долго вертел в руках принесенную Конаном статуэтку, скреб в затылке, а когда хитрый глаз на вырезанном черном лице заговорщицки ему подмигнул, смог только выдавить:

– Да-а…

Раваалу не удалось найти в отряде новых верующих. Эрхард, Эртель и Селена поклонялись Митре, Веллан с ухмылкой сообщил, что из всех богов больше всего уважает Иштар, Эмерт верил в боссонского воинственного Мардука, а Фрам – в Предвечного Кователя, Длиннобородого Отца Гномов. Так что все смущенно потупились и начали под разными предлогами отнекиваться. Деревянное изображение Чернолицего, казалось, погрустнело. Но, скорее, слегка окосевшему Конану это просто почудилось. Дерево ведь не может грустить или радоваться…

Киммерийцу все сразу поверили, особенно когда он торжественно достал бутыль «Короля». У Эрхарда глаза на лоб полезли при виде даты на восковой печати, и он предложил распить вино немедленно, но Конан наотрез отказался, заявив, что они вполне смогут сделать это потом, после окончательной победы. Закончив своей рассказ, варвар потребовал отчета от остальных.

Эрхард разочарованно поведал, что в башнях оказалось пусто и сыро, и, кроме грязного тряпья и ломаной мебели, ничего интересного или ценного не нашлось. Веллан тут же подхватил рассказ, и, фыркая, начал захватывающую историю о том, как они разыграли Эртеля. Пока тот рылся в куче перепрелых ряс, видимо, рассчитывая отыскать золото или какую-нибудь полезную вещицу, Гарт скатал из снега шар размером чуть побольше человеческой головы и встал слева от полуразрушенного входа. Веллан занял место справа и крикнул Эртелю, что они нашли сундук и, похоже, с монетами. Если он не хочет остаться с носом, то пусть бежит за своей долей.

Тут же раздался топот и Эртель, как угорелый, стрелой вылетел из башни. Веллан немедленно подставил ему ногу, незадачливый искатель сокровищ кубарем покатился вниз по склону, а в довершение всех бед ему на голову обрушился снежный ком.

– Жаль, вы не видели, как замечательно он выглядел, – под общие смешки закончил бритуниец. – И как мы хохотали… До сих пор живот болит.

Эртель немедленно скорчил обиженную физиономию и заныл, что это было нечестно и что он в такие игры не играет. Конан не стал его слушать, а, покрутив пальцем у виска, направился к сидевшему поодаль Омалу, во взгляде которого появилась некая осмысленность. Туранец, увидев подходящего к нему варвара, завизжал и попытался убежать, но налетел на Эмерта.

– Держи эту падаль сам, Конан, – лучник с плохо скрываемым отвращением оттолкнул трясущегося Омала прямо в медвежьи объятия киммерийца. Чувствуя, как содрогается от ужаса предатель, Конан криво усмехнулся, сказав:

– Кажется, я пообещал, что не буду тебя убивать. Если, конечно, ты мне расскажешь кое-что…

– Да, да, господин. Что угодно знать господину? – заюлил Омал, обрадовавшись, что его не будут бить. Конана передернуло от его слащавого голоса, и, стараясь не смотреть в маслянисто поблескивающие глазки, он вкрадчиво спросил:

– А расскажи-ка мне, где ты болтался целый месяц?

Туранец вздрогнул и пристально посмотрел на стоявшего над ним варвара. Что-то случилось с ним, и сейчас он на краткий миг стал прежним Омалом.

– Мне очень жаль, что тогда, на дороге, так все получилось, – спокойным, несколько отстраненным тоном проговорил он. – У меня не было выбора – ты или я. Понимаю, это – предательство, но я хотел жить! Не спеши утопить свой меч в моей груди. Я сполна расплатился за свои долги… и рассудок – лишь часть цены. Он вернулся ко мне, но я знаю – это ненадолго. Прошу тебя, когда я снова стану безумцем – убей меня. Ты отомстишь, а мне такая жизнь ни к чему.

– Может быть, я это сделаю. А может, и нет, – жестко ухмыльнулся варвар. Омал усмехнулся в ответ – широкой и кривой улыбкой.

– Не хочешь – не надо. Убежать на Серые Равнины я смогу и сам. Ты хотел знать, где я провел месяц? Хорошо, расскажу. Ты помнишь, как я убежал от тебя? Не успел я вломиться в заросли у дороги, как кто-то схватил меня за горло, начал душить и я потерял сознание. Пробуждение было не сладким. Вместе с другими пленниками я оказался в большой и глубокой яме, перекрытой деревянной решеткой. Целыми днями нас поливал дождь, на дне было по колено жидкой грязи. Время от времени решетку поднимали и вниз сыпались объедки. Нас было три десятка, и оборотни веселились, глядя, как мы деремся из-за покрытых плесенью и измазанных грязью сухарей, твердых как камень… Там, в яме, я обзавелся вшами, а на коже начали появляться гнилые пятна. Примерно через неделю оборотни «накормили» нас, а потом сбросили в яму веревку. Началась нешуточная драка. Я почувствовал какой-то подвох и не стал вмешиваться. Десятерым удалось, скользя и срываясь, выбраться наверх. Еще шестерых втоптали в грязь и они захлебнулись. Оборотни закрыли яму решеткой и увели счастливчиков. Ночью мы слышали их ужасные вопли и довольное урчание тварей.

Утром в яму полетели кости и куски жареного мяса. К ним никто не притронулся, кроме одного парня, который, несмотря на наши увещевания, съел все до последнего кусочка. Потом к нам заглянул оборотень и, смеясь, спросил, пришлись ли нам по вкусу наши друзья? Парень побледнел, но ничего не сказал и ушел в свой угол. Когда оборотень отошел, мы набросились на людоеда и утопили его в грязи…

Прошла еще неделя. Оборотни снова сбросили вниз веревку, но к ней никто не притронулся. Тогда они спустились сами и насильно вытащили наружу десятерых человек. Остались я и еще один старик. Ночью все повторилось. Наверное, тогда мой рассудок и начал мутиться… Я выл, кричал до самого утра, стараясь заглушить крики товарищей, звеневшие в моей голове, но тщетно. Пять дней мы пробыли в проклятой яме вдвоем, а затем к нам швырнули еще два десятка пленных. Снова начались драки за еду, за лучшие места… Нас со стариком не трогали – боялись.

Потом повторилась драка за веревку. Выбралось четверо. Оставшиеся всю ночь молились своим богам, что те позволили им остаться в яме. Наутро никто не притронулся к мясу… Два следующих дня решетку не поднимали, еду не приносили. Кажется, все оборотни куда-то уходили. На третье утро они вернулись, один подошел к яме и бросил вниз веревку. К ней никто не подошел. Тварь крикнула нам, что никто не собирается нас есть, просто лагерь

сворачивается и переходит на новое место. Если мы хотим подохнуть в яме – можем оставаться. Тогда мы стали выбираться наверх.

Впервые за полмесяца я ступил на твердую землю. Оборотень не обманул. Мы покинули леса и поднялись в горы, сюда. Наверное, здесь я окончательно сошел с ума, увидев обряд жертвоприношения. Не помню, как мне удалось сбежать. С того дня и посейчас все, что со мной происходило, подернуто туманной дымкой. Я куда-то шел через горы, потом меня увидели гномы и повели за собой… – Омал замолчал, мотнул головой и умоляюще взглянул на Конана: – А теперь убей меня. Ты же хотел этого?

Киммериец в раздумье потянулся к рукояти Рангильдора. Ненависть и жажда мщения в его душе оказались подернуты пеплом жалости к тощему и грязному человеку, сидевшему на снегу и мелко вздрагивавшему. Он сполна заплатил за предательство и заслужил право умереть. Меч с легким свистом вылетел из ножен, ослепительно сверкнув на солнце. Лицо Омала озарила слабая улыбка. Клинок, играя с тусклыми лучами светила, вонзился в грудь туранца.

– Вот и все, – устало выдохнул Омал, оседая на снег.

– Дерьмо, – зло сплюнул Конан, вытирая комком снега красные разводы на мече. – Достала меня игра в благородство! Присыпьте его чем-нибудь, не оставлять же валяться на дороге…

Гандеры, за неимением лучшего, наскоро закидали лежавшее в луже крови остывающее тело снегом и вывороченными камнями.

– А мне его жалко, – хлюпнула носом Селена. – Ему так не повезло в жизни…

– Это точно, – подтвердил Эртель. – Ну что, пошли дальше?

* * *

Восхождение на перевал заняло полдня. Дрохо бродили вокруг, шипели из-за камней, но не нападали. Конан мысленно поблагодарил Раваала за поистине царский подарок. Если бы не полузабытый божок, отряду бы пришлось несладко.

На перевале заметенная снегом тропинка разделилась на две. Одна, более широкая, шла прямо, упираясь в ворота двубашенного храма, вторая сворачивала налево, постепенно забирая вверх. Идти стучаться в ворота никто не пожелал, поэтому выбрали левую дорогу и после некоторого подъема наткнулись на заброшенную пещеру. После тщательного обыска в ее дальнем конце обнаружилась куча сушняка, прикрытая шкурой снежной ящерицы, и кусок пергамента с полурасплывшимися гиперборейскими рунами, сложившимися в фразу: «Оставил я, Микко, купец из Халоги, торговец шкурами и рабами.» Из даты следовало, что почтенный купец побывал здесь полгода назад.

Конан тут же забрал шкуру себе и, разлегшись на ней, устроился на карнизе – наблюдать за оборотнями. После того, как твари загнали в храм рабов, в долине наступило затишье. Изредка из пристроенных к храму домишек появлялись оборотни – волки и люди – шли куда-то по своим делам, но ничего интересного не происходило. Киммерийцу надоело валяться на шкуре и пялиться на молчаливый храм, но делать все равно было нечего. До захода солнца еще долго, а до наступления завтрашнего утра – еще дольше. От скуки варвар некоторое

время прислушивался к ленивой перебранке Веллана и Эртеля, но тем тоже было скучно и ругались они без особого азарта, просто по привычке.

В пещере гандеры и Селена развели костер, подвесили над ним котелок со снегом и теперь раздумывали, как бы им приготовить обед на семь человек. Фрам неподвижно сидел у огня и время от времени вдыхал дым каких-то сушеных листьев через глиняное приспособление, по форме похожее на кочергу. Он называл это занятие «курить». Конан попробовал, чуть не задохнулся от едкого противного дыма и долго потом не мог прокашляться. Эмерт спал, завернувшись в плащ, а Эрхард дремал, положив голову на руки, временами просыпался, осматривал пещеру осоловелым взглядом, убеждался, что все в порядке, и снова засыпал.

От такого умиротворяющего зрелища варвара самого потянуло в сон. Он вытянулся на спине, зевнул и задремал.

Его разбудили чьи-то осторожные шаги. Киммериец не стал вскакивать, даже не изменил позы и не открыл глаз. Тихое поскрипывание и шуршание приближались. Может, кто из отряда вышел прогуляться и возвращается? Но почему сторожа – бритуниец и Эртель – не окликают его? Заснули, что ли?

Конан слегка приоткрыл левый глаз и от удивления едва не распахнул во всю ширь оба. У входа в пещеру стоял памятный бритоголовый стигиец в черной мантии, с длинным посохом. Тотлант, кажется… Повелитель вампиров из деревушки Ло-Салим, будь она неладна!

Конан скосил глаз на караульщиков. Так и есть! Оба дрыхнут! «Ну, потом вы у меня получите по первое число», – мысленно пообещал киммериец. Он как бы невзначай передвинул поближе ножны с Рангильдором, перекатился на бок и очень правдоподобно захрапел. Стигиец не обратил никакого внимания на шевеление варвара, а зря. Стоило ему повернуться спиной к расположившимся в пещере людям, чтобы взглянуть на близкие шпили храма, как один из спящих беззвучно и стремительно вскочил на ноги.

В последний момент маг услышал подозрительный хруст за спиной, обернулся, но не успел ничего сделать – его легко сбили с ног и припечатали к полу.

Сонное царство вдруг начало пробуждаться. Оказалось, даже гном умудрился заснуть с трубкой в зубах. Со всех сторон слышались удивленные возгласы, только Эмерт как спал, так и спал.

– Я все объясню, – попытался улыбнуться маг, но у него плохо получилось. Трудновато вести переговоры, когда тебя придавили коленом к острым камням и отнюдь не собираются отпускать.

– Да, и желательно побыстрее, пока мое терпение не истощилось! – зло рыкнул Конан. – Веллан, возьми арбалет и держи нашего гостя на прицеле! Если он попытается хоть что-то сделать – стреляй!

Бритуниец, все еще недоумевающий по поводу внезапной всеобщей сонливости, вытащил из своего мешка небольшой самострел, наложил болт и сел рядом с магом, направив оружие ему в голову и пригрозив:

– Лежи и не рыпайся, а то отправишься на скорую встречу с отцом-Сетом!

Конан придавил стигийца покрепче и приказал:

– У тебя осталось очень мало времени, чтобы подробно объяснить мне, какого демона ты здесь околачиваешься. Понял? Можешь начинать. Эртель, следи за входом!

Недовольно ворчавший Эртель вернулся на свое место, остальные столпились вокруг

Конана и Веллана.

– Послушай, варвар, давай поговорим как люди, а не дикие животные. Отпусти меня, позволь мне сесть, и я с удовольствием расскажу все, что вам хочется узнать, – задыхаясь, предложил стигиец. Конан отрицательно помотал головой. Во-первых, он не собирался отпускать этого скользкого типа, во-вторых, ему уже давно до смерти надоело, когда его называли варваром.

– Заткнись! Условия здесь ставлю я!

– Пока ты, – уточнил маг и вдруг непостижимым образом вывернулся из-под удерживающего его киммерийца. К тому же в его руке оказался неизвестно откуда взявшийся длинный кинжал, мягко легший на горло варвара чуть повыше кадыка. – А теперь условия буду ставить я. Если вы не хотите, чтобы ваш приятель умылся собственной кровью, отойдите-ка подальше и положите оружие. Эй, часовой, тебя это тоже касается!

Эртель неохотно отложил меч в сторону. Веллан вздохнул и снял болт с тетивы. Эмерт по-прежнему беспробудно спал.

– Вот теперь можно поговорить, – стигиец оглядел пещеру и остался доволен. – Собственно, мне от вас ничего не надо…

– Тогда какого хрена? – осведомился нетерпеливый Конан, которому очень не нравилось опасное соседство его шеи со стигийским кинжалом. – Чего приперся-то?

– Я хотел бы попросить вас не обращать завтра внимания на мое присутствие, – вежливо сообщил изумленному отряду маг.

– Это как?

– Я отправлюсь завтра с вами, – пояснил стигиец. – Мне хотелось бы посмотреть кое-что в этом любопытном храме… Может, я даже смогу вам помочь при случае.

– Ага, сначала толпа вампиров, а теперь рука дружбы? – фыркнул Конан. – И мы должны в это верить?

– Вампиры были не настоящие, так же, впрочем, как и дома. Ло-Салим давно превратился в груду развалин. Я просто навел на вас небольшой морок, – маг с притворным сожалением вздохнул. – Хотел посмотреть, что вы будете делать.

– Не может быть! – не поверил Веллан. – Мы ночевали в обычном доме, а вампиры гибли от серебра…

– Да, у меня хорошо получилось, – не без гордости признал стигиец. – А что ты хотел? Чтобы через вампиров можно было пройти?

– Ну, дела… – протянул Эрхард, привычно теребя седую шевелюру на затылке. – Ладно, отпусти варвара, мы тебя не тронем.

Тотлант отступил на шаг, изящным движением бросил кинжал в ножны на поясе и поднял свой посох, отлетевший во время нападения в угол. Конан поднялся на ноги и, мстительно прищурив глаза, прикинул, не сможет ли он сломать тощую коричневую шейку стигийца одним ударом. Маг посмотрел на него, показал в ухмылке чистые белые зубы и предупредил:

– Не думаю, что тебе стоит пытаться выполнить задуманное. Видишь ли, я могу создать вокруг себя кольцо из огня. Вряд ли тебе понравится быть зажаренным…

– От комаров, наверное, хорошо помогает, – подал голос Эртель.

– Иногда, – сухо бросил стигиец. – Так мы договорились? Завтра я иду с вами, помогу открыть ворота, а дальше – ваша забота.

– Тебе-то какая от этого польза? – пробурчал Эрхард.

– Не сжигайте магические книги колдуна оборотней, – после некоторого молчания попросил Тотлант. Воины переглянулись и их лица озарила понимающая ухмылка.

– Так бы сразу и сказал, – хмыкнул Конан. – Ни за что не поверю, что стигиец может помогать по доброте душевной!

Маг потупился и голосом благовоспитанного ребенка произнес:

– Ну почему же? Я очень добрый.

– Добрый? – Конан от души расхохотался. – Все, мир окончательно перевернулся! Больше я никогда и ничему не удивляюсь!

– Не вижу ничего смешного, – слегка оскорбился Тотлант. – И мне действительно нужны эти книги!

– А что, колдун оборотней сильнее тебя? – поинтересовался варвар, отсмеявшись.

– Конечно, – с сожалением признался стигиец. – И намного. Иначе зачем мне понадобились вы?

– Ну вот, все вопросы и разрешились. Ты помогаешь нам, мы помогаем тебе, – подвел итог Конан. – Сядь где-нибудь в уголке и не путайся под ногами. До утра еще долго.

Маг открыл рот, явно собираясь возразить, потом передумал, махнул посохом и уселся на каменный пол пещерки, привалившись спиной к стене. Через некоторое время люди, занявшись своими делами, перестали подозрительно коситься на него. Веллан, правда, поинтересовался, зачем понадобилось напускать на всех дрему. Тотлант ответил, что хотел войти в пещеру, будучи уверенным, что не получит стрелу в лицо, но смог усыпить всех, кроме Конана…

* * *

Наступал вечер. В храме по-прежнему было тихо. С неба, кружась, полетели первые снежинки. Судя по виду туч, они были далеко не последними… Зато утих ветер. Где-то высоко в горах раздалось протяжное низкое мяуканье – снежный барс вышел на охоту.

Из пещеры на склоне горы поплыл легкий аромат поджаренной солонины. Конан почувствовал, что не прочь поесть. Обед, предложенный Раваалом, остался в прошлом, и теперь желудок требовал новой порции. Варвар посмотрел на дорогу – никого. Можно ненадолго уйти.

Ужин оказался весьма скудным. Всего по два ломтя мяса, две лепешки и немного грибов на каждого. Как киммерийца не просили, он наотрез отказался открывать бутыль «Старого короля».

Эмерт проснулся от запаха еды и несказанно удивился, увидев в пещере новое лицо. Магу тоже (под недовольное ворчание Конана) перепала порция и он не отказался, предложив со своей стороны сушеных фруктов. Селена сварила их в кипятке – получился компот, быстро уничтоженный голодными людьми.

После ужина большинство завалилось спать, решив как следует отдохнуть перед завтрашним трудным днем. Конан решил посмотреть, что будут делать оборотни, к нему присоединился стигиец. Они лежали на широкой шкуре дрохо и молча наблюдали за храмом внизу. Вернее, наблюдал Тотлант, а киммериец глазел на медленно погружающиеся в

темноту шпили. Веллан по-прежнему охранял вход. Бритуниец был мрачен и сосредоточен, не отвечая ни на какие вопросы.

Солнце постепенно скрылось за горами, окрасив скалистые пики в ярко-алый цвет. Время тянулось медленно, как расплавленная смола. Храм стоял темной массой, в узких окнах не появлялось ни единого огонька. Конан начинал чувствовать растущее раздражение. Ему хотелось взять меч и напасть на оборотней сейчас. Либо он перебьет всех, либо его убьют, но больше не надо будет торчать на холодной скале и ждать неизвестно чего. Киммериец попытался прикинуть шансы оборотней. Если гномы услышали сигнал – тогда все хорошо, победа обеспечена. Но если подгорные воины опоздают или… или вообще не придут?

От этого предположения Конана бросило в дрожь. Тогда отряд завтра бодрым шагом отправится на верное самоубийство. Даже с поддержкой в лице стигийского мага, статуэтки Раваала и Рангильдора они мало что смогут сделать против шестикратно превосходящего противника. Да-а, в таком случае лучше сразу броситься на меч… Тьфу! Лучше уж не думать о завтрашнем дне, а то вообще жить не хочется. Конан сплюнул вниз и, поднявшись, окликнул Веллана:

– Эй, Велл, давай в кости перекинемся. До полнолуния все равно далеко, и в храме тихо.

– Не хочется, – бесцветным голосом отозвался бритуниец.

Варвар насторожился. Уж больно мрачный тон был у Веллана…

– Ты чего скис?

– Завтра – очень плохой день. Многие погибнут, – проговорил бритуниец, потирая лоб и отбрасывая назад непослушные льняные пряди.

– Кто? – настроение у Конана окончательно испортилось, но поиграть в кости хотелось по-прежнему.

– Не знаю, – уныло ответил Веллан. – Может, ты. Может быть, я. Не знаю.

Конан взял его за плечи и с силой встряхнул:

– Прекрати, слышишь? Чему быть, того не миновать. Кому назначено судьбой упасть в лужу собственной крови, тот упадет. Думаешь, мне охота завтра лезть туда? Пошли, покидаем, чего душу травить…

Бритуниец нехотя поднялся и поплелся следом за нырнувшим в пещеру варваром. Киммериец уже успел выудить из дорожного мешка кожаный высокий стаканчик с пятеркой вырезанных из желтоватой матовой кости кубиков. Веллан подбросил в начавший гаснуть костер пару веток и уселся напротив на расстеленный плащ. Конан встряхнул стаканчик и сделал пробный бросок.

– На деньги или на пинки? – уточнил он.

– На деньги, – Веллан начал приходить в себя. – Ставка – золотой, идет?

– Начали!

Очень быстро бритуниец проиграл двадцать золотых и увлекся. Азартно бросая кости, они даже не расслышали тихого предупреждающего свиста мага. Тотланту пришлось окликнуть игроков:

– Идите сюда, начинается!

Конан недовольно убрал стаканчик и кости обратно. Бел покровительствовал ему только в самом начале игры, затем Веллан быстро отыгрался, да еще и обставил варвара на тридцать монет. Конан горел желанием продолжить, а тут какие-то оборотни, жертвоприношения… Как будто нельзя заняться полобной ерундой в другое время!

Веллан, наоборот, развеселился и начал сожалеть, что они раньше не додумались играть на привалах. Авось он, Веллан, к концу пути и разбогател бы. Конан шепотом послал бритунийца подальше и уставился на храм. К его удивлению, там было по-прежнему тихо и темно. Варвар немедленно накинулся на Тотланта:

– Ты с чего взял, что оборотни начинают?

– Я вижу в темноте, – отозвался маг. – Они суетятся перед воротами. Кроме того, скоро полнолуние.

Действительно, луна уже миновала половину своего пути по ночному небосклону. Вопреки ожиданиям киммерийца, настоящий снегопад так и не начался. Тучи слегка расползлись, в разрывах мелькали холодные звезды и изредка показывалась неторопливая Хозяйка Ночи.

Конан присмотрелся повнимательнее и тоже разглядел во мраке внизу какое-то движение, но даже его острое зрение не смогло сделать большего.

Внезапно храм вспыхнул. Вернее, Конану показалось, что вспыхнул. Он отвернулся от резкого света, ударившего из всех окон. Черное здание сверкало посреди мрачных гор, как маленькое солнце для избранных. Стало видно бегающих перед воротами оборотней. Они сложили высокий костер, возле которого стояли два полузверя – один с горящим факелом, другой с чем-то, напоминающим песочные часы. Оборотень внимательно следил за паданием песчинок и неожиданно взмахнул лапой, подавая знак. Второй сунул факел в кучу сушняка. Киммерийцу показалось, что он даже различает потрескивание разгорающихся дровишек. Наверное, почудилось, ведь до храма не меньше четверти лиги.

Огромный костер быстро занялся. Багровое мохнатое пламя взлетело до вершин башен. Из небольшой пристройки с решетками на окнах начали выводить трясущихся пленников. Конан сообразил, что собираются сделать оборотни, и ему стало очень неуютно. Еще по первому разу он помнил, насколько отвратительное зрелище представляет собой их ритуал. А запах! Варвара слегка передернуло.

Пленники были скованы по рукам и ногам, на шеях – обручи, соединенные единой цепью. Несчастных подвели к костру и начали снимать ошейники. Люди ошарашенно озирались, не в силах понять, что с ними произойдет. Хорошо, что они ни о чем не догадываются. Все легче будет…

Огромные ворота храма медленно распахнулись, выпустив ровную шеренгу оборотней. Впереди шел, по-видимому, колдун – полузверь, сжимающий в лапах черный матовый шар величиной с человеческую голову. Твари подходили к пленникам, выбирали себе жертв, снимали кандалы и, держа раба за плечи, становились мордами к огню. Каждый, похоже, занимал свое определенное место.

– Веллан, быстро позови Эмерта! – прошипел Конан, повернувшись к наблюдавшему за ритуалом бритунийцу. Тот кивнул и умчался выполнять приказ. Оборотни тем временем образовывали правильный круг.

Из пещеры вылез зевающий и отчаянно трущий глаза Эмерт с неразлучным длинным луком за спиной. Конан жестом подозвал его и, когда боссонец присел рядом, спросил:

– Докинешь стрелу до храма?

Эмерт мгновенно проснулся, прищурился и медленно покачал головой:

– Нет. Слишком сильный ветер. Стрела, конечно, долетит, но попасть в цель… Я понимаю, ты хочешь уничтожить колдуна, но учти – если я промахнусь, оборотни сделают из нас жаркое. Отбиться от шести десятков озверевших тварей мы не сможем.

Конан вздохнул:

– Не оправдывайся. Все понятно.

– Тогда я лучше пойду досыпать. Не могу этого видеть… – лучник поднялся на ноги и ушел. Веллан снова сел у входа, изредка поглядывая в сторону храма.

Оборотни завершили построение круга возле пылающего костра. Колдун стоял поодаль, вместе с высоким, широкоплечим оборотнем серебристой масти. Вожак, – предположил Конан и покрепче стиснул рукоять Рангильдора.

Вожак стаи и маг не взяли себе пленников. Последних увели надсмотрщики и костровые. Круг замкнулся.

– Сейчас начнется, – завороженно прошептал стигиец.

Луна выглянула из-за тучи, ее мертвящий свет коснулся темного шара в лапах оборотня, и тот вспыхнул алым пламенем. Колдун поднял его над головой и заунывным, гортанным голосом начал читать заклятие, странно растягивая слова. Ветер усиливался, пламя костра причудливо изгибалось, превращая и без того неприятные тени оборотней в настоящих уродливых монстров…

Свет играл на причудливых каменных чудовищах, украшавших крышу храма. Конан поймал себя на мысли, что даже предположить не может, какому богу принадлежал этот храм изначально. Может быть, творимое оборотнями – лишь детские игры по сравнению с тем, что происходило здесь раньше? Киммериец был уверен, что обсидиановым храмом владела тьма, но такая, по сравнению с которой Сет – всего лишь мелкий пакостник. Остерегаясь смотреть на древнее здание, Конан попытался сосредоточиться на костре. Говорят, пламя, если на него смотреть, успокаивает…

Колдун остановился, облизал губы и выкрикнул приказ. Конан закрыл глаза, ожидая самого худшего, но оборотни лишь швырнули в костер по пригоршне порошка. Пламя жадно взревело, сравнявшись по высоте со шпилями, и поменяло цвет на мертвенно-желтый, лунный. Знакомый выкрик «Рарг, верзех, грухв» и вопящие от ужаса невольники исчезли в магическом пламени. Вопли боли ввинчивались в уши, киммериец уткнулся лицом в шкуру и зажал ладонями голову.

Внизу раскрылся огненный цветок – оборотни получали жизненную силу, а может, и души погибших людей. Уродливые существа на крыше черного храма злорадно ухмылялись, казалось, они сейчас сорвутся с мест и устремятся вниз – принять участие в ритуале полузверей.

Стигиец не мог оторвать взгляда от костра, его побелевшие губы слегка шевелились, видимо, произнося молитву или охранное заклинание. Сзади с булькающим звуком прощался со своим ужином Веллан.

Из могучих глоток оборотней рвался слитный рев. Сейчас они готовы были свернуть горы и уничтожить всякого, вставшего на их пути…

Конан не поднимал головы, только клялся Крому, что, если бог Полуночи не оставит одного из своих сыновей, завтра с этой мерзостью будет покончено, чего бы это не стоило.

Пламя резко опало, оборотни разомкнули круг, валились на снег, вздрагивая всем телом. От огромного костра осталась лишь маленькая груда еле тлеющих угольков, мерцающих красным в глухой ночи.

Тотлант очнулся и ткнул Конана в бок. Киммериец поднял голову, посмотрел вниз и схватился за меч. Маг стиснул его руку своей холодной, как ледышка, ладонью:

– Варвар, ты не успеешь. Они вот-вот поднимутся, а я слышал, что после ритуала они

раза в три сильнее, чем обычно. Если ты так торопишься умереть, то сможешь сделать это завтра. И с большей пользой. К утру твари устанут, вот тогда вы сможете расправиться с ними без всякой жалости.

Конан кивнул и повторил, глядя на затухающий костер:

– Без всякой жалости…

Оборотни внизу зашевелились, поднимаясь на ноги, и, пошатываясь, побрели к храму. Тяжелые двери со скрипом и грохотом закрылись. Чудовища на крыше выглядели довольными и объевшимися.

– Чей это храм, не знаешь? – мрачно поинтересовался Конан, избегая смотреть на черное строение. Стигиец вздрогнул и облизал мгновенно пересохшие губы:

– Знаю. Не будем ночью, да еще вслух, поминать его имя. И лучше никогда больше не спрашивай об этом. Я не отвечу. Никто не ответит. Сейчас его уже не помнят, но книга Скелоса в железном переплете содержит главу о богах Вечной Ночи и посвященных им храмах. Этот еще не самый древний, он построен всего тысячу лет назад. Даже сам великий маг со страхом писал о нем, а переписчики поздних времен сходили с ума, делая копии… – маг замолчал и добавил вполголоса: – Отстань, киммериец, мне и так страшно при мысли, что придется завтра войти туда…

– Мне тоже, – буркнул Конан и отвернулся.

Из храма Неведомого долго доносились вопли ужаса и боли. Конану порой казалось, что к утру он сойдет с ума, как Омал, но, когда солнце осветило горы и крики смолкли, варвар с удивлением обнаружил, что вполне способен соображать. Огни в окнах постепенно гасли, оборотни ложились отдыхать после длинной ночи. Наступало время людей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,
в которой Конан приглашает всех на прогулку по старому храму

Утро выдалось промозглое и сырое. С полуночи дул пронизывающий до костей ветер. Небо угрожающе хмурилось, собираясь вот-вот разродиться снегопадом в отместку за вчерашнюю передышку. Внизу, в черном храме, наконец-то воцарились тишина и спокойствие. Наверху, в маленькой пещере, слышалось ровное дыхание спящих людей.

У Конана сильно болела голова. Он чувствовал себя как после долгой и тяжелой битвы. Мышцы заныли, когда варвар, пошатываясь, побрел в пещеру будить товарищей. Веллан незадолго до восхода провалился в тяжелую дрему и стонал во сне. Конан прикинул, что ему может сниться, и несколько раз встряхнул бритунийца. Тот с трудом разлепил веки и подрагивающей рукой стер со лба многочисленные капельки пота.

– Спасибо, – выдавил он, зачерпывая пригоршню снега и прикладывая ее ко лбу.

Тотлант сидел на корточках у входа в пещеру в обнимку с посохом и разглядывал мрачных обсидиановых чудовищ на крыше храма. Губы стигийца едва заметно двигались.

«А ведь он молится, – неожиданно понял Конан. – И боится, чудовищно боится этого места. Что же там обитает, если уроженец Стигии, где на каждом шагу капища Сета, трясется и читает молитвы? Боги, куда мы вообще лезем?»

Киммериец тронул за плечо спавшего возле самого входа Эртеля.

– Вставай. Время выполнять свой долг.

– М-мамочка, я еще чуть-чуть, – пробормотал Эртель, переворачиваясь на другой бок. Конан злобно пнул его и повторил:

– Вставай. Солнце уже высоко.

На этот раз Эртель застонал, открыл глаза и сел:

– Какого демона ты поднимаешь меня в такую рань, варвар? Солнца еще не видно!

Варвару с утра было нехорошо, однако он не удержался от возможности посмеяться над засоней.

– Ты его никогда не увидишь, если будешь пялиться на камни.

– Как ты мне надоел, – мрачно сказал Эртель, и, кряхтя, поднялся со своего ложа. – Ну все, я встал, встал!

– Вот и хорошо. Разбуди остальных, а я хоть ненадолго прилягу.

– Разбуди, разбуди… – передразнил Эртель. Он потянулся, зевнул и вдруг заорал во все горло:

– Подъем, ленивые трусы! Берите в руки мечи, настало время порубить оборотней в капусту!

Со всех сторон раздались стоны, возмущенные вопли и в голосистого шутника полетели сапоги.

Киммериец прилег на плащ и мгновенно забылся нездоровым сном. Ему снова привиделся кошмар жертвоприношения, но теперь он не мог отвести от него глаз и заткнуть уши. Это длилось целую вечность и, не выдержав, он закричал, что больше не в силах смотреть на этот ужас.

Кто-то потряс его за плечо, и Конан проснулся. Оказалось, его разбудил Веллан,

чувствовавший себя так же худо, как и варвар.

Все уже встали и теперь наскоро перекусывали остатками запасов. Киммериец равнодушно сжевал ломтик вчерашней жесткой, как ремень, солонины, запил холодной водой и подумал, что никакого стоящего бойца из него сейчас не получится. Пара обманных ударов, которые уставший мозг вряд ли сумеет предугадать вовремя – и нет киммерийца. Надо что-то делать.

Конан выскочил из пещеры, торопливо скинул одежду, оставшись в одной набедренной повязке, и окунулся в ближайший сугроб. Кожа отозвалась на холод, боль, собравшаяся в мышцах и голове, начала отступать. Киммериец до красноты растерся жестким снегом и почувствовал себя отдохнувшим, готовым к предстоящему бою. Голова снова работала, как надо, преследовавшие его крики исчезли. Варвар оделся, натянул кольчугу, повесил Рангильдор за спину, а карпашский кинжал на пояс, и повернулся к остальным. Его взгляд встретили восемь пар глаз, каждая говорила: «Мы готовы».

– Селена, останься в пещере, – предложил Конан, ощущая смутное беспокойство. Нечего было девчонке делать в этом мрачном и пугающем храме. – Подождешь нашего возвращения…

– Нет, – девушка замотала головой, решительно тряхнув темными кудряшками. – Я пойду с вами до конца.

Киммерийцу ничего не оставалось делать, как пожать плечами. Отговаривать Селену было бесполезно, да и некогда.

– Тогда вперед.

Воины спустились со скалы вниз, к перекрестку, бросили прощальный взгляд на храм Раваала (статуэтку бога Конан по-прежнему нес в мешке – вдруг пригодится?) и зашагали к угрюмому черному зданию.

Огромные створки ворот из дубовых досок, обшитых железными полосами с заклепками, открывались наружу. Справиться с ними без тарана не было никакой возможности. Отряд в замешательстве остановился перед входом. Конан для верности легонько подергал за огромное бронзовое кольцо – заперто, конечно. Варвар повернулся к стигийцу:

– И что ты теперь предлагаешь?

– Я? – Тотлант слегка улыбнулся кончиками губ. – По-моему, командуешь здесь ты. Но я бы предложил сначала заглянуть во-он в те бараки, а потом вернуться к воротам и подумать еще раз.

С одной стороны храма были пристроены три неказистых здания, с другой – два. Киммериец подумал и, скрипя сердцем, решил разделить отряд:

– Эрхард, бери племянника, Фрама и Толанта – и те два дома ваши. Остальные – за мной.

Шесть человек окружили приземистое строение. Гандеры встали по обе стороны дверного проема, Эмерт с натянутым до уха луком – перед дверью, а Конан и Веллан осторожно заглянули в окна. Их было четыре, грубой кривой формы с крестообразными рамами, затянутыми мутной слюдой. Как Конан не вглядывался, разглядеть, что находится внутри, не сумел. Вернувшись к двери, он встал за Гартом, а Веллан – за Гильомом. Старший гандер ногой толкнул дверь, небрежно сколоченные и кое-как скрепленные железными скобами доски со скрипом отъехали внутрь.

Эмерт с облегчением опустил лук. Открывшаяся за дверью грязная комната служила

всего лишь складом. В дальнем углу валялись какие-то мешки, ящики – и не одного оборотня.

– Обошлось, – перевел дыхание Гарт, но Гильом перебил его:

– На твоем месте я бы не радовался. Чем больше тварей мы перебьем поодиночке, тем меньше потом примчится убивать нас.

Конан на всякий случай зашел внутрь и заглянул за груду мешков. Там людей никто не ждал, и, соответственно, никто не прятался.

Следующий барак. Теперь варвар не стал тратить время на заглядывание в окна. Ударом ноги распахнув дверь, он влетел в точно такую же грязную комнату, на этот раз оказавшуюся обитаемой. На мешках с зерном вповалку спали шестеро тварей. Один из оборотней поднял голову на стук открывающейся двери и опрокинулся назад, получив стрелу в глаз. Остальные даже не успели толком проснуться…

Мечи вздымались и опускались. Ни о каком честном бое не могло быть и речи. Люди озверели и какое-то время исступленно рубили уже мертвые тела.

Конану пришлось оттаскивать своих разошедшихся товарищей, убеждая их, что все уже кончено. На мешках теперь лежали жуткие останки, не напоминавшие ни зверей, ни людей.

Бритуниец, увидев, что они натворили, побледнел и, спотыкаясь, выскочил за дверь. У Конана и гандеров нервы оказались покрепче, и они сумели спокойно выйти из дома. Шедший последним Эмерт закрыл на ними дверь.

– Не увлекайтесь, нас ждет еще один дом, – сердито сказал Конан, когда они все оказались на улице. – И не забывайте, что еще придется идти в этот проклятый храм!

– Мы уподобились им, – мрачно выдавил Веллан. – Такого больше не должно повториться.

Третье помещение вчера выполняло роль загона для пленников. Строение было длиннее своих соседей, маленькие окна забраны частыми решетками. Внутри оказалось четверо спящих. Они погибли мгновенно, не успев осознать своей смерти. Сердце одного пронзила стрела, другому Конан снес голову, третьего почти надвое развалил Веллан, и четвертого прикончил Гильом. Охотники за оборотнями тщетно искали кого-нибудь из рабов – видимо, вчера прикончили всех.

– Уходим, – приказал Конан, и они, пригибаясь, побежали к храму. Никто не вытер кровь с мечей – так будет страшнее для только что проснувшихся оборотней.

У ворот стояли Эрхард и компания. Увидев окровавленные клинки, Тотлант позавидовал:

– Вы кого-то прикончили? В наших домах нашлись только мешки с зерном.

– Десять долой, – ответил на вопросительный взгляд Эрхарда варвар и повернулся к магу: – Ну что, есть предложения, как пробраться внутрь?

– Через дверь, – ехидно ухмыльнулся стигиец и направил посох на ворота. – Как я понимаю, вы решили не таиться, а потому входить будем с развернутыми знаменами и боевыми трубами… – из навершия посоха вылетел белый тонкий луч и уперся в доски. Дерево и железо недолго сопротивлялись колдовству, и через несколько мгновений со страшным грохотом, от которого заложило уши, огромные ворота рухнули внутрь. Во все стороны брызнули щепки и осколки камня.

– Лес рубят – щепки летят, – философски заметил Эртель.

– А ты, оказывается, кое-что можешь, колдун, – снисходительно признал Конан. – Вперед, пока твари окончательно не проснулись.

Осторожно обходя расщепленные доски и полосы закрутившегося оплавленного железа,

воины один за другим ступили под каменные черные своды. Чудовища на крыше зловеще ухмылялись, предчувствуя кровавую жатву.

Конан шел последним и задержался в воротах, чтобы оглянуться и прислушаться. Его беспокоило отсутствие гномов. Они уже должны выступить навстречу людям, но пока от подгорных воителей не было ни слуху, ни духу.

– Надеюсь, они все-таки не опоздают, – пробормотал варвар и зашагал следом за остальными.

* * *

– Тральд! Тральд, здесь тоже завал!

– Не может быть! Борин, старейшины нам головы оторвут, если мы не успеем…

– Да ладно мы! Там же люди, которые собирались на рассвете атаковать оборотней! Вот им точно конец!

– Ну как такое могло случиться? Пять галерей к шахтам у храма этого проклятого, и все завалены! И завалены недавно, смотри, порода совсем свежая.

– Что ты у меня-то спрашиваешь? Почем мне знать?

Два гнома в полном боевом доспехе, с большими круглыми щитами и топорами на длинных рукоятях за поясом в отчаянье топтались у груды камней, перекрывших проход в подземелья храма. За ними в низкой галерее каменными истуканами в строю по двое стояла сотня отборного гномского войска. В отряд вошли хирдманы, имевшие немалый боевой опыт в схватках с соседними племенами, дрохо и шайками Чернолицых. Сейчас они горели желанием вступить в бой с мерзкими отродьями Нергала, но кто-то (скорее всего, эти самые отродья) предусмотрительно наглухо завалил опасные проходы, ведущие к гномьим поселениям.

– Так что теперь делать, Тральд? Они же там все пропадут!

– Может, вернуться и пройти верхом?

– Полдня на то, чтобы выбраться на поверхность и еще полдня на то, чтобы добраться до храма! Тральд, к тому времени от людей останутся одни кости!

– А что ты предлагаешь? Разобрать завал?

– Да. Смотри, если верить старой карте туннелей, до храма осталось около двухсот шагов. Проще проложить новую галерею, чем бежать в обход по горам. И еще. Выше нас идет заброшенный коридор, он обрывается тупиком, почти стенка в стенку с туннелем, ведущим в подвал. Попробуем пробиться так!

– Ну хорошо, убедил. Попробуем.

Гномы, грохоча сапогами по камню, отступили назад, проникли в старый неоконченный коридор и начали прорубаться сквозь гранитный пласт, отделявший их от обсидианового храма.

* * *

Сразу же главными воротами начинался длинный, постепенно сужавшийся коридор. На стенах в специальных бронзовых креплениях висели короткие тяжелые факелы, уже основательно прогоревшие. Они давали неверный мерцающий свет, порождающий колышущиеся уродливые тени…

Присмотревшись, Конан понял, что даже подставки для факелов сработаны в виде жутких монстров, наподобие чудовищ на крыше.

Шаги людей гулко разносились в пустом коридоре. Где-то далеко впереди кто-то торопливо пробежал, клацая когтями по камню, хлопнула дверь, затем еще одна. Совсем рядом сонный голос спросил, что случилось. Ответа киммериец не расслышал, но по раздраженному тону понял, что спросившего как следует обругали.

Храм постепенно наполнялся звуками. Пока среди оборотней царил беспорядок, но скоро вождь и колдун приведут их в чувство и наверняка сумеют организовать облаву на проникших в их убежище чужаков. Отряду точно не сдобровать, да и гномов не слышно. Рассыпаться, что ли? Опасно…

Конан прибавил шагу, потом перешел на бег. Кованые подошвы сапог бухали в каменный пол с грохотом, способным поднять из могил мертвецов, даже тех, что пролежали в земле не один десяток лет.

Обсидиановый туннель уперся в бронзовые ворота, размером раза в два поменьше входных, и украшенные литыми фигурками чудовищ. Киммериец с разбегу остановился перед ними и с отвращением сплюнул.

Камень вокруг створок был искусно обработан, так что вход превратился в пасть неведомого монстра. Вон торчат длинные загнутые клыки, вон пятерка выпученных глаз, вон какие-то щупальца… На самих воротах, примерно на уровне глаз человека, красовались жуткие очертания выплавленных в металле рун. Вглядевшись в их причудливые изгибы, варвар неожиданно почувствовал, что у него начинает кружиться голова и торопливо отвернулся.

Воины столпились за его спиной, молча разглядывая произведение неведомого мастера. Тотлант, бежавший медленнее всех, пробрался поближе и с кривой усмешкой перевел надпись на двери:

– «Оставь надежду всякий вошедший…» Недавняя работа, похоже, новые хозяева постарались. Но какой пафос!

Конан осторожно поинтересовался:

– Слушай, а на каком это языке? Что-то я не узнаю ни одной руны…

– Немудрено, – кивнул маг. – Так писали в древнем Пифоне, проклятой столице Ахеронта. С тех пор, как ваши предки-варвары разрушили Пифон и втоптали в кровь его пурпурные знамена, эти руны используются только некоторыми знающими и могучими магами. Не обладающий должной силой и умением рискует сойти с ума, если будет долго смотреть на них. Так что лучше отвернитесь, – стигиец снова усмехнулся и переступил с ноги на ногу. Конан вопросительно взглянул на него:

– А открыть их ты сможешь?

– Киммериец, ты что, решил отныне во всем полагаться на магию? – возмутился Тотлант. – А просто толкнуть створки тебе лень? Что-то мне подсказывает, что они сразу распахнутся. Мы уже и так достаточно громко заявили о себе, чтобы крушить еще что-нибудь.

Варвар слегка потупился, проклиная в душе себя и язвительного мага, потом повернулся и легонько нажал на дверь.

Этого оказалось достаточно. Створки беззвучно распахнулись, за ними стояла непроницаемая тьма. Кто-то из отряда сдавленно охнул, кто-то вполголоса выругался.

Конан повернулся, с гордым видом подошел к стене, выдернул из когтистых лап жабоподобного чудовища догорающий факел и критически его осмотрел. Не ахти, но сойдет. Может, потом удастся найти новый. Остальные последовали его примеру. Тотлант зажег на конце своего посоха изумрудный огонек.

Киммериец медленно прошел через дверь и остановился. Под ногами плескалась какая-то густая жидкость, а неяркий свет факела совершенно терялся в окружающей темноте. Похоже, дверь вела в какой-то большой зал.

Варвар предостерегающе поднял руку, приказывая отряду пока остановиться, и нагнулся, посветив себе факелом.

– Кром… – вырвалось у него. Еле теплящееся пламя осветило маслянисто-блестящую поверхность. – Да здесь все в крови!

– Вот чем они занимались остаток ночи, – стигиец, казалось, был доволен, что разгадал нехитрую загадку. – Посмотрим, где мы находимся…

Искорка на вершине его посоха начала разгораться и расти, пока не сравнялась с хороших размеров тыквой. Тогда маг слегка подтолкнул получившийся шар и тот плавно взлетел к потолку, заливая помещение волнами прозрачно-зеленого света.

Теперь все увидели ряд дверей по стенами и большие ворота – копию входных – напротив, а также огромную бесформенную глыбу посредине и то, что от стены до стены пол отливает красным. Вокруг глыбы, смахивающей на своеобразный алтарь, возвышались девять толстых кольев с насаженными на них окровавленными человеческими телами…

У Конана закружилась голова от нахлынувшей ненависти. Никто из обитающих здесь не заслуживает ни капли милосердия! Пока я жив, я буду убивать всякого оборотня, который попадется мне на глаза!

Киммериец вытянул из ножен за спиной Рангильдор. Клинок просто сиял ярким голубым светом – полуволки находились где-то совсем рядом. Возможно, прятались за дверями.

Не успел варвар об этом подумать, как одна из дверей с треском распахнулась, в зал влетел взъерошенный оборотень и в изумлении остановился.

– Что… Что происходит? Вы кто такие? – испуганно спросил он и попятился.

Эмерт вскинул лук.

– Карающие. Длани. Создателя, – отчетливо и зло произнес он и спустил тетиву. Стрела навылет пробила шею зверя и с шорохом ударилась о камень. Оборотень пронзительно взвизгнул, затем, схватившись за булькающее горло, осел на окровавленный пол. Его кровь, сочась сквозь когтистые пальцы, смешивалась с густеющей кровью людей, им же недавно принесенных в жертву.

– Первая ласточка, – отметил Эрхард.

– Мертвая ласточка, – уточнил Эртель и повернулся к Конану: – Мне сильно кажется, что надо сматываться отсюда. Здесь невозможно держать оборону до прихода гномов… а я что-то не слышу их тяжелой поступи.

– Можно попробовать взглянуть, что за дверями, – не слишком уверенно предложил киммериец.

– Я бы лучше пошел через бронзовые ворота, – вмешался маг. – Насколько мне известно, за дверями начинается запутанная сеть коридоров, уходящая в глубину гор. Нас быстро загонят в ловушку.

Эрхард не стал ждать, пока варвар решит, что делать, и воспользовался своим командным голосом:

– Идем вперед.

* * *

Кровь отвратительно чавкала под ногами, люди время от времени поскальзывались, едва не падая, магический шар под потолком начал гаснуть, и, когда Эрхард открыл ворота, окончательно потух, блеснув на прощание яркой искоркой.

За бронзовыми дверьми обнаружился точно такой же коридор. Правда, в нем отряд уже поджидали. Оборотней оказалось трое.

Увидев, что их превосходят в численности, твари попытались скрыться, но не успели. Ближайшего в длинном красивом выпаде поразил старый сотник, другой, бросившийся бежать, рухнул со стрелой в загривке. Последний судорожно огляделся. Из двух его приятелей, с которыми он только что разговаривал, один корчился на полу, пытаясь зажать рваную рану в животе, второй вообще не шевелился, уткнувшись мордой в шероховатый камень.

Эрхард точным ударом добил раненого оборотня и с окровавленным мечом направился к застывшему на месте врагу. Сзади скрипнул натягиваемый лук. Полузверь внезапно рухнул на колени и, сложив лапы, протянул их в молитвенном жесте к сотнику:

– Н-не у-уб-бивай… – заикаясь, прохрипел он. Карие человеческие глаза на волчьей морде вдруг сделались огромными и вылезли из орбит.

– Извини, приятель, – весело хмыкнул Эрхард, занося клинок. – Пощада нынче стоит очень дорого. И тебе она не по карману.

Меч со свистом рассек спертый воздух и легко снес голову твари, как ребенок, играя, срывает головки цветов.

– Путь свободен, – сотник вытер лезвие и сделал приглашающий жест. У его ног билось в судорогах мохнатое обезглавленное тело.

Селена с трудом сдерживала рвоту. Ей сделалось худо еще в зале, при виде непотребств, сотворенных оборотнями, но зрелище фонтана ярко-красной крови, ударившей из обрубка шеи, и оскаленной головы, катящейся по обсидиановому полу, стало последней каплей. Даже привычный ко всему Конан почувствовал спазмы в желудке, что уж говорить о девушке, видевшей просто умерших раза два в жизни, если не считать бойни на поляне.

Конан услышал сдавленный стон и успел подхватить девушку прежде, чем она упала. Селена была в глубоком обмороке. Киммерийцу от него было известно только одно хорошее средство, раньше помогавшее безотказно. Он поставил мягкое податливое тело на ноги и, придерживая одной рукой за шею, отвесил девушке пару хлестких пощечин. Селена застонала и медленно открыла глаза.

– Вот что, девочка, – зло зашептал Конан. – Сейчас не время падать в обморок и

закатывать истерики. Если не можешь идти дальше – уходи, дорога пока свободна.

– Никуда я не пойду! – топнула ножкой окончательно очухавшаяся после его слов Селена. – Больше тебе не придется подхватывать меня! И вообще – убери лапы!

Киммериец отпустил ее, молча повернулся и быстрым шагом догнал Эрхарда.

– Что-то оборотни притихли, – покачал головой сотник, когда варвар поравнялся с ним. – Не к добру это… Ну, куда теперь?

Коридор разделился на три прохода, выглядевших одинаково непривлекательно. В храме царила подозрительная тишина, нарушаемая только шагами непрошеных гостей. Чудовища с факелами злорадно ухмылялись со стен. Конан не покидало мерзкое чувство, что здание насмехается над ними и чуть ли не содействует оборотням. Ему опротивели рожи монстров на стенах, тусклый свет факелов и вся эта история, будь она трижды проклята! И удалось же впутаться в такое дело! Варвар твердо решил: «Получу золото – и дня лишнего не проведу в этой помойке! В Аквилонию, к пиктам, там хотя бы люди! Уберусь отсюда, даже если не удастся покончить с оборотнями! Плевать на монеты… Хотя нет, сто тысяч на дороге не валяются…»

– Пойдем прямо, как шли, – решил Конан, махнув рукой в сторону центрального прохода, и первым направился вперед. За ним потянулись остальные. Тотлант подождал немного, направил посох сначала в левый, затем в правый проходы, удовлетворенно кивнул и побежал догонять остальных.

– Варвар, твое чутье просто поразительно! – выравнивая дыхание, восхитился маг. – Тебе удалось выбрать дорогу, где нас не ждали! В боковых проходах расположилась засада, да не трое, а полтора десятка тварей.

– Потому и прожил так долго, что не забывал смотреть по сторонам, – огрызнулся Конан. – И прекрати называть меня варваром! Сам ничуть не лучше! Чернокнижник!

– Больше не буду, – кротко пообещал Тотлант. – Но, сам посуди, кем я мог стать, кроме как колдуном? Во-первых, я стигиец, во-вторых, все мои предки, до десятого колена включительно, были колдунами. Еще не умея как следует говорить, я уже мог зажечь огонь, подмести пол и поджарить гвандру одним щелчком пальцев! Не пропадать же такому таланту!

– Что такое гвандра? – подозрительно спросил киммериец. – Гадость какая-нибудь?

– Наше национальное кушанье. Приезжай в гости – попробуешь, – радушно предложил маг. Варвар на бегу едко рассмеялся:

– Меня в Стигии не любят. Каждый раз, как наведаюсь – стараются прикончить… Слушай, а тебе не кажется, что мы как раз и премся в ловушку?

– Я об этом напряженно размышляю, а всякие вар… северяне мне мешают, – отозвался стигиец. – А если серьезно – очень похоже, что нам сознательно оставили свободный коридор. Если б мы сунулись в какой-нибудь из боковых, нас бы выгнали, дав возможность укрыться здесь. Но изменить все равно ничего нельзя. Оборотни предполагают, что все предусмотрели. Как бы их планы не обернулись против них самих…

– Это самое лучшее, что может произойти, – согласился Конан. Тотлант кивнул и добавил:

– И они не догадываются о гномах.

Тут стигийский маг ошибался. Оборотни знали о подгорном народе и постарались принять меры по защите своего убежища. Правда, они не представляли, что гномам удастся так быстро разобрать завал. В то время как Конан с Тотлантом строили предположения,

отряд подземного народа прошел уже больше половины пути.

Коридор закончился широкой лестницей, полого уходившей наверх, на второй этаж храма. Поднявшись по широким ступенькам, охотники на оборотней ворвались в следующий коридор. Лестница на этом не закончилась, ведя дальше. Конан посмотрел по сторонам – тихо. Факелы освещали единственную дверь справа от лестницы. Она также была бронзовой и ее украшали две драконьи головы с кольцами в зубах.

Киммериец чуть замялся и решительно начал подниматься выше. Не успел варвар пройти и десяти ступенек, как сверху донесся заунывный тревожный вой. Варвар остановился и прислушался. Завывание приблизилось, и теперь в нем различался боевой задор и призыв к драке. Ему ответили справа, слева, снизу…

– Окружили, сволочи! – заорал Конан. Рангильдор в его руке налился ослепительным белым светом.

Наверху замерцали красные точки, застучали когти и на оторопевших людей хлынула целая мохнатая армия, благо лестница была широкая.

* * *

Конан сразу понял, что с помощью любого меча, пусть даже трижды волшебного, невозможно отразить такой бешеный натиск, и, спотыкаясь, помчался вниз. Отряд последовал его примеру.

– Направо! – скомандовал Эрхард. Красные глаза появились одновременно и снизу, и в левом коридоре. Справа тоже слышался вой, но никого пока видно не было.

Киммериец остановился на предпоследней ступеньке, давая Эрхарду возможность увести остальных. Сверху с торжествующим визгом летели оборотни в получеловечьем обличье. Некоторые сжимали в когтистых лапах мечи и копья.

Конан поднял меч в левую боковою позицию и приготовился. Весь его многолетний опыт подсказывал – впереди несущейся на него лавины обязательно окажется одиночка, жаждущий личной славы.

И точно. Оборотень светло-серой масти, ничем не вооруженный, прыгнул на человека, протягивая вперед когтистые лапы. Варвар рассчитал все точно, и, отступив на шаг вправо, ударил с быстротой молнии. Разрубленное надвое тело, щедро заливая ступеньки кровью, покатилось вниз. Вскоре оттуда донесся глухой удар и гневный вой.

Ухмыльнувшись, Конан, не выпуская из виду приостановившихся врагов, мягким кошачьим шагом отступил спиной вперед.

– Эй, ублюдки! – довольно крикнул он. – Кто следующий? Подходи по одному, можете по двое!

Ответом ему был яростный вой. Оборотни справились с оцепенением, вызванным страшной гибелью сородича, и устремились в атаку. Их было никак не меньше трех десятков, и Конан мимоходом подумал – а что, если они с Эрхардом ошибались, и тварей здесь не меньше сотни?

Организованное отступление превратилось в откровенное бегство. Киммериец как мог, пытался отбросить чудовищ назад, но те лишь уворачивались, избегая ударов сияющего меча,

и продолжали преследование. Люди пронеслись мимо замеченных еще при подъеме дверей с драконьими мордами. У варвара мелькнула мысль, а не попробовать ли укрыться там? Если комната за дверями не имеет других выходов, то в ней можно бы было продержаться до прихода гномов. Тем не менее, он пробежал мимо, успев кинуть на створки критический взгляд. Толстая бронза, выдержит даже удар тараном, но что толку? Если Тотлант сумел разрушить не в пример более мощную дверь, то что произойдет, если припрется местный колдун? Да нас просто зажарят!

Первым несся Гильом. Не потому что он был трусом и припустил при первой настоящей опасности без оглядки. Вовсе нет. Гандер с братом шли в авангарде, прикрывая остальных. Следом, шагах в пяти, бежал Веллан, за ним Эртель и Эмерт, дальше имевшиеся в отряде женщины, старики и маги, а замыкали вереницу могучий гном и не менее могучий киммериец.

Гильому не повезло. Не повезло, как никогда в жизни. Прирожденный охотник, уроженец аквилонской провинции Гандерланд, где пятилетние дети с легкостью выслеживают оленей, он не почувствовал подстерегающей опасности.

Коридор, по которому они бежали, резко вильнул. Гильом повернул за угол и с размаху угодил в дружеские объятия. За поворотом их поджидали. Десяток полуволков во главе с колдуном. Его гандер признал по черному шару в лапах.

– Бегите! – заорал он, опомнившись. – Уходите! Здесь колдун! – он вырвался из удерживающих его цепких когтистых лап, отпрыгнул в сторону, выставив перед собой два меча, и, не раздумывая, атаковал ближайшего оборотня – высокого, крупного зверя серебристой масти.

Гандер не видел ночной церемонии и понятия не имел, что перед ним вожак стаи.

Оборотень легко ушел от смертельного, как казалось Гильому, удара крест-накрест, и рванул когтями правое запястье человека. Резкая боль, правая кисть сама разжимается, испытанный в боях меч со звоном падает на обсидиановый пол… Гандер зачарованно смотрел, как по несгибающимся пальцам тонкими красными ручейками льется кровь. Его кровь. Похоже, порваны сухожилия, по привычке отметил Гильом, и внезапно пришла уверенность – ему не пережить этой схватки.

Вожак дал противнику время опомниться, с показным интересом изучая свои когти, испачканные красным.

В глазах гандера полыхнула обреченность. Он понял, что остается жив только из-за того, что этот серебристый хочет поиграть с ним. Попробуй он убежать, и колдун ударит его молнией из шара. Ну что же… Пока оборотни будут здесь с ним возиться, у его друзей появится возможность уйти подальше.

Гильом на миг прикрыл глаза, мысленно попрощался с Гартом, и, облизав пересохшие губы, бросился на колдуна, замахиваясь здоровой левой рукой. Магический шар, до того непроглядно-черный, полыхнул нестерпимым алым светом.

– Твоя душа – моя, – произнес чей-то бесплотный голос в голове Гильома, и в ту же секунду слепящая боль затопила сознание. Прожженный насквозь, гандер с коротким воплем отлетел назад и рухнул на обсидиановый пол.

Монстры на стенах довольно усмехнулись.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,
в которой, как ни жаль, наступает развязка…

Услышав предупреждающий крик Гильома, Веллан рванулся вперед и успел схватить Гарта за плечо, прежде чем тот кинулся вперед. Гандер яростно отбивался, пытаясь вырваться.

– Пусти! Пусти, там мой брат!

– Там колдун, – зашипел в ответ бритуниец. – Теперь мы ничем не можем помочь Гильому…

Подоспевший Эртель намертво вцепился в Гарта. Вдвоем они потащили бешено сопротивлявшегося гандера навстречу остальным.

– Пустите! Гильом! Он погибнет там! Да отпустите же!

Издалека долетел короткий вопль, замирающим эхом отражаясь от стен. Гарт протяжно закричал, непостижимым образом вырвался из рук удерживающих его друзей, и, на ходу выдергивая из ножен мечи, помчался по коридору.

Веллан рванулся было за ним, уже плохо соображая, что делает, но кто-то рывком ухватил его за куртку – кольчугу с тех памятных пор бритуниец так больше и не одевал – и остановил. Он зло обернулся, готовый убить любого, кто решил задержать его – и замер. Удержавшая его рука принадлежала Конану. Варвар посмотрел вслед скрывшемуся за поворотом Гарту и что-то в его взгляде заставило Веллана прекратить вырываться.

До замерших людей донесся горестный стон, сменившийся яростным боевым кличем. Звон мечей слился с обреченным жалобным воем.

– Похоже, ему удалось отомстить, – сухим и каким-то чужим голосом проговорил киммериец. – А позже мы или гномы отомстим за них обоих. Уходим. У нас еще есть выход – та дверь возле лестницы.

Они повернулись и побежали обратно. Теперь отряд возглавлял Конан, отгоняя выскакивавших навстречу оборотней Рангильдором.

Вот и бронзовая дверь. Возле нее стояли несколько полузверей, зарычавших при виде выбежавших за прохода людей. Киммериец резко прыгнул вперед, достав мечом одну из тварей. Оборотень, располосованный почти надвое, рухнул на пол, остальные в ужасе шарахнулись в стороны. Веллан ухватился за кольцо, зажатое в пасти металлического дракона, чтобы – ко злу или к добру – распахнуть створки, когда из глубины коридора донесся короткий вскрик и наступила почти тишина.

– Все, – еле слышно прошептал Эртель, смахивая навернувшиеся слезы и тоже хватаясь за кольцо. Оборотни торжествующе завыли, Конан сделал шаг в их сторону и твари сразу замолчали, метнувшись подальше в сторону. Веллан и Эртель совместными усилиями наконец отодвинули тяжелую створку. За ней оказался длинный и широкий зал, освещенный четырьмя большими лампами со множеством свечей под потолком и тонкими солнечными лучами, падавшими из узких высоких окон, больше напоминающих бойницы. На стенах висели не то гобелены, не то знамена красных и черных цветов, а самое главное – в зале не было других дверей!

Створки открывались наружу и были снабжены внушительного вида засовом, который вошедший последним Конан сразу же опустил на полагающееся для него место.

– Теперь год продержимся, – уверенно заявил Фрам. – Мой топор жаждет крови!

– Обойдется, – буркнул Конан, вытирая полой куртки меч.

Люди столпились кучкой возле дверей, не решаясь разойтись по залу. Хотя какая же это кучка – восемь человек, из которых одна девушка, гном и один пожилой человек, пускай и уверенно заявляющий, что ему никакой оборотень не страшен.

– Мне здесь не нравится, – уверенно заявил Тотлант, оглядевшись по сторонам. – Не знаю почему, но не нравится. Надо убираться, немедленно уходить отсюда, слышишь, варвар?

Стигиец выглядел насмерть перепуганным, хотя тщательно старался это скрывать. Он направился к дверям, но Конан преградил ему путь.

– Тотлант, прекрати, – устало сказал киммериец. – Мы уже потеряли двоих, да упокоятся их души на Серых Равнинах. Ты знаешь, я не люблю твой народ и не доверяю колдунам, но сейчас я прошу тебя – останься, ты нам нужен. Вчера ты сказал мне – «Если ты так торопишься умереть, то сделай это с большей пользой для твоего дела.» Сегодня я повторяю это тебе… И перестань называть меня варваром, Сет тебя побери!

Маг снизу вверх взглянул в ярко-голубые и ставшие холодными как лед глаза Конана, кивнул и молча отошел от дверей.

Отряд выглядел неважно. Эрхард теребил седой ус, задумавшись о чем-то своем. Веллан уселся в углу, уставился в пол перед собой и постоянно откидывал назад светлые пряди, падающие на глаза. Движения его руки с каждым разом становились все более дергаными. Эмерт бесцельно пересчитывал уцелевшие стрелы в колчане, сбивался и начинал сначала. По его перебитому носу стекал пот вперемешку с кровью – кто-то из оборотней успел хлестнуть лучника по лицу. Фрам разглядывал стены, опершись на топор, но чувствовалось, что гному тоже не по себе. Эртель беззвучно плакал, до крови закусив губу. Селена почти упала посреди зала, и теперь сидела, время от времени изо всех сил дергая себя за кудряшки и пытаясь не потерять сознание. Ей приходилось хуже всего. Но Конан, оглядев свое потрепанное и приунывшее воинство, направился не к ней, а к Эртелю. Присев рядом, он обнял неугомонного шутника за плечи:

– Больно?

– Они были моими друзьями, лучшими друзьями, – сквозь слезы заговорил Эртель. – А вчера я с ним разругался, и теперь никогда – слышишь, никогда! – не смогу сказать: «Да ладно, Гарт, извини, если что не так.» Он бы меня простил… Будь они все прокляты! Все, все… – он заскрипел зубами. Варвар встряхнул его за плечи:

– Держись. Тяжело не только тебе. Мы все скорбим о погибших, но оплакивать их будем после победы. А сейчас возьми себя в руки и приготовь меч. Чует мое сердце, что скоро тут будет горячее, чем в преисподней, а нас осталось мало. И мы должны выжить. Я на тебя полагаюсь, слышишь, Эртель?

– Да, – Эртель трясущимися руками вытер лицо. – Хорошо. Я постараюсь, – он не совсем уверенно вытащил меч из ножен и положил рядом с собой.

– И вы все! Не вздумайте раскисать! – обратился Конан к остальным, хотя сам уже с трудом верил своим словам. – Мы выберемся!

«Выберемся, как же… Восемь человек против четырех десятков прирожденных убийц… В лучшие времена я не влипал в такую гадостную переделку! И стигийский колдун впридачу! Да где же эти проклятые гномы? Неужели они бросили нас тут помирать?»

* * *

– Тральд, клянусь Предвечным, осталось не больше трех шагов!

– Ты прав. Даже если люди уже погибли, мы отомстим за них. Топоры гномов щедро напьются свежей крови!

– И тогда будет покончено с угрозой нашим шахтам!

Хирдманы работали, не покладая рук. Кое-кто прихватил с собой кирки, и теперь их вовсю пустили в ход. Гномы упорно долбили стену, разбирали завал, передавая по цепочке вытащенные камни. Работа привычно спорилась, но никто не мог сказать, успеют ли они…

* * *

– Стена! Стена двигается! – вскрикнул Эртель, указывая мечом на противоположную стену.

– Что ты несешь… – начал было Конан, но оборвал себя на полуслове, увидев, как огромная и казавшаяся цельной обсидиановая плита медленно поворачивается. Киммериец сразу все понял и смог лишь мысленно схватиться за голову и обругать себя всеми последними словами. Ну как он раньше не сообразил? То же мне, опытный воин! Сколько раз сам загонял противников в нужное место и заставлял их поверить, что они в полной безопасности! Дверь, через которую они вошли, наверняка закрыта снаружи и для надежности защищена заклятиями. Попались.

Пока неторопливо поворачивалась огромная плита, в стенах открылись потайные проходы, через которые в зал проникали полулюди-полузвери и волки. Они выстраивались вдоль стен, не торопясь нападать.

– В круг, быстро! – скомандовал Эрхард.

Отряд занял круговую оборону, вставив вперед мечи. Побледневшую Селену втолкнули внутрь круга.

Плита наконец окончательно повернулась, с звонким щелчком встав на место и явив всем собравшимся каменный помост с установленным на нем простым деревянным креслом. В нем, не выпуская из лап талисмана, сидел колдун оборотней. По правую руку от него жизнерадостно ухмылялся, вывалив красный язык, серебристый вожак – бритунийская гордость.

– Рады приветствовать вас, дорогие гости, во Вращающемся зале, – послышался низкий и слегка насмешливый голос колдуна. – Надеюсь, все поняли, почему он так называется? – он сделал паузу и, подняв острые волчьи уши, сделал вид, что внимательно прислушивается. – Что-что? Не слышу ответа. Ну и ладно, Нергал с ним. Думаю, вы также не питаете иллюзий относительно своей судьбы? Для тех, кто все еще не понял, поясняю – вы все умрете. Но сначала просто побеседуем. А для удобства разговора снимем кое с кого маски.

Из темного матового шара полился, разгораясь, багрово-алый свет.

– Н-нет! – отчаянно закричал Эртель. – Я не хочу!

Конан не успел спросить, чего он не хочет, потому что и сам все понял…

– А вы меня еще убеждали, – с горечью сказал киммериец. – Ну почему было сразу честно не сказать, мерзавцы? Я что, не понял бы?

На месте его отряда стояли звери. Почти неотличимые от тех, что выстроились вдоль стен зала. Два полуволка и трое настоящих волков, один из которых был заметно меньшего размера. Маленький зверь поднял голову и тоскливо завыл. Другой, покрупнее, со светлой шкурой и блестящими синими глазами, цапнул его за загривок – прекрати!

Фрам протирал глаза и щипал себя за ухо. Все не мог поверить. Стигиец остался спокоен, как мумия.

Для Конана превращение не стало большим сюрпризом. По намекам и обмолвкам он уже давно догадывался о второй сущности своих друзей, но решил не торопить события. Ну вот, дождался. Оказывается, подозревать – это одно, а знать наверняка – совсем другое…

Схватив гнома за плечо, варвар вытолкнул его из круга, прошипев стигийцу:

– Тотлант, сюда! Фрам, прикрывай меня сзади! Пусть считают, что у нас начался полный разлад!

Эрхард, огромный, но совершенно седой полузверь, оскалился, глухо прорычав:

– Ну, добился своего?

– Стараемся, – хмыкнул колдун. – А скажи-ка мне, сотник, каково это – убивать себе подобных?

– Такие как вы – звери. Вы не заслуживаете жизни. И люди убивают своих сородичей, если они опасны для остальных, – Эрхард говорил плохо, все время хрипел и кашлял. Конан понял, что сотник много лет не превращался и отвык от волчьей глотки.

– Забавно, – пожал плечами колдун. – Люди постоянно режут друг друга. Для развлечения, без всякого повода, просто так. Им не место на земле. Мы – оборотни, Карающая Длань Создателя, и мы очистим этот мир от людской скверны! – глаза колдуна зажглись одержимым блеском. – И начнем, пожалуй, прямо сейчас. Хоть вы и принадлежите к нашему роду, но предали нас, а потому примете смерть наравне с людьми, которых вы так рьяно защищали. И этот каменный червяк-гном тоже. Кстати, северянин, – он повернулся к Конану. – Никак не мог понять, как они сумели обвести тебя вокруг пальца? Впрочем, теперь это не важно. Твоя душа тоже мне пригодится. Будешь на Серых Равнинах – передавай привет своим дружкам. Они отправятся сразу же за тобой.

Конан отчетливо понял, что на этом его долгий жизненный путь, кажется, подошел к концу. Бежать некуда, спастись невозможно. Мда-а, съездил в Пограничье…

– А-а-а! – почти человеческим голосом взвыл маленький волк и, проскользнув мимо сородичей, огромными прыжками понесся через зал. Между кругом оборотней и стоявшими в отдалении людьми было от силы шагов десять.

– Да-да, – передразнил колдун, и из вспыхнувшего шара вылетела алая молния. Селена, с силой оттолкнувшись, взвилась в воздух, на лету принимая человеческий облик, и, прежде чем кто-то успел хоть что-то сказать или сделать, повисла на шее Конана.

– Проклятая девчонка! – раздраженно вскрикнул колдун, привстав со своего места.

Киммериец успел подхватить летевшую к нему девушку, затем на краткое мгновение его грудь опалило жаром, а Селена неожиданно обмякла и безжизненно повисла на руках оторопевшего варвара. Только теперь он увидел безобразную рану с обгоревшими краями, расплывавшуюся на спине девушки-оборотня.

– Сволочь!!! – непроизвольный крик сам рванулся из могучих легких Конана. Он бережно опустил изуродованное тело Селены на обсидиановые плиты, присев рядом. Странно, но лицо девушки выглядело спокойным и слегка улыбающимся.

– Пусть даже так, – колдун нервно усмехнулся – на волчьей морде это выглядело как кривой оскал. – Но даже это тебя не спасет.

– Да? – неожиданно равнодушным тоном спросил молчавший до того Тотлант. – Сейчас посмотрим…

С навершия длинного посоха мага слетела ярко-зеленая нить и стремительно оплела черный талисман изумрудной паутиной. Морда колдуна-оборотня исказилась от неподдельной ярости:

– Ты что, решил потягаться со мной, человечий щенок? Не выйдет!

Густая зеленая сеть начала лопаться – ниточка за ниточкой. Лицо стигийца окаменело от напряжения, по нему ручьями тек пот, вцепившиеся в посох пальцы побелели и отчетливо похрустывали, но маг не сдавался. Все, казалось, окаменели, в том числе и варвар, бессмысленно смотревший на мертвую подружку.

– Конан, – сквозь зубы прошипел Тотлант. – Сделай что-нибудь! Или нам точно конец! Варвар, чтоб тебя!

Киммериец, наконец, очнулся. Вскочил на ноги, схватился обеими руками за рукоять Рангильдора и, прошептав «Кром, помоги!», с диким воплем метнул меч в колдуна, вложив в этот бросок всю свою силу.

Почти одновременно с его броском лопнула последняя зеленоватая нить, опутывающая черный шар, и метнулась обратно, к породившему ее посоху. Колдун, злорадно залаяв, вместе с обрывком паутины отправил стигийцу небольшой «подарок».

Тотлант успел только вскрикнуть (Рангильдор в это время уже летел к цели). Его посох разлетелся в мелкие щепки, мага лизнул колдовской огонь, он снова закричал – на этот раз от боли – сделал шаг назад. И тут у него из носа, рта, ушей и, казалось, из всех возможных пор хлынула кровь. Стигиец качнулся, и, словно получив хороший удар, рухнул лицом вниз. Под ним быстро расплылась кровавая лужа.

Из глотки колдуна вырвался торжествующий визг, он повернулся к варвару… и увидел летящую к его трону ослепительную Звезду, Срывающую Маски. Вопль радости сменился воплем ужаса.

Рангильдор с хрустом ударил в черный шар, раздробив его на множество осколков, пролетел дальше и вонзился в грудь колдуна, отшвырнув его назад.

Из расколотого талисмана вылетели алые лучи, веером устремившиеся к потолку. На миг Конану показалось, что он слышит множество радостных голосов, слившихся в единый ликующий крик, и среди них звучат два хорошо знакомых ему – Гильома и Гарта… В следующий миг лучи исчезли, а рассыпавшиеся кусочки шара с шипением начали превращаться в туман. В точности как лед, попавший на раскаленную поверхность.

Глаза колдуна расширились, скрюченные пальцы ухватились за острое лезвие Рангильдора, торчащего из груди. Умирающий попытался что-то сказать, но не смог. Подбородок уже ставшего человеком оборотня с глухим стуком упал на грудь.

Конан устало осмотрелся. Все полузвери в безмолвном зале с немым ужасом смотрела на тело пригвожденного к трону колдуна и на Вожака, как столб застывшего рядом. Вернувшиеся в человеческий облик Эртель и Веллан пытались помочь стигийцу. Несмотря на сильное кровотечение, он был еще жив.

Варвар чувствовал огромную пустоту, внезапно затопившую его душу. Внезапно он решил: «Если сегодня выживу, поеду в Бритунию. Найду главаря, даже если придется перерыть всю страну. Разыщу и намотаю кишки на уши!»

В тот момент, когда во Вращающемся зале умер колдун оборотней, гномы, обрушив последнюю стену, проникли в храмовые подвалы. Подгорные воители горели жаждой мести и горе тому, кто окажется на их пути.

* * *

Серебристый вожак недолго пребывал в оцепенении. Он неожиданно шагнул вперед, стремительно превращаясь из полузверя в человека. Вскоре возле трона стоял светловолосый и светлобородый мужчина, примерно одних лет с Конаном и не уступавший варвару телосложением, если не превосходивший. Вожак не стал искать одежду, а вместо этого наклонился к трону и жестом фокусника вытащил из-за него два длинных меча. После чего неторопливо спустился с возвышения и подошел к варвару.

– Киммериец, – окликнул он. Голос у него оказался под стать внешности – низкий и немного раскатистый. – Честное слово, мне жаль, что мы оказались по разные стороны тропы войны. И я искренне сожалею, что погибла твоя подруга. Но я не могу отступать от возложенного на меня долга. Я предлагаю тебе честный поединок. Если победишь ты – мои воины отпустят вас всех на свободу. Если я – не обессудь, мы отправим вслед за тобой и твоих друзей. Обещаю, что они умрут быстро и без мучений. Согласен?

– Бой до смерти, – медленно повторил Конан. – Так?

– Да, – кивнул вожак. – Выбирай меч, они специально сделаны парными.

Варвар взял один из предложенных клинков – прямых и без лишних украшений, сработанных наверняка где-нибудь в Гиперборее, а может, и в Киммерии – пару раз взмахнул им для пробы. Меч был отлично сбалансирован, рукоять не скользила в ладони, а за кажущейся простотой скрывалась превосходная сталь.

– Этот, – решил Конан. Мечи одинаковы, но, если вести честный бой, требуется уравнять шансы еще кое в чем. Варвар стянул кольчугу, затем куртку и рубашку, присоединил к ним снятые с пояса ножны с кинжалом, оглянулся и жестом подозвал Веллана. Бритуниец подошел, старательно глядя куда-то в сторону.

– Подержи, – Конан сунул ему свое барахло. – Оборотней развелось, понимаешь… Нормальному человеку ступить негде. Как Тотлант?

– Плохо, – Веллан пожал плечами и неуверенно спросил: – Ты… ты на нас не обиделся?

– Было бы за что, – огрызнулся варвар. – Ладно, потом поговорим… если доживем.

– Удачи тебе, – быстро проговорил бритуниец и быстрым шагом ушел к сбившемуся в углу отряду.

– Начнем? – Конан отступил на несколько шагов и отсалютовал противнику мечом. Оборотень сделал то же самое.

Стая предусмотрительно прижалась к стенам. Конан мельком заметил, что оборотни незаметно окружили отряд, что кашляющего Тотланта пытаются привести в чувство, а тело Селены, уже завернутое в чей-то плащ, уложили в углу зала и возле него стоит мрачный, как

снеговая туча, Эрхард.

Противники, стоявшие в двух десятках шагов друг от друга, начали сходиться. Вожак, разминая кисть, крутил клинок и так, и сяк. Конан с легкой завистью отметил, с какой виртуозностью кончик меча выписывает волнообразные движения. Заморийские воришки обзавидовались бы. Они умеют так же управляться с длинным кинжалом, но заставить порхать тяжелый клинок…

Киммериец ничего подобного не делал. Его крепкие мозолистые ладони плотно обхватили рукоять меча. Направленное чуть вверх лезвие слегка покачивалось в такт движениям варвара.

Враги сближались мягким пружинящим шагом прирожденных воинов. Пустота утрат покинула душу Конана, ее сменил боевой азарт и сладкое предвкушение великолепной схватки с настоящим противником. Надоело рубиться со всякой нечистью или вырождающимися кметами!

Они застыли на расстоянии удара и на какое-то мгновение остановились, пристально вглядываясь. Холодные голубые глаза варвара изучали светлые зеленые радужки оборотня. Вот в них что-то дрогнуло и вожак нанес первый удар – простой рубящий сверху. Конан парировал его, резко отбрасывая клинок, и провел контратаку в среднем и нижнем уровнях. Молниеносная серия ударов, на бедре оборотня появилась первая царапина – не успел вовремя отскочить. Конан скрипнул зубами. Он был недоволен собой – единственный достигший цели удар должен был вообще снести ногу врага, но клинок только чиркнул по светлой коже…

Оборотень несколько изучил манеру своего противника и снова атаковал. Клинки с лязганьем сталкивались и разлетались. Враги кружили по залу, погружаясь в упоение боем и не замечая ничего вокруг. Каждый успел получить по несколько незначительных ран, но не обратил на них внимания.

Варвар отражал и наносил удары, перемещался, увертывался, все отчетливее понимая, что противник превосходит его и в силе, и в ловкости, и в умении владеть мечом. Правда, самую чуточку, но все же… Оборотню не пришлось выдержать подъем в горы, ночь, наполненную криками умирающих, и дерется он, небось, не на голодный желудок… Плохи дела.

Кончик вражеского меча прошелся по животу, оставив глубокую, начавшую заплывать кровью царапину. Стой варвар хоть немного поближе – и собирать ему собственные кишки со всего пола, а так Конан лишь покосился вниз и коротко улыбнулся. Вожак ухмыльнулся в ответ, и клинки снова с визгом скрестились.

Схватка полностью захватила киммерийца. Он не думал ни о чем, кроме своего противника. Меч словно стал продолжением его руки. Конан восхищался каждым ударом, каждой мастерски проведенной атакой и защитой. Его больше не волновало, что произойдет, когда один из них ошибется и безжизненным куском мяса повалится на черный обсидиан. Впервые за много лет киммериец встретил достойного противника, ни в чем не уступавшего ему самому.

Все глаза в зале были прикованы к сражающимся. Напряжение росло, и, разумеется, каждый из находившихся в зале желал победы своему бойцу.

Эртель, беззвучно шепча молитву, осторожными шажками приближался к креслу с обмякшим телом колдуна. Пока все любуются боем, стоит попробовать вытащить Рангильдор. Даже если Конан победит, неизвестно, выполнит ли Стая обещание покойного

вожака.

Эртеля никто не замечал и в какой-то момент ему пришла в голову безумная идея – перерезать глотки всем завороженным зрелищем оборотням… Он усмехнулся и продолжил путь.

Бой длился уже довольно долго и противники начинали уставать. Мечи уже не так легко взлетали в руках, большинство ударов, хоть и ослабленными, но достигали цели. Почти железная защита вожака начинала давать трещины. Воины тяжело дышали, из многочисленных ран капала кровь.

Следующий обрушившийся на него удар Конан парировал плоской стороной клинка и повел его вниз, по движению вражеского меча. Внезапно варвар сообразил, как одним движением может обезоружить противника. Резкий поворот с закрутом, рывок на себя – и клинок оборотня, словно живой, вырвался из пальцев хозяина, пролетел над головой Конана и зазвенел где-то далеко позади.

Вздох ужаса вырвался у оборотней. Мохнатая толпа качнулась вперед. До киммерийца долетели подбадривающие крики его товарищей:

– Бей! Покончи с ним, Конан!

Варвар не воспользовался заминкой. Он просто не мог прикончить противника, только что подарившего ему такой прекрасный поединок. Пока киммериец стоял в замешательстве, лишившийся меча оборотень прыгнул вперед и с размаху двинул ему в челюсть. Потерявший равновесие Конан отлетел шага на три, упал, проехавшись спиной по жесткому камню, но меча из рук не выпустил. Вожак, не дав ему опомниться, пнул по кисти. Конан яростно вскрикнул, но не смог ничего поделать – клинок отлетел шагов на десять и, звякнув, остановился.

– Продолжим? – предложил оборотень, сжимая кулаки.

– С удовольствием, – усмехнулся варвар и, резко оттолкнувшись руками, сделал кувырок назад и вскочил на ноги. – А теперь еще с большим.

Вожак атаковал, нанося такие мощные удары, что старый кулачный боец Конан сперва лишь ошеломленно прятал голову за руками. Правда, защита не помешала оборотню провести пару чувствительных ударов слева. Киммерийцу никак не удавалось оторваться от противника на безопасное расстояние.

Разозленный варвар изловчился и после очередного удара боднул оборотня в живот. Вожак согнулся, хватая ртом воздух, а Конан с величайшим удовольствием вернул ему удар в челюсть, и, не давая подняться, начал беззлобно пинать ногами. Оборотень уворачивался, затем умудрился ухватить киммерийца за ногу и уронить. Варвар приложился головой об пол, на мгновение перед глазами все куда-то поплыло, но, пока к нему возвращалась способность соображать, тело само все сделало. Конан обнаружил себя бегущим к улетевшему мечу. Оборотень тоже подхватил свой выбитый из рук клинок.

– Ну что, закончим разговор? – спросил он у медленно бредущего ему навстречу Конана.

– Да, пожалуй… Было очень приятно с тобой… побеседовать, – отозвался киммериец.

– Взаимно, – кивнул вожак. – Но кому-то придется расстаться с жизнью.

Конан печально кивнул головой. У него и в мыслях не было закончить поединок миром. Бой до смерти – так до смерти. А жаль.

Посыпались жесткие, резкие удары, но даже в такой момент не утратившие изящества, присущего только истинным мастерам.

Вожак во время очередного выпада слишком открыл руку и варвар мгновенно

воспользовался моментом. Оборотень оказался быстрее и успел отдернуть кисть, но усталость взяла свое – меч киммерийца достал его. Лезвие глубоко рассекло запястье, разрубив сухожилия. Вожак едва успел перехватить рукоять левой рукой. К счастью для него, ей он владел не хуже, чем правой, и вынудил разочарованного Конана уйти в глухую защиту.

Однако сил оборотня хватило ненадолго. Он чувствовал, что с каждой каплей крови, текущей по ладони безжизненной кисти, утекает его сила. Он слабел на глазах.

«Проигрываю», – уныло подумал вожак, и, вложив все остатки силы, все неприкосновенные запасы, обрушил на киммерийца еще с десяток ударов. То ли варвар ощутил неуверенность противника, то ли просто решил сохранять выдержку – осталось для него самого тайной за семью печатями. Однако он спокойно отразил все самые хитрые выпады.

Оборотень был близок к победе, в какой-то миг его клинок едва не смахнул варвару скальп вместе с верхушкой черепа, но киммерийцу удалось в последний момент отпрыгнуть и отделаться царапиной через весь лоб.

Вожак занес меч для очередного удара… и вдруг остановился, тяжело дыша. Кровь из рассеченной руки капала на пол, из уголка рта текла слюна. Он несколько раз сплюнул на пол розовым, поднял голову и посмотрел на противника. Киммериец выглядел на лучше. Дыхание рвалось из груди, как у загнанного быка, по лицу стекали алые струйки, направленный вперед меч ощутимо подрагивал. Однако взгляд оставался по-прежнему твердым и сосредоточенным.

Оборотень тяжело вздохнул. Вот и пришло время умирать. Выставив вперед клинок, он с хриплым боевым кличем бросился вперед. Конан спокойно ждал его. Или он, или я. Другого не дано.

Вожак нанес удар, надеясь проткнуть варвара насквозь. Киммериец шагнул вправо, левой рукой перехватил запястье оборотня. Бок обожгло. Конан посмотрел в затуманенные зеленоватые глаза противника, а в это время его рука с мечом сама поднялась и опустилась, глубоко погрузив клинок в грудь оборотня между ребер.

Из горла вожака вырвался хриплый стон. Его рука разжалась, меч бесполезным куском железа упал на черный пол. Конан выпустил врага и прикоснулся к собственной глубокой ране на боку. Кажется, ничего важного не задето. Заживет.

Оборотень сделал на подгибающихся ногах пару шагов назад и упал на бок. Скрипя зубами, он сумел ухватить рукоять и мучительно медленно вытянул из себя окровавленную сталь.

– Дерьмово… – прохрипел он и перекатился на спину.

Оборотни вдруг закричали. Этот крик был горестным и яростным одновременно, прокатившись волной по всему притихшему храму. А затем они шагнули вперед.

– Они уйдут живыми, – прохрипел вожак, приподняв голову. – Не позорьте мое имя!

Твари нехотя остановились, сжимая и разжимая кулаки. Их глаза метали молнии, но никто из полузверей не осмеливался нарушить приказ еще живого Вожака.

Эрхард понимал, что стоит тому отойти на Серые Равнины – и Стаю уже ничто не остановит. Поэтому уцелевшие люди сбились в круг, занеся в центр Тотланта. Маг все еще был жив, держась, видимо, на одном упрямстве.

Конан склонился над умирающим Вожаком, взял холодеющую руку в свою и крепко сжал:

– Скажи свое имя. Я уже давно ни с кем так не сражался…

– Деррек, граф Пьевеллы, к вашим услугам, – устало прошептал оборотень. – Он же Серебряная Молния. Не стоило мне связываться с безумцами… Послушай, ты выполнишь мою просьбу? Похорони меня по-человечески, где-нибудь в лесу… Хорошо, когда над тобой поют птицы… – глаза Вожака мечтательно потеплели. – Если не получится – забросай камнями, но не сжигай. Пожалуйста… – он стиснул руку Конана и застонал.

– Если вырвусь отсюда живым – сделаю, – твердо сказал киммериец. – Услуга за услугу – скажи, кто такой Верховный Вожак и где его искать?

Деррек с трудом помотал головой:

– Нет. Он мой господин. Таков наш закон – я не могу предать Вожака. Но если тебе нужна чья-то жизнь – ищи в Пограничье. Новый король Хьярелл. Ублюдок, он принес меня и Стаю в жертву своим интригам! Жалкий властолюбец, из-за которого погибли мои лучшие бойцы! Убей его! Слышишь, убей… – оборотень из последних сил приподнялся на локте. – Убей! – яростно прошептал он.

Рука, стискивавшая пальцы варвара, разжалась и бессильно упала на камни. Зеленые глаза остановились, глядя в вечность. Деррек, Серебряная Молния, Вожак оборотней, умер.

Конан распрямился и сжал кулаки. Хьярелл… Теперь многое становится понятным. Нападение на тихой поляне, Вальсо, Хальмун… Смерть Дамалла, скорее всего, тоже на его совести…

– Конан! – откуда-то выскочил Эртель. – Держи! – он сунул киммерийцу в ладонь рукоять Рангильдора. – Сейчас они набросятся!

Оказалось, что отряд успел выбраться из своего угла и занял оборону на помосте. Оборотни с диким обреченным воем бросились на шестерку людей. Перекрывая все звуки в зале, загрохотал голос гнома:

– Ну, наконец-то мой топорик напьется вражьей крови!

Они кое-как отбивали яростные, но беспорядочные атаки тварей, когда со стороны запертых бронзовых ворот раздался грохот и боевой клич подгорного племени:

– Топоры Гномов!!! – Казалось, от слитного рева многих десятков глоток рухнут стены зала. – Гномы Идут!!!

Снесенные с петель створки рухнули вовнутрь, в зал хлынули бородатые карлики, закованные с ног до макушек в сверкающую броню. Оборотень, оказавшийся в этот миг перед Конаном, оглянулся на вход, безумно рассмеялся и бросился грудью на Рангильдор…

Началась бойня. Гномы размахивали огромными топорами, круша оборотней. Часть тварей попыталась скрыться через проходы в стенах, но и там уже поджидали.

Никто из отряда не принимал участия в резне. Кто-то помог Конану перевязать распоротый бок (варвар так и не смог потом выяснить, кто же это был), он вытер меч о какую-то тряпку и начал одеваться. Два гнома в сияющих доспехах сбивчиво объясняли, почему они так задержались. Варвар не слушал – ему было все равно…

ЭПИЛОГ,
в котором сводятся кое-какие старые счеты и начинаются новые приключения

Хьяреллу, новому королю Пограничья, снился плохой сон. В нем он видел мертвого Деррека, проклинавшего за свою гибель… Хьярелл был почему-то уверен, что смерть Вожака была ужасной. За его спиной стояли остальные – Стая, все шесть десятков… Потом лицо Деррека подернулось туманом, превратившись в морду этого отвратительного варвара. Король вскрикнул и проснулся, чувствуя, что рядом кто-то есть.

– С пробуждением вас, ваше величество, – тихо сказал чей-то насмешливый голос. – Доброе утро, так сказать.

Хьярелл моментально покрылся липким потом и потянулся за кинжалом, лежавшим под подушкой.

– Тотлант, – все также язвительно продолжал голос, – освети комнату, если тебе не трудно, а то беседовать в темноте совсем неудобно.

Вспыхнул зеленоватый огонек, и в его свете король увидел стоящих вокруг его кровати Эрхарда, Конана и неизвестного стигийца, по-видимому, упомянутого Тотланта.

– Что вам нужно? – голос Хьярелла сорвался на визг.

– А как ты думаешь, волчок? – ухмыльнулся Конан. – Кстати, один твой приятель, по имени Деррек, очень просил отправить тебя на Серые Равнины. Мол, ему там без тебя будет скучно – некому глотку перегрызть. Не могу же отказать умирающему в его последней просьбе!

– Хочешь золота? – быстро проговорил Хьярелл. – Много! Двести, триста тысяч…

– А Деррек был прав – ты действительно редкостный ублюдок и мразь, – задумчиво проговорил киммериец. – И мне сильно кажется, что никто не огорчится, если завтра тебя найдут в этой уютной комнатке с перерезанным горлом. Знаешь, какая мне мысль недавно пришла в голову? Пограничье – не такая уж и плохая страна, только ей нужен правитель с крепкой рукой и твердым характером. И я даже знаю человека, подходящего на эту должность. Эрхард, хочешь быть королем этой помойки? Глядишь, через годик-другой сделаешь из нее приличное королевство.

– Ты серьезно? Думаешь, меня поддержат? – с надеждой поинтересовался сотник.

– Поддержали же эту сволочь, – пожал плечами Конан. – Эй, ты! Можешь высказать свое последнее желание, – в руке варвара блеснул длинный широкий кинжал.

– Стража! – не своим голосом завопил Хьярелл. Эрхард и Конан расхохотались:

– Не ори. Всех стражников отослали в «Корону и посох» – пиво пить. Ну как, хочешь изъявить последнее желание или нет?

Хьярелл поморщился. Он наконец нащупал кинжал и, стараясь потянуть время, проговорил:

– Да. Хочу. Расскажите, как вы выжили и что с Дерреком.

– Это можно, – Конан, поигрывая кинжалом, присел на край кровати и быстро поведал медленно белеющему Хьяреллу всю историю.

– …Трупы оборотней, погибших в храме, мы сожгли. Селену похоронили на скале рядом с пещерой. Деррека я, как и обещал, довез до лесов и зарыл под могучим, как и он, вязом.

Пусть земля будет ему пухом, а душа с миром живет на Серых Равнинах. Тотлант, как видишь, выжил, хотя всю обратную дорогу провалялся в лихорадке. Мы уже не надеялись, а стигиец все-таки выкарабкался… Доволен? А теперь пора тебе встретиться с Дерреком.

– Отправляйся к нему сам! – выкрикнул король, выхватывая из-под подушки кинжал и замахиваясь.

– Зря вы так, ваше величество, – укоризненно произнес Конан, перехватив занесенную руку Хьярелла и крепко сжав запястье. – Кто ж так с оружием обращается? Ведь и порезаться можно… Ненароком, – с этим словами киммериец с хрустом вывернул кисть Хьярелла, всадив его же кинжал в сердце неудачливого короля. Глаза бывшего повелителя вылезли из орбит, он судорожно качнулся вперед и завалился на подушки.

– Я его честно предупреждал, – с притворным сожалением пробормотал варвар, закрывая глаза покойному королю. Затем Конан взял со столика в изголовье золотой обруч с тремя дубовыми резными листьями, повертел в руках, хмыкнул и протянул Эрхарду:

– Ну что, король умер, да здравствует король?

* * *

Через три дня после коронации и последовавших за ней праздников Конан начал укладывать дорожный мешок. Дорога в Бритунию далека, да и лютые зимние холода приближаются… В Аквилонии, по слухам, пикты немного утихомирились, так что делать там пока нечего.

Эрхард на удивление быстро освоился в новой роли. На второй день своего правления он уже разослал приветственные грамоты ближайшим соседям, то есть Аквилонии и Немедии.

По просьбе Конана письмо в Бритунию было временно задержано. Киммерийца торжественно назначили послом, однако он быстро избавился от неожиданной должности в пользу Эртеля. Дядюшка-король пошипел, припомнив племяннику все многочисленные обиды, вольные и невольные, затем простил и собственноручно благословил, попросив только одного – вести себя при дворе Бритунии потише. Теперь у Конана был по крайней мере один товарищ в предстоящем походе.

Ближе к вечеру этого же дня явились Веллан и Эмерт. Потоптавшись у порога и смущенно глядя в пол, они попросили разрешения присоединиться к отряду. «Хорош отряд – из двух человек», – подумал Конан и милостиво согласился. Как-никак, вчетвером веселее. И с кем же будет переругиваться в дороге Эртель?

Эрхард умудрился выплатить Конану лишь четверть из полагавшихся варвару денег. При этом, когда киммериец вернулся к себе в комнату и пересчитал монеты, их оказалось всего на десять тысяч. Взбешенный Конан немедленно устроил скандал, король приказал отрубить голову казначею и отсыпать варвару еще пятнадцать тысяч. Киммериец нехорошо прищурился и ядовито поинтересовался, почему так мало.

Эрхард смиренно опустил глаза и пояснил, что вчерашний осмотр выявил в наличии всего пятьдесят тысяч, из которых половину пришлось отдать ненасытному северянину. Не может же король, лишь вчера вступивший на престол, разорить казну до самого дна даже ради выплаты долга спасителю отечества?!

Конан сильно сомневался в искренности старого пройдохи, но спорить не стал и забрал то, что дают.

Тотлант после продолжительных раздумий и сожалений о том, что ему так и не удалось пошарить по черному храму, решил отправиться вместе с киммерийцем. Книга Бытия… Ведь это так любопытно!

* * *

– …А может останешься? Будешь начальником стражи, или, если хочешь, командующим армией Пограничья, – в очередной раз предложил Эрхард, заискивающе поглядывая на возвышающегося, как монумент самому себе, киммерийца. Конан уже сидел в седле. Гнедой жеребец нетерпеливо перебирал ногами и приплясывал. Ему не хотелось стоять на месте.

Солнце только-только взошло, обитатели дворца и столицы еще пробуждались от сна, а пятеро всадников покидали Пограничье.

– Нет, Эрхард. Я всего лишь обычный искатель приключений, мне непривычно сидеть на одном месте, – отрицательно покачал головой варвар. – Уж не обессудь. Да не переживай, мы вернемся. Вот изловим бритунийского вожака и обязательно вернемся. Пусть пока моя бутыль «Старого короля» хранится у тебя. Выпьешь в одиночку – убью!

– А где Раваал? – припомнил Эрхард. – Ты вернул его в храм?

– Нет, он здесь, в мешке. Может, удастся кому-нибудь пристроить беднягу. Ладно, бывай… К весне жди нас обратно.

– До встречи, Конан. Удачи тебе. Присматривай там за моим оболтусом, идет?

Всадники тронули коней и рысью слетели с холма, поворачивая направо, на Гиперборейский тракт. Вырвавшийся вперед киммериец придержал коня и, обернувшись, помахал рукой одинокой сгорбившейся фигуре у развалин крепостной стены.

Маленький отряд вылетел на широкую, заснеженную дорогу и галопом понесся вперед, навстречу холодному дыханию полуночных стран. Ветер трепал черные волосы Конана, в которых уже появились первые седые пряди.

Пройдет всего три коротких года и он сам станет королем великой страны. А пока впереди лежит долгий путь, новые опасности и тревоги, и никто всерьез не задумывается над тем, что случится завтра…